ISSN 1563-0307; eISSN 2617-5843

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия философии, культурологии и политологии

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of Philosophy, Culture and Political Science

№3 (77)

Алматы
«Қазақ университеті»
2021

ISSN 1563-0307; eISSN 2617-5843

KazNU Science • ҚазҰУ Ғылымы • Наука КазНУ

ХАБАРШЫ

ФИЛОСОФИЯ, МӘДЕНИЕТТАНУ, САЯСАТТАНУ СЕРИЯСЫ.
№3 (77) қыркүйек

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Куәлік № 16505-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

Журнал философия, мәдениеттану және саясаттану ғылымдары бойынша диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған // Докторлық диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған ғылыми басылымдардың тізіміне кіреді // ЖАК бюллетені, №3, 1998; Нормативтік және методикалық материалдарын жариялайтын ғылыми басылымдар тізімі Қазақстан ЖАК-нің төрағасының бұйрығы 26.06.2003, №433-3 ж. // Нормативтік және методикалық материалдар жинағы №6 ЖАК. – Алматы, 2003.

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ
Турарбекова Л.В, PhD докторанты, доцент м.а. (*Қазақстан*)
Телефон: +7 702 341 2875
E-mail: l.turarbek@mail.ru

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:
Масалимова А.Р., филос.ғ.д., профессор – ғылыми редактор (*Қазақстан*)
Насимова Г.О., саяси ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (*Қазақстан*)
Жолдубаева А.К., филос.ғ.д. профессор (*Қазақстан*)
Исмағамбетова З.Н., филос.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Қарабаева А.Г., филос.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Мұсатаев С.Ш., саяси ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Нұрышева Г.Ж., филос.ғ.д., профессор (*Қазақстан*)
Сенгирбай М.Ж., PhD докторы (*Қазақстан*)

Асунсьон Лопез-Варела (Asuncion Lopez-Varela), PhD, профессор, Комплутенс университеті (*Испания*)
Каплан Синтия (Caplan Cynthia), PhD, профессор, Калифорния университеті (*АҚШ*)
Кэтлин Адамс (Catlin Adams), PhD, профессор, Лойола университеті (*АҚШ*)
Петрик Джеймс (James Patrick), PhD, профессор, Огайо университеті (*АҚШ*)
Питер Финке (Peter Finke), PhD, профессор, Цюрих университеті (*Швейцария*)
Быков И.А., профессор (*Ресей*)
Бегалинова К.К., профессор (*Қазақстан*)
Жансүгірова Ж.А., п.ғ.к., доцент м.а. (*Қазақстан*)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫЛАР
Төлеп Д.М., PhD докторанты (*Қазақстан*)
Ахмеганбетов Р.С., PhD докторанты (*Қазақстан*)
Кабдолланова А.А., PhD докторанты (*Қазақстан*)

Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы. Философиялық ой және сұқбат, толеранттылық мәселесі, мәдениетті зерттеу әдіснамалары, саяси құндылық және интеграция мәселелерін қамтиды.

Комитет по обеспечению качества в сфере образования и науки МОН РК
Crossref Content Registration
doi DIGITAL OBJECT IDENTIFIER
Национальный центр государственной научно-технической экспертизы
РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index
ҚАЗАҚ УНИВЕРСИТЕТІ БАСПА ҮЙІ
DOAJ DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS
EBSCO

Жоба менеджері
Гульмира Шаккозова
Телефон: +7 701 724 2911
E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:
Гульмира Бекбердиева
Ағила Хасанқызы

Компьютерде беттеген
Айгүл Алдашева

ИБ № 14966

Пішімі 60x84 $^{1}/_{8}$. Көлемі 10,1 б.т. Тапсырыс № 9148.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2021

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТӘУЕЛСІЗДІГІНІҢ 30 ЖЫЛДЫҒЫНА АРНАЛҒАН КӨРНЕКТІ МЕМЛЕКЕТ ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ЖАРИЯЛАНЫМДАРЫ

ПУБЛИКАЦИИ ВИДНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ПРИУРОЧЕННЫЕ К 30-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

PUBLICATIONS OF VIEW STATE ACTIVISTS DEDICATED TO THE 30TH ANNIVERSARY OF INDEPENDENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

МРНТИ 11.25.43

Т.С. Сулейменов

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Институт дипломатии, Казахстан, г. Нур-Султан,
e-mail: suleimenov41@mail.ru

ЦЕННОСТИ НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА

Ценности независимости Казахстана неразрывно связаны с именем Первого Президента Н.А. Назарбаева. Именно ему принадлежит основная и главенствующая роль в создании нашего современного Казахстана, в определении четкого Казахстанского пути развития.

Казахстан стал членом ООН, ОБСЕ, ШОС и других международных институтов, стал субъектом международного права. Это позволило нашей стране достойно занять свою нишу в мировом сообществе и осуществлять активную внешнюю политику.

Ключевые слова: Единство народа, независимость страны, международные инициативы Казахстана.

T.S. Suleimenov

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Institute of Diplomacy, Kazakhstan, Nur-Sultan,
e-mail: suleimenov41@mail.ru

Values of independent Kazakhstan

The values of Kazakhstan's independence are inextricably linked with the name of the First President N.A. Nazarbayev. It is he who plays the main and leading role in the creation of our modern Kazakhstan, in defining a clear Kazakhstani path of development.

Kazakhstan became a member of the UN, OSCE, SCO and other international institutions, became a subject of international law. This allowed us to worthily occupy our niche in the world community and pursue an active foreign policy.

Ker words: Unity of the people, independence of the country, international initiatives of Kazakhstan.

Т.Ы. Сүлейменов

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы,
Дипломатия институты, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.
e-mail: suleimenov41@mail.ru

Тәуелсіз Қазақстанның құндылықтары

Қазақстан тәуелсіздігінің құндылықтары Тұңғыш Президент Н.Ә. Назарбаевтың есімімен тығыз байланысты. Дәл осы адам біздің қазіргі Қазақстанды құруда, дамудың айқын қазақстандық жолын анықтауда басты және жетекші рөл атқарады.

Қазақстан БҰҰ, ЕҚЫҰ, ШЫҰ және басқа халықаралық институттардың мүшесі болды, халықаралық құқықтың субъектісі болды. Бұл бізге әлемдік қауымдастықта өз орнымызды лайықты түрде иеленуге және белсенді сыртқы саясат жүргізуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: халықтың бірлігі, елдің тәуелсіздігі, Қазақстанның халықаралық бастамалары.

Введение

Вот и наступило 30-летие независимости Республики Казахстан. Прежде всего, позвольте искренне поздравить весь казахский народ с наступившим светлым праздником, который принес нам свободу, равенство, единство и счастье. Это все дорогого стоит, в первую очередь, народ почувствовал свою настоящую свободу, независимость, вышел в мировое сообщество, занял в нем свою достойную нишу, стал субъектом международного права и во весь голос заявил о себе всему миру. Казахстан начал создавать свою новую историю независимости, которая принесла много непреложных ценностей своему народу.

Обоснование

1. Самым ценным в условиях упрочнения независимости нашей страны является единство

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

народа. В первые годы независимости этот вопрос стоял ребром и был очень актуален. Для решения огромных и важных проблем построения нового государства нужно было единство наций. Необходимо было добиваться единства, сплоченности и веры в будущее новой, молодой страны.

Благодаря титанической работе руководству страны и его Первому Президенту удалось упредить различные разногласия и недовольство в обществе, избежать обострение межнациональных отношений и возникновение на этой основе межнациональных конфликтов. Это единство было сохранено, преумножено и закреплено в последующие годы.

Для развития общества одного суверенитета недостаточно, нужны были реальные идеи, планы, программы для строительства нового государства. Автором этих программ был Нурсултан Абишевич Назарбаев – Первый Президент РК, Лидер нации. Благодаря верному направлению Казахстану удалось справиться и провести коренные социально-экономические реформы, построить государственно-правовую основу казахстанского общества, сплотить и объединить народ для решения вышеназванных проблем.

Была определена стратегическая линия создания нового государства. Это еще раз явилось свидетельством единства народа и руководства страны. Когда отсутствует поддержка политики главы государства народом – это беда. Именно единство народа и Президента позволило справиться с труднейшими задачами построения нового государства.

История распорядилась так, что Казахстан – многонациональное государство, в котором в согласии проживают представители более 130 национальностей, народностей и этносов. Благодаря нашей особой ментальности гостеприимства, мудрости удалось сохранить мир и согласие между всеми этническими группами. В 1995 году по инициативе Президента Н. Назарбаева была создана Ассамблея народов Казахстана, сыгравшая в государстве ключевую роль в сохранении гражданского мира и общественного согласия. За период ее функционирования накоплен уникальный опыт мирного сосуществования разных народов, различных вероисповеданий, конфессий.

Ассамблея народов Казахстана была наделена конституционным статусом и получила право делегировать своих представителей в мажилис и сенат парламента согласно установленной квоте. Следует особо подчеркнуть, что этот уникальный опыт был подробно изучен соответствующими подразделениями ООН и был рекомендован другим странам мирового сообщества.

2. Следующей ценностью независимости явилось юридическое оформление границ.

У казахов никогда не было границ, и после распада Союза сохранение своей территории и суверенитета стало актуальной задачей для независимой страны. Известно, что одного суверенитета для развития общества недостаточно. Необходимо было незамедлительно приступить к многосторонним переговорам с сопредельными странами (КНР, Россия, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан).

Постановлением Правительства РК для решения этой непростой проблемы была создана национальная комиссия, председателем которой был назначен министр иностранных дел. Следует особо отметить ответственную, продолжительную и квалифицированную работу членов комиссий, которые защищали национальные интересы своих государств, определяя и очерчивая линии будущих государственных границ на протяжении около 10 лет.

В итоге, под руководством и активном участии глав государств сопредельных стран эта очень ответственная работа была успешна реализована. Союзные договоры о дружбе и сотрудничестве были подписаны Казахстаном с вышеперечисленными странами в 2005 году. Это – знаковое событие в истории нашей страны. Казахстан имеет собственные границы, юридически оформленные. Независимость без четко очерченных национальных границ не может устоять долго, это чревато проблемами.

3. Определяющими ценностями в нашей истории также явились два знаковых события – наш Президент закрыл Семипалатинский ядерный полигон и добровольно отказался от ядерного оружия. Решение первой проблемы потребовало от главы государства всей его силы и веры в правое дело. Полигон на моей исторической родине был одним из страшных страниц нашей истории. Это была самая настоящая трагедия казахского народа, которая никогда не забудется. Вопреки возражениям Москвы Н. Назарбаев своим указом закрыл полигон.

Как гражданин Казахстана я благодарен Президенту за совершенный героический поступок. Когда мне было двенадцать лет, я жил недалеко от ядерного полигона. Помню момент, когда впервые было испытано в воздухе грозное ядерное оружие – водородная бомба. Словами

невозможно передать тот ужас, который пережило местное население.

Добровольный отказ от 4-го арсенала ядерного оружия, находившегося на нашей территории. Изнурительные международные переговоры, защита национальных интересов, планов на будущее страны позволили Казахстану успешно решить эту задачу. Были подписаны документы о гарантиях 5-ти ядерных держав Казахстану относительно защиты нашей территории от ядерного нападения.

Кроме того, это позволило Казахстану идти самостоятельно по Казахстанскому пути развития, строя основы светского, демократического государства с развитой рыночной экономикой, привлечь иностранные инвестиций (350 млрд долл.) и стать субъектом международного сообщества.

Эти события явились судьбоносными и незабываемыми в истории не только нашей независимости, но и мировой истории. Эти два акта сделали Казахстан признанным лидером антиядерного движения и высоко подняли международный авторитет нашей страны и Главы государства Н. Назарбаева. Они стали «брендом» нашей внешней политики.

4. Следующей ценностью нашей независимости является создание и формирование своей свободной внешней политики. Благодаря этому Казахстан стал членом ООН, ОБСЕ, ШОС и других международных институтов и, в конечном счете, субъектом международного права. Это позволило нам достойно занять свою нишу в мировом сообществе, осуществлять активную внешнюю политику, проводить крупные международные Саммиты, форумы, конференции в Казахстане.

Как представляется, Первый Президент РК Н.А. Назарбаев в течение тридцати лет ведет активную деятельность в международной политике. Его политическая прозорливость и дальновидность, знаковые инициативы, призывающие мировое сообщество строить свободный мир без ядерной угрозы, позволяют мне без всякого сомнения сказать, что эти волевые решения позволили в какой-то степени удержать мир от возникновения третьей мировой войны на земле.

В частности, на заре нашей независимости Н. Назарбаев выступил с очень важной и своевременной мирной инициативой по укреплению азиатской безопасности, где военно-политическая обстановка в то время была крайне напряженная. В 1992 году на ГА ООН президент Казахстана в своем выступлении предложил создать Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). В последующие годы созданный институт дал возможность главам азиатских государств совместно самим решать проблемы этого континента. В настоящее время эта дискуссионная площадка работает на благо народов Азии. Наверное, многие помнят это историческое выступление на ГА ООН, в котором Н. Назарбаев впервые всему миру заявил о будущем Казахстана, свободном, светском и демократическом государстве с развитой рыночной экономикой, которое будет стремиться проводить миролюбивую внешнюю политику. Наша 30-летняя годовщина независимости тому подтверждение.

Ярким примером явился также состоявшийся в Астане Саммит ОБСЕ в 2010 году, съезды религиозных объединений, а также различных международных конференций. В конечном счете, Казахстан в 2016 году был избран в непостоянные члены СБ ООН и в 2017 году в течение одного месяца председательствовал на заседаниях СБ ООН. Считаю, что данный факт еще раз подтверждает активную внешнюю политику, международное признание нашей страны и его значимость. И очень важно не останавливаться на достигнутом, преумножать наши успехи в международной политике.

5. Непреходящей ценностью независимости является перенос столицы из Алма-Аты в Астану. Одной из главных причин передислокации столицы явилось то, что главный город страны должен находиться географически в центре государства для оперативного управления страной, далеко от границы с точки зрения безопасности, пропорционального расселения коренного населения по регионам и, конечно, располагать практическими возможностями расширяться и в ширь, и вглубь.

Относительно переноса столицы было множество разговоров, дискуссий и разногласий в казахстанском обществе. Президенту Казахстана неоднократно приходилось выступать на сессиях Парламента, доказывать о необходимости переезда столицы, приводить различные обоснованные аргументы в пользу последнего. В итоге Главе государства удалось убедить многочисленных депутатов и общество в целесообразности принятия решения о переносе столицы. Вспоминается, как многие скептики считали утопией данную инициативу, решив, что с этой затеей ничего не получится. Благодаря проведенной огромной работе столица переехала в

Астану и современное поколение нашего общества живет в новой столице.

На строительство Астаны потрачено около 50 млрд долларов США. Это замечательный и красивый город с развитой инфраструктурой, прекрасными дворцами, театрами, спортивными сооружениями, а также современными зданиями с уникальной архитектурой. Город удобен для проживания, отдыха и очень привлекателен. Астана уже известна во всем мире, стала международным центром проведения различных Саммитов, конференций, симпозиумов. Этот город является детищем нашего Первого Президента Н.А. Назарбаева и все казахстанцы гордятся им.

6. Очередной ценностью нашей независимости является забота о будущем подрастающего поколения. Государство уделяло и продолжает держать молодежную проблему в центре внимания дальнейшего развития общества. Проведены определенные реформы в области образования и науки, были созданы специальные фонды по их поддержке. В частности, по инициативе самого Президента Н. Назарбаева в 1993 году, несмотря на переживаемые трудности в области экономики, был создан фонд «Болашак» для обучения молодежи за рубежом. Более 15 тысяч молодых ребят и девушек, обучившихся в 40 зарубежных университетах, в настоящее время работают в различных министерствах, Агентствах, акиматах и бизнес-структурах.

Таким образом, государством готовится наше достойное будущее, которое примет эстафету у старшего поколения и продолжит дальнейшее строительство и развитие независимого Казахстана. Эта непреходящее достояние и наша гордость, и мы уверены в том, что наши ценности передаются в надежные руки и будут приумножены в будущем.

Кроме «Болашак» Главой государства было поручено правительству основать еще другой «Фонд для будущих поколений». Этот фонд формировался из поступающих средств от продажи нефти Казахстаном и на протяжении продолжительного времени он накопил значительные денежные сбережения. Деятельность этого фонда критиковалась оппозицией, шли разговоры о том, что надо жить настоящим, а не будущим, и следует накопленные средства распределить гражданам страны – «Будущее поколение пусть само заработает».

Твердое мнение и дальновидность Президента РК Н. Назарбаева сохранили Фонд, и как он был прозорлив, говоря, что эти средства будут необходимы в «форс-мажорных ситуациях». Сейчас, когда в мире бушует Пандемия, руководство страны умело расходует значительные средства из Фонда на финансирование социальных программ в стране.

Заключение

Повествуя о ценностях независимости Казахстана, неразрывно связываем их с именем Первого Президента Н.А. Назарбаева. Именно ему принадлежит основная и главенствующая роль в создании нашего современного Казахстана, в определении четкого Казахстанского пути развития. И вся стратегия становления и развития нашего народа связана с этим человеком. Он победил вместе с народом все тяжелейшие трудности, преодолел все препятствия, консерватизм общества.

Наш Президент смело шел вперед, видя цель и никогда не сворачивал на полпути, добиваясь успеха.

На протяжении многих лет мне посчастливилось участвовать в международных переговорах с участием Нурсултана Абишевича, хочу заявить, что он великолепный дипломат, обладает третьим чувством, умеет стойко защищать национальные интересы, искусно проведя переговоры, добиваясь успехов.

В моей памяти нет ни одного факта, чтобы он проиграл, его переговоры были всегда беспроигрышными.

Он отличается стратегическим мышлением, политической смелостью, для него нет нерешаемых проблем, находит умело ключи для решения, видит предстоящее будущее. Нурсултан Абишевич – политик планетарного масштаба, признанный всем мировым сообществом. Я имею в виду его инициативы касательно ядерного разоружения, которые удивили весь мир. Он реформатор и созидатель.

Казахстанскому народу повезло с Президентом, который поддерживал его во все времена, во всех его идеях и делах, тем самым благодарны ему достигнутыми успехами и светлым будущим.

Наш Казахстанский опыт создания нового независимого государства – это великое достояние нашего народа и не только, но и международного сообщества, он привлекателен в мире, все удивляются нашим успехам и достижениям. Мало подобных примеров в мире, когда за 30 лет Казахстану удалось построить современное общество, подобные которому строятся столетиями.

1-бөлім

ФИЛОСОФИЯ

Section 1

PHILOSOPHY

Раздел 1

ФИЛОСОФИЯ

IRSTI 02.41.31 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.01

Christophe Darmangeat

Université de Paris, France, Paris,
e-mail: cdarmangeat@gmail.com

THE SEXUAL DIVISION OF LABOUR IN THE ORIGINS OF MALE DOMINATION: A MARXIST PERSPECTIVE

Of all the themes that Friedrich Engels addressed 130 years ago in "The Origin of the Family, Private Property and the State", the question of the oppression of women is one that remains particularly salient today. Serious feminists have always considered that they should base their struggle on a clear understanding of the causes and mechanisms of what they were opposing. However, since Engels's book was written, our knowledge of primitive societies and prehistory has advanced by leaps and bounds, and has rendered many previously held positions obsolete. This article is an expression of the author's original view on the problem of the source of the phenomenon of sexual division of labor. The aim of this essay is to suggest a framework for the updating of Marxist arguments on the subject in the light of the findings that have accumulated since then. This article summarises the ideas put forward in my book « Le communisme primitif n'est plus ce qu'il était » (2012).

Key words: Marxism, social classes, social communities, social groups, gender philosophy, feminism.

Кристоф Дарманжа

Париж Университеті, Франция, Париж қ.
e-mail: cdarmangeat@gmail.com

Еңбектің гендерлік бөлінуі және ер адам үстемдігінің шығу тегі: марксистік көзқарас

Фридрих Энгельс 130 жыл бұрын «Отбасының, жеке меншіктің және мемлекеттің пайда болуы» кітабында қозғаған барлық тақырыптардың ішінде әйелдерге қысым көрсету мәселесі бүгінгі күні де ерекше маңызды болып қала береді. Байыпты феминистер әрқашан өздерінің қарсыластығының себептері мен механизмдерін нақты түсінуге негізделуі керек деп есептеді. Алайда, Фридрих Энгельс кітабы жазылғаннан бері біздің алғашқы қоғамдар мен тарихқа дейінгі біліміміз секіріспен дамып, көптеген позициялары ескірген. Бұл мақала гендер бойынша еңбек бөлінісінің құбылысының қайнар көзі мәселесіне автордың өзіндік көзқарасының көрінісі. Бұл эссенің мақсаты – содан бері жинақталған нәтижелерді ескере отырып, осы мәселе бойынша маркстік дәлелдерді жаңарту үшін негіз ұсыну. Бұл мақалада менің «Le communisme primitif n'est plus ce qu'il était» атты кітабымда айтылған идеялар жинақталған («Қарапайым коммунизм бұрынғыдай емес», Француз, 2012). Кристоф Дарманжа – экономист, Париж университетінің доценті 7 Дидро, пәнаралық бағытта жұмыс істейді, қазіргі экономикадағы тарихи және құндылық негіздері тақырыбын қозғайтын көптеген жарияланымдардың авторы.

Түйін сөздер: марксизм, әлеуметтік таптар, әлеуметтік қауымдастықтар, әлеуметтік топтар, гендерлік философия, феминизм.

Кристоф Дарманжа

Университет Париж, Франция, г. Париж,
e-mail: cdarmangeat@gmail.com

Разделение труда по половому признаку и истоки мужской доминации: марксистский взгляд

Из всех тем, которые Фридрих Энгельс затронул 130 лет назад в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», тема угнетения женщин остается особенно важной и сегодня. Серьезные феминистки всегда считали, что они должны основывать свою борьбу на четком понимании причин и механизмов того, чему они противостоят. Однако с тех пор, как была написана книга Энгельса, наши знания о первобытных обществах и предыстории развивались семимильными шагами и сделали многие ранее занимаемые позиции устаревшими. Данная статья является выражением оригинального взгляда автора на проблему источника феномена

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

разделения труда по половому признаку. Цель настоящего эссе состоит в том, чтобы предложить основу для обновления марксистских аргументов по этому вопросу в свете результатов, которые накопились с тех пор. В этой статье обобщаются идеи, выдвинутые в моей книге «Le communisme primitif n'est plus ce qu'il était» («Примитивный коммунизм не таков, каким был прежде», франц., 2012). Кристоф Дарманжа – экономист, доцент университета Париж VII – Дени Дидро, работающий в междисциплинарном ключе, автор множества публикаций, затрагивающих тему историко-ценностных обоснований в современной экономике.

Ключевые слова: марксизм, социальные классы, социальные сообщества, социальные группы, гендерная философия, феминизм.

Introduction

Traditional Marxist positions

In the second half of the nineteenth century, when archaeology and, especially, social anthropology were barely established as sciences, a body of consistent evidence appeared to suggest that male domination had not always existed since the beginning of time. In his 1861 work *Das Mutterrecht*, Johann Jakob Bachofen embarked on an analysis of the myths of the ancient Greeks and of certain archaeological materials. Bachofen concluded that before historical times, characterized by male domination, Greek societies (and, by extension, all human societies) had gone through a long period of what he termed "mother-right". Before its overthrow by men, this primitive matriarchy was believed to have culminated in the supreme, militarized form of the Amazons.

Theses of this kind had a considerable impact; they struck a particular chord with Lewis H. Morgan, a specialist in the Iroquois nation of the north-eastern United States. Morgan's studies of this Indian tribe suggested that their social organization was marked particularly by the existence of matrilineal clans and by the elevated status that women held inside them. Besides enjoying considerable autonomy in domestic matters (they could divorce their husbands as they pleased, simply by placing their spouse's belongings on the doorstep), Iroquois women had notable economic power, owning houses and managing the tribe's grain reserves; indeed, their representatives could even remove male leaders. Another extremely rare feature of this tribe was the fact that the compensation payable for murder was greater when the victim was a woman. In short, the Iroquois were a living refutation of the idea that, in primitive societies, women were treated as virtual slaves, and seemed to be a perfect exemplification of the matriarchy theorized by Bachofen.

In his general scheme of social evolution, Morgan (1985) saw matrilineality as a universal characteristic of societies at the beginnings of "barbarism" (today we would say the Neolithic). Combined with an allegedly egalitarian economic structure, this system was believed to have guaranteed women a position of some prestige until the Age of Metals, when private property, material inequality and male domination developed all at the same time.

These studies, whose evolutionist perspective stemmed from an encyclopaedic knowledge of the materials available, caught the imagination of Marx and Engels. In their eyes, these analyses represented the most accomplished scientific work of their age. After Marx's death, Engels popularised the main theses in 1884 in the book that would become the reference point on the subject for generations of Marxists: *The Origin of the Family, Private Property and the State*.

Engels accepted Morgan's conclusions regarding the late appearance – at the same time as social class, or very shortly before– of male domination, and took them a step further. For him, "the subjugation of the one sex by the other, [... the] struggle between the sexes, [is] unknown throughout the whole previous prehistoric period" (1972, 128). Stopping short of endorsing Bachofen's boldest proposals, Engels nevertheless spoke of the "high respect" for women, and the "supremacy of women in the house" (1972, 113) in those early times. So there would have been a "supremacy of women" but not a "subjugation" of men: the nuance is important. This initial harmony between the sexes had ended with the advent of the society of classes among peoples in the Bronze and Iron Ages, which created material inequalities and private property and thus definitively sealed the fate of women:

> *The overthrow of mother right was the world historical defeat of the female sex. The man took command in the home also; the woman was degraded and reduced to servitude; she became the slave of his lust and a mere instrument for the production of children.* (Engels 1972, 120-121)

In a few luminous pages, Engels contrasted the situation of women in societies structured by the "domestic communist" economy with their position in capitalist society –but also stressed the prospect

that the overthrow of capitalist society would pave the way for their emancipation.

In the decades that followed *The Origin of the Family*, Marxism continued to be a living doctrine. Its supporters were not afraid to amend its proposals in response to new discoveries. Some of Engels's assertions were quickly challenged, for example by Alexandra Kollontaï (1978). But this period would prove short-lived, and in the 1920s all Marxist debate was smothered by the leaden weight of Stalinism. The atmosphere of free discussion gave way to the imposition of an "official" doctrine; silenced for decades, this debate was only revived in the 1960s and 1970s.

During this long period, a considerable amount of new materials accumulated. Hundreds of primitive societies were studied, and currents of thought, not always inspired by progressive motives, for a long time concentrated their fire on Morgan's arguments (and aiming explicitly, in turn, at Marxism).

On the Marxist side, several researchers fought tooth and nail to try to prove that all these data did not undermine the arguments inherited from Engels. This required them to challenge the body of evidence that seemed to reflect the oppression of women in pre-Bronze Age and pre-agricultural societies which were nevertheless characterized by a strict economic egalitarianism. The figurehead in this battle was Eleanor Leacock (1972, 1978), who strove to establish that these testimonies were mere illusions created either by contact between these societies and the West, or by the biases of the observers themselves. We do not believe that this position can really be defended. We should not allow "noise" to distract our attention from the solid body of observations that stand up to scrutiny; we must be sure to separate the wood from the trees. Marxist reasoning is obliged to "take due account of the present state of knowledge" (Engels 1972, 74) and to integrate these elements rather than ignore them.

The observations

To begin with, gender relations do not conform to a single general law. For each of the key technical levels and major types of social organization, from egalitarian hunter-gatherer nomads to the first state societies, societies are situated along a continuum between the two extremes of exacerbated male domination on the one hand and a relative gender balance on the other.

In fact "matriarchy" in the strict sense –that is to say, a situation in which it is the women who lead– has never been observed in any community. Nor is there any serious archaeological indication of its existence in the past. The Iroquois are often cited as an example of a matriarchal society, but in parallel to the very real power of the women, Iroquois men also held equally real powers of their own. For example, only men could be elected to the Iroquois League Council, the tribe's highest political institution. After the Iroquois, several other societies were found in which women enjoyed prerogatives that gave them a social status comparable to that of men: for example, the Khasi of India, the Minangkabau of Sumatra, the Ngada of Flores Island or the Na of China. But nowhere, not even among the Na – probably the only people in the world without marriage or paternity– do women lead the community. What is true of people who have mastered agriculture or livestock farming is also true of nomadic hunter-gatherers: the Kalahari Kung, the Mbuti of Central Africa or the natives of the Andaman Islands are more examples of communities in which male domination, though probably not entirely absent, is in any case relatively limited. But at the other end of the spectrum are countless testimonies of unquestionable male domination, sometimes extreme, and which cannot be attributed either to observer bias or to other effects of contact with modern societies.

"Neolithic" societies

In New Guinea, several hunter-gatherer tribes live alongside small-scale crop and pig farmers.

In the farming societies with inequalities of wealth, the status of women was as a rule lower than that of men. Among the Bena Bena, for instance, "Men regard women, and women tend to regard themselves, as (relatively) weak, more sexual, less intelligent, more inconsistent, dirtier, and in almost every way inferior." This inequality was enshrined in law: "if a woman attacks or strikes her husband her subclan must pay compensation. The reverse is not true." (Langness 1974, 191) Suffice to say that husbands were free to strike and hurt their wives as they saw fit. Among the Fore (Lindenbaum 1978, 55-56):

> *The rubbish woman (...) is one who challenges male authority, who is undisciplined and willful. (...) A truly defiant wife is brought under control by disciplinary intercourse, the husband and all the men of his "line" copulating with her in sequence.*

Among the Mae Enga (Meggitt 1964, 220-221):

> *The men have won their battle and have relegated women to an inferior position. In jural terms, for instance, a woman remains throughout her life a minor (the ward of her father, brother, husband or son), denied*

> *any title to valuable property. She rarely participates in public affairs except to provide food for men or to give evidence in court cases. For the rest, she should simply look on passively and keep her opinions for herself. (...) Mae men expect, and in general receive, deference from their women, even to the extent that the latter should turn aside and lower their eyes whenever they encounter men walking on the same track.*

In the same region, societies which might maintain a very strict economic egalitarianism were generally characterised by a male domination that was just as strong, if not more so. Among the iconic Baruya studied by Maurice Godelier, male superiority asserted itself everywhere. A young boy was automatically considered senior to all his sisters, even those born before him. The roads that twisted their way through the villages were divided into two, with one path lying a few meters below the other; naturally, the upper path was reserved for men. When women happened to cross the men's path, they averted their gaze and hid their faces under their cloak as the men passed by, ignoring them. The women lacked (among other things) the right to inherit land, to bear arms, and to make the bars of salt which the tribe used for trade. They were banned from using the tools to clear the forest or from making their own digging sticks. As for the sacred flutes and bullroarers believed to embody the deepest mysteries of the Baruya religion, any woman who laid eyes on them, even inadvertently, was immediately put to death. And while men could at any time repudiate their wives or give them to other men, wives could not leave their husbands without incurring severe punishment. Godelier (1982, 221) summarizes the situation of the Baruya women:

> *The men enjoyed in this society a whole series of monopolies or key functions that continuously guaranteed them, either collectively or individually, theoretical and practical superiority over women, a material, political, cultural, ideational and symbolic superiority.*

Allowing for certain nuances, we find a similar picture in Amazonia. The legitimacy of violence against women, in particular, is well documented. Among the Kulina (Lorrain 2000, 298), an economically egalitarian community of hunter-gatherers and small farmers, physical violence may be used, although not routinely. Men may beat their unmarried daughters or sisters because they do not approve of the lovers they choose, or because their lovers are too numerous. Men may beat or gang-rape women who refuse to have sex with them, and may also beat their wives when they refuse to have children.

Among their neighbours, the Amahuaca, in general men exert considerable authority over women

> *Once married, a man beat [his wife] on the shoulders, arms, legs, buttocks or back with a special hardwood club that has a flat blade with sharp edges. A beating with such a club may be so severe that the woman is barely able to walk for a few days afterwards. A woman may be beaten for annoying her husband in a variety of ways, such as not preparing food when he wants it or putting too much salt (a recently acquired trade item) in his food.* (Dole 1974, 12-13)

Gang rape for refusing sex, a "special hardwood club" for beating wives: these testimonies speak volumes about a people's perception of the relationship between the sexes. Without a shadow of a doubt, male violence here is not occasional or individual: it is institutionalized, and recognized by society as necessary and legitimate. Further striking evidence of this is found in the extraordinary biography of Helena Valero, who was captured by the Yanomami as a child and lived among them for 22 years (Biocca 1970). Finally, in the men's house of the Mundurucu (the building typical of both Amazonian and New Guinean villages) the occupants loved to reminisce about gang rapes inflicted on wayward women, confiding in the ethnologist with a knowing smile: "We tame our women with the banana" (Murphy 1986, 413).

Nomadic hunter-gatherers

Among many nomadic hunter-gatherers, to all intents and purposes strictly egalitarian at the material level, the status of women is equally unenviable.

Among the Inuit, Saladin d'Anglure summarized the situation of women as follows (1977, 81-82):

> *The young women were (...) subject to men and older women until they have grown children of their own and can then control their daughters in law. Polygyny, much more common than polyandry, exchange of wives, habitually organized by men, and total extra-marital sexual freedom for men were other expressions of male domination.*

In Australia, the immense continent populated exclusively by nomadic hunter-gatherers until the arrival of the Westerners, the first observers were unanimous in noting the extreme inequality that presided gender relations. "Slaves", "servants", and "beasts of burden" were the terms that they invariably used to refer to aboriginal women. Even though the ethnology of the twentieth century added important nuances to these assessments, it confirmed that the entire continent was pervaded with a pronounced male domination in all the domains –domestic, political and religious. Ethnologists as sympathetic to-

wards the Aborigines as Catherine and Ronald Berndt (1992, 208) wrote as follows:

> *Overall, a man has more rights over his wife than she has over him. He can reject her or leave her if he wishes without giving any grounds for his action except his own inclination. She (...) can leave him finally only by elopement, in other words, by entering another union; but if she does this he is quite entitled to proceed against her and her lover. The new union is not regarded as a valid marriage until the first man relinquishes his rights in her, or accepts compensation. (...) Further, a man has the right to dispose of his wife's sexual favors as he pleases, with or without her consent; but in doing so he does not relinquish his own claims to her. She cannot, however, do the same where he is concerned. Formally speaking, 'wife lending' has no counterpart in 'husband lending'. (...) In summary, the status of women, taken as a whole, is not equal to the status of the men, taken as a whole.*

Finally, among the Ona (or Selk'nam) nomadic hunter-gatherers of Tierra del Fuego, men organized religious ceremonies specifically designed to control and terrorize women (Chapman, 1982). To an English sailor who asked if they had chefs, an Indian replied: "Yes, Señor, we, Ona, have many chiefs. The men are all captains and all the women are sailors" (Bridges 1948, 216).

Results and discussion

An initial assessment

Two key points emerge from this brief overview.

To begin with, the evidence shows that male domination is not restricted to a specific stage of technical and economic development. If this evidence does not conclusively prove that it existed (even its more extreme forms) among technologically equivalent prehistoric societies, it is certainly a possible scenario.

Although societies present a great diversity with regard to gender relations, on all continents and at all stages of social development the sexual division of labour and the existence of specific social roles prove to be remarkably constant.

Thus, even if the scenario and the traditional arguments of Marxism on this issue can no longer be considered valid, the key to the enigma is indeed to be found in the direction in which historical materialism looked for it –that is to say, in the economic structure, and specifically in the forms of the sexual division of labour. This is the fundamental element that allows us to reflect on the contingent and general dimensions of gender relations.

The sexual division of labour

The sexual division of labour is a universal feature of human societies. It represents the oldest form of the social division of labour, and has been present since the times of the hunter-gatherer societies. The ways in which the functions of men and women are distributed vary greatly from one people to another. Everywhere, however, it is marked by a male monopoly on what can be called (slightly anachronously) as the military industrial complex: the combination of hunting, the handling of lethal weapons, and politico-military functions. While there are a very few instances in which this monopoly is weakened –for example, among the Agta, a hunter- gatherer society in the Philippines in which women can also handle the bow– these exceptions are due to the very particular circumstances in which these peoples live (Testart 1986).

The question of the origin of the sexual division of labour is probably one of the most difficult of all to answer. We cannot say for sure when this practice emerged, though some argue that there is evidence for it in the early Upper Palaeolithic (Kuhn and Stiner 2006). For a number of reasons, it is doubtful that it was established with the conscious purpose of placing women in subjection; most likely it was the first form of the social division of labour, in which the temporary, relative limitations associated with motherhood took the form of rigid, permanent prohibitions dictated by a supernatural imperative. It succeeded probably because it ensured higher productivity and a more diversified exploitation of resources.

Attempts to explain male domination sometimes allude to psychological motivations: it is because men have tried to appropriate the reproductive power of women that they have devalued and thus dominated them (Héritier 1996). The problem with this argument (besides its being very hard to demonstrate), is that it says nothing about why women would have accepted it. To contest the idea that the devaluation of women's activities is a precondition to the oppression of women, one might invoke the case of the Achuar hunter-farmers of Amazonia who were part of the Jivaro community, in which the mechanisms of male domination are presented in what we might call a chemically pure form. The Achuar do not attach a distinct value to hunting (a male activity) and gardening (a female activity) (Descola 1983). In contrast to the general pattern, the female gardeners are not considered less worthy than men. Beyond the domain of labour relations, however, this egalitarianism between the sexes does not apply. Socially, men dominate women, and in an extremely brutal form, since the right of husbands extends to allowing them to dispose of the lives of their wives. Since this authority does not derive

from any prestige associated with their labour, it must have another origin:

> *The strategic location of male power is [...] outside the production process. The Achuar men have an absolute monopoly over the conducting of "external relations", that is to say of the domain of supra-family relations that controls social reproduction. As a result, they exercise a right of guardianship over their wives, sisters and daughters, and they are therefore the only decision makers in the general process of the circulation of women, whether in the form of peaceful exchange with allies, or in the form of bellicose abduction from enemies.* (Descola 1983, 87).

Peaceful exchange with allies, abductions from enemies: the situation is clear. As in all economically egalitarian primitive societies, because they do not have weapons, Achuar women tend to become the instruments of relationships between men. Perhaps this analysis appears to place excessive emphasis on violence. The myth of the "noble savage" is a resilient one; one is often inclined to imagine that socio-economic equality goes hand-in-hand with pacifism and that armed conflicts only appear with the inequalities of wealth or even with the advent of the State. This is an idea that has been amply refuted by ethnology and archaeology (Martin and Frayer 1997; Gat 2006; Allen and Jones 2014; Darmangeat 2020). For men, securing and maintaining relations with other men was a constant concern, and the circulation of women was an ideal way to shore up these relations.

Why control women?

Two theses are sometimes proposed to explain the male domination of women in these societies.

The first relates to the economic dimension. Men have dominated women in order to appropriate their work or, at least, to ensure certain material benefits over them. The available data neither clearly support nor dismiss this possibility. According to some accounts men did indeed convert their domination into economic privileges, but the general impression (albeit based on piecemeal or fragile evidence) is that the scope of these privileges was limited, even though the domination may have been extreme (Darmangeat 2015).

Some authors have also seen male domination as a decisive factor in the control of reproduction. This idea has also produced two symmetrical theses: Paola Tabet's identification of the mechanisms of "forced reproduction" (1985), and Estévez and Vila's focus on birth control (Estévez et al. 1998; Vila and Estévez 2010) Again, at least regarding nomadic hunter-gatherers, these arguments are not clearly supported by the ethnographic evidence; frequently one finds customs pointing in one direction and the other within the same society. In Aboriginal Australia, for instance, young girls were systematically forced from puberty onwards into sexual relations with their husbands but, at the same time, mothers were free to practice infanticide at birth.

More than their work or their reproductive capacities, the clearest, most widely shared focus of the control of women in these relatively poor societies seems to have been their sexuality. One cannot help being struck by the fierce vigilance that husbands exert over any encroachment of their conjugal rights but at the same time by their propensity to concede these rights voluntarily to other men, whether in a ceremonial context or simply in order to seal an alliance or settle a quarrel. A. P. Elkin (1938, 128) provides a vivid description of these practices for Australia; among the Inuit:

> *When a man punishes his wife for being unfaithful, it is because she has trespassed upon his rights; the next evening, he will probably lend her himself.* (Birket-Smith 1937, 173)

Moreover, these facts challenge head-on the sociobiological reasoning that male sexual jealousy is the foundation of human marital institutions. In all these societies, what men defend, by force of arms if necessary, is not their exclusive sexual access to their wives, but their exclusive right to dispose of them at their will.

Female counter-powers and pseudo-matriarchies

Thus, among hunter-gatherer as well as in more technically advanced societies, it is men who hold the most efficient arms and are trained and organized to use them. Everywhere, it is men who carry out most of or all the political functions, conceding to women only the bare minimum. This is why there is no evidence of women ever having run a society in a "matriarchy", the mirror image of a patriarchy. This is also why, in many societies, men have amassed all the power and all the prestige. Masters of arms, of war and politics, they are also the masters of hunting, the fields, the livestock, commerce, magic and ritual; on all counts, they exert non- reciprocal rights over women.

However, men have not always attained this situation of hegemony. In some places their powers have been counterbalanced by those of women to the point that both sexes have sometimes exerted a similar influence over the fate of a society. This is particularly the case in the famous (though misnamed) "matriarchies" of the Iroquois, the Minangkabau,

the Ngada and the Na. Beyond their differences, these four examples, and all those that could be cited in the same vein, present so many similarities that a definite pattern emerges.

In all these peoples, in fact, the relatively favourable situation of women is associated with the high economic position that the matrilocal residence rule entails. This economic status is the basis of their influence. It supposes that the participation of women in productive work is significant, but this participation alone is not sufficient; women work everywhere, and work hard. They must also exercise rights over their own production: that is, it must be the women who control distribution. Among the Iroquois, the "matrons", the heads of long-houses and the granaries, could refuse men the resources they needed for war parties and could thus exert formidable pressure over them. Among the Minangkabau, in the prolonged absence of men from the villages, it was the women who owned and managed the houses, the fields, and the livestock.

The archaeology of the sexual division of labour

Archaeology studies material elements, and as such cannot give a direct account of the relations between the sexes. These relations can only be reconstituted through inference and exercising considerable caution. Thus the notion that the many female statuettes of Palaeolithic and Neolithic Europe were incontrovertible testimony of a cult of the Great Goddess, a cult that characterizes societies that are intrinsically matriarchal or "matristic" (Gimbutas 1991), has been convincingly refuted (Ucko 1962; Conkey and Tringham 1995; Testart 2010).

Exploring the meaning of the symbolic representations of extinct cultures is a daunting task. Perhaps the sexual division of labour is a more robust starting point for an assessment of the relationship between the sexes in prehistoric times. The male monopoly on arms appears as a decisive element of male domination in the societies studied by ethnology; it can be argued that in earlier times, the same causes produced the same effects. To be precise: this monopoly does not in itself demonstrate the existence of male domination, since it was effective even in the pseudo- matriarchies of the Iroquois, the Minangkabau or the Na, but it nevertheless indicates that male domination was highly likely. In fact, on this point the data from the five continents are remarkably similar (even allowing for the inevitable difficulties of interpretation). The evidence – artistic representations, grave goods or marks on bodies– points very clearly in the same direction.

In this chapter we cannot hope to give a detailed account of a body of evidence so vast that over the past three decades gender archaeology has emerged as a major branch of the discipline. Here we limit ourselves to noting its most significant achievements.

In many places in the world, figurative art represents gendered characters in activity, thus providing evidence of both the sexual division of labour and the male monopoly on arms. Examples are found in the many eloquent scenes from the Spanish Levant in Mesolithic and Neolithic times (unfortunately difficult to date more precisely), in Aboriginal Australia (Balme and Bowdler, 2006), or in the iconography of hunter-gatherers and farmers in south-western America (Crown 2008; Munson 2000).

Regarding the funeral goods of the Neolithic and later periods, grindstones and awls are generally deposited in female graves, and axes, swords and arrowheads in male graves. There are some exceptions: armed women have been found in burial sites in northern Europe, and, above all, in the kurgans of central Asia (Davis-Kimball, 2002). These exceptions can be attributed to the particular context of these warrior societies which had, so to speak, moved the cursors of the sexual division of labour and of the possession of arms.

Finally, markers of activity on skeletons in the Middle East (Eshed et al. 2004) and in Italy (Marchi et al. 2006) also reveal significant differences between men and women in the early Neolithic and in the preceding period. For the Palaeolithic the evidence is very scarce, but a recent study (Villotte and Knüsel 2014) of remains dating from 30,000 years ago found that the elbows of male skeletons (especially the right elbow) presented an injury that is typical of modern-day baseball players. This injury suggests a powerful and repeated throwing action, probably of the spear aided by a projecting device. The result is one of the oldest indications of the sexual division of labour found so far.

Subsequent developments

Male domination is rooted far in the past, long before the appearance of social classes and the State, even before the development of wealth and inequality. It is the product of the most basic division of labour –the one that distributes tasks by gender. To be more precise, it is the product of the way in which the sexual division of labour was created and of how it was reflected in the ideology, establishing an almost complete incompatibility between the social roles assigned to women and another set of functions comprising hunting, weapons and war-

fare. The initial allocation of these tasks conferred on men the strategically important position of the political leadership of the society. And women, unless they also had an economic capacity that allowed them to counterbalance this male power, became, to one degree or another, and in spite of their resistance, the objects of male strategies.

The position of weakness of women was already established in many economically egalitarian societies and increased their vulnerability to adverse developments. With the advent of storage, wealth began to be accumulated and human labour systematically exploited. Naturally, the first victims emanated from the least protected groups: prisoners of war, deprived of the support their families and now entirely at the mercy of their victors, and women unable to oppose the extension of the field of male domination. Later, the appearance of intensive agriculture compounded the effect, turning men into drivers of draught animals and farm workers par excellence, excluding women from these activities and breaking down the lines of defence which, in some societies at least, they had managed to maintain until then.

Conclusion

The historical role of capitalism

If male domination finds its ultimate origin in men's monopoly over weapons and of the actions associated with them, one may wonder why this domination has lasted in one form or another until the present day.

A central part of the answer is the fact that until modern times, none of the successive systems of economic organization questioned the sexual division of labour. The allocation of a specific role in production to each sex has been the substrate of the ancestral idea that, more generally, the sexes should be allocated different roles in all social activities, and that potentially these roles might be unequal. Although the male monopoly over hunting and the possession of weapons no longer applies, the sexual division of labour was the foundation of a gender inequality which has lasted for millennia.

This gender inequality has persisted, but this is not to say that it has not evolved. As long as the division of labour was still elementary, assigning certain tasks to men and others to women seemed likely to be the most obvious and the most appropriate form of organization. But over time, the growing complexity of the social division of labour that accompanied advances in productivity and technology has gradually penetrated the spheres assigned to each sex. Where previously all individuals had performed the basic tasks assigned to their sex, the tasks they carried out became increasingly specialized and differentiated. As this process developed, the division of labour contributed to make the criterion of sex increasingly obsolete and superfluous, but did not dissolve it. There were more and more occupations carried out by men, and more and more occupations carried out by women, but these occupations remained the exclusive domain of one or other sex.

In this area as in many others, the introduction of the capitalist mode of production represented a revolutionary change. Capitalism was the first economic system to lay the foundations of an authentic (though perhaps inaccurately named) gender equality. In generalizing the notion of commodity, it was the first mode of production in which women's work and men's work are compared objectively, daily, and on a large scale, and in which their work blended together in the market in an undifferentiated substance embodied by money. In the depths of its economic machinery, capitalism implements mechanisms that undermine the foundations of the sexual division of labour and create the objective conditions for its future demise.

Marx already remarked that if Aristotle had failed to discover the theory of labour value, it is only because capitalist society had brought forth the concept of "work" in its broadest sense, that of human economic activity, abstracted from all its particular forms (Marx (2008, 590-591). For all precapitalist societies, there were different kinds of labour –in particular, free versus slave labour – which could not be reduced, either in reality or in people's minds, to a single common denominator. This applies equally well to the separation between men's work and women's work. In all primitive societies, in the absence of the market and in the presence of a strong sexual division of labour, the functions of the sexes were regarded as different and therefore impossible to measure against each other.

In a fully capitalist economy, however, products are constantly compared and contrasted through the mediation of money. Their value, expressed in their price, is indifferent to the specific nature of the work and the workers involved, including their sex. To the extent that they produce commodities, the various specific tasks dissolve into abstract labour: "equal human labour", a homogeneous substance in terms of its quality and of which only the quantity, the "socially necessary labour time", intervenes in the creation of value. And if women are frequently paid less than their male counterparts, the existence of the market itself creates a point of support to correct

this apparent anomaly. "Equal pay for equal work!" was the rallying cry of proletarian women; although the battle is still not over, significant successes have been won along the way.

In laying the foundations for a revolution in objective social relations, bourgeois society created the conditions for a revolution of conscience. The historical rallying point of the bourgeoisie in its struggle against the ruling classes of the past was legal equality, which included equality of the commodities in competition and equality of the various components of the labour force. Of course, at the same time as they waved the egalitarian flag, the bourgeoisie were preparing to trample on it; and during the great French Revolution women were among the first to note bitterly that mere political equality was not supposed to extend to them. But even if the nascent bourgeois society was not ready to recognize the legal and political rights of the female half of the population, the emergence of this demand –and its fulfilment, in country after country– was somehow inscribed in the genes of a social organization that marches under the banner of equality.

According to Marx's famous dictum, humanity only poses itself problems that it can solve. It was in bourgeois society that, for the first time in the human adventure, currents such as the revolutionary workers' movement emerged which set themselves the goal of achieving gender equality. Probably it would be more accurate to speak of the disappearance of the genders or of a process in which they become identical.

In primitive societies, the sexual division of labour permeated the material and ideological life of the community: not only at work, but in all the areas of life men and women were seen as different entities. There is no better indication of the imprint of the sexual division of labour on primitive societies than the fact that in Aboriginal Australia, men and women were metaphorically designated by their main working tool: "spears and digging sticks" (Berndt 1974). In Amazonia we find the same distinction, in the form of "the bow and the basket" (Clastres 1974, 92). More generally, although we have testimonies of many acts of resistance by women in primitive societies against abuses committed by men, the idea that women and men could play the same social roles without differentiation and share the same rights and duties did not emerge anywhere until the modern period. In all societies of the past, lacerated by the sexual division of labour, its overthrow remained, in the true sense of the word, unthinkable.

The question of the possibility of a genuine gender equality (that is to say, the dissolution of the genders) under the capitalist system is too vast to be addressed here. For a number of reasons, there is at least room for doubt. In a famous quotation, Marx said that only the establishment of a socialist society would allow humanity to leave prehistory behind it; in terms of gender relations, a century and a half after Marx wrote the sentence, his words continue to resonate with a strange profundity.

References

Allen, Mark W., and Jones, Terry L. eds. 2014. Violence and Warfare Among Hunter-Gatherers. Walnut Creek: Left Coast Press.

Bachofen, Johann Jakob. 1861. Das Mutterrecht. Stuttgart: Verlag von Kreis & Hoffman.

Balme, Jane, and Sandra Bowdler. 2006. "Spear and digging stick: The origin of gender and its implications for the colonization of new continents". Journal of Social Archaeology, 6(3): 379-401. DOI: 10.1177/1469605306067845

Berndt, Catherine H. 1974. "Digging sticks and spears, or the two-sex model". In Woman's Role in Aboriginal Society, edited by Fay Gale, 64-84. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. Berndt, Catherine H., Ronald Berndt. 1992/1964. The world of the first Australians. Canberra: Aboriginal Studies Press.

Biocca, Ettore. 1970. Yanoama: The Narrative of a White Girl Kidnapped by Amazonian Indians, as Told to Ettore Biocca. New York: E. P. Dutton & Company.

Birket-Smith, Kaj. 1937. Mœurs et coutumes des eskimos. Paris: Payot.

Chapman, Anne. 1982. Drama and Power in a Hunting Society: the Selk'Nam of Tierra del Fuego. Cambridge: Cambridge University Press.

Clastres, Pierre. 1974. La Société contre l'État. Paris: Éditions de Minuit.

Conkey, Margaret W., and Ruth E. Tringham. 1995. "Archaeology and the Goddess: Exploring the Contours of Feminist Archaeology". In the Sexual Division of Labour in the Origins of Male Domination, edited by Domna C. Stanton, and Abigail J. Stewart, 199-247. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Crown, Patricia L. 2008. "Gendered Tasks, Power, and Prestige in the Prehispanic American Southwest". In Women and Men in the Prehispanic Southwest, edited by Patricia L. Crown, 3-42. Santa Fe: School of American Research Advance Seminar Series.

Darmangeat, Christophe. 2012. Le communisme primitif n'est plus ce qu'il était – Aux origines de l'oppression des femmes. Toulouse: Smolny. –. 2015. "Certains étaient-ils plus égaux que d'autres? Formes d'exploitation sous le communisme primitive." Actuel Marx, 58: 144- 158. –. 2020. Justice and Warfare in Aboriginal Australia. Lanham: Lexington Books.

Davis-Kimball, Jeannine. 2002 Warrior women. New York: Warner Books.

Descola, Philippe. 1983. “Le jardin de Colibri. Procès de travail et catégorisations sexuelles chez les Achuar de l’Équateur.” L’Homme, 23(1): 61-89.

Dole, Gertrude. 1974. “The marriages of Pacho: a woman’s life among the Amahuaca.” In Many sisters, edited by Carolyn J. Matthiason, 3-35. London: Free Press.

Elkin, Adolphus Peter. 1956/1938. The Australian Aborigines. London: Angus and Robertson.

Engels, Friedrich. 1972/1877. The Origin of the Family, Private Property and the State. London: Lawrence & Wishhart.

Eshed, V., A. Gopher, E. Galili, and I. Hershkovitz. 2004. “Musculoskeletal stress markers in Natufian hunter-gatherers and Neolithic farmers in the Levant: The upper limb” American Journal of Physical Anthropology, 123(4): 303–315.

Estévez, Jordi, Assumpció Vila, Xavier Terradas; Raquel Piqué; Mariángela Taulé; Juan F. Gibaja, and Guillermina Ruiz. 1998. “Cazar o no cazar, ¿Es ésta la cuestión?”. Boletín de Antropología Americana, 33: 5-24.

Gat, Azar 2006. War in Human Civilization. Oxford: Oxford University Press.

Gimbutas, Marija. 1991. The Civilization of the Goddess. San Francisco: Harper.

Godelier, Maurice. 2003/1982. La Production des grands hommes. Paris: Flammarion.

Héritier, Françoise. 1996. Masculin / Féminin ; la pensée de la différence. Paris: Odile Jacob.

Kollontaï, Alexandra. 1978/1921. Conférences sur la libération des femmes. Paris: La Brèche.

Kuhn, Steven L., Mary C. Stiner. 2006. “What’s a Mother to Do? The Division of Labour among Neanderthals and Modern Humans in Eurasia.” Current Anthropology, 47(6): 953-980.

Langness, Lewis L. 1974. “Ritual, Power, and Male domination.” Ethos, 2(3): 189-212.

Leacock, Eleanor Burke. 1972. Foreword to Friedrich Engels, The Origin of the Family, Private Property and the State. London: Lawrence & Wishhart. –. 1978. “Women’s Status in Egalitarian Society: Implications for social evolution [and comments and reply].” Current Anthropology, 19(2): 247-275.

Lindenbaum, Shirley. 1978. “A Wife is in the Hand of Man.” In Man and woman in the New Guinea Highlands, edited by P. Brown, and G. Buchbinder, 54-62. Washington: American Anthropological Association.

Malinowski, Bronisław. 1913. The Family Among the Australian Aborigines. London: University of London Press.

Marchi, Damiano, Vitale S. Sparacello, Brigitte M. Holt, and Vincenzo Formicola. 2006. “Biomechanical Approach to the Reconstruction of Activity Patterns in Neolithic Western Liguria, Italy.” American Journal of Physical Anthropology, 131(4): 447–455.

Martin, Debra L., and David W. Frayer, eds. 1997. Troubled Times; Violence and Warfare in the Past. New York: Routledge.

Marx, Karl. 2008/1867. Le Capital. Livre I. Paris: Gallimard.

Meggitt, Mervyn. 1964. “Male-Female Relationships in the Highlands of Australian New Guinea.” American Anthropologist, New Series, 66-4: 204-224.

Morgan, L. 1985/1877. Ancient Society. University of Arizona Press, 1st Thus Edition. Munson, Marit K. 2000. “Sex, Gender and Status: Human Images from the Classic Mimbres.” American Antiquity, 65(1): 127-143.

Murphy, Robert F. 1986 “Social Structure and Sex Antagonism.” Journal of Anthropological Research, 42(3), 407-416.

Saladin d’Anglure, B. 1977. “Mythe de la femme et pouvoir de l’homme chez les Inuit de l’Arctique central (Canada).” Anthropologie et sociétés, 1(3): 79-98.

Tabet, Paola. 1985. “Fertilité naturelle, reproduction forcée.” In L’arraisonnement des femmes. Essais en anthropologie des sexes, edited by Nicole-Claude Mathieu. Paris: Editions de l’EHESS.

Testart, Alain. 1986. Essai sur les fondements de la division sexuelle du travail chez les chasseurs-cueilleurs. Paris: EHESS (Cahiers de l’Homme). –. 2010. La déesse et le grain: Trois essais sur les religions néolithiques. Paris: Errance.

Ucko, Peter. 1962. “The Interpretation of Prehistoric Anthropomorphic Figurines.” The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 92(1): 38-54.

Vila, Assumpció, and Jordi Estévez. 2010. “Naturaleza y Arqueología: La reproducción en sociedades cazadoras-recolectoras o la primera revolución reproductiva”. Revista Atlántico-Mediterránea de Prehistoria y Arqueologia Social, 12: 11-25.

Villotte, Sébastien, and Christopher Knüsel. 2014. “I sing of arms and of a man...”: medial epicondylosis and the sexual division of labour in prehistoric Europe”. Journal of Archaeological Science, 43: 168-174.

IRSTI 02.41.31 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.02

A.A. Kuranbek, L.A. Askar*, K.K. Kindikbayeva, D.P. Pernebekova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: askar.leskhan@mail.ru

TRANSFORMATION OF NOMADIC EXISTENCE

When conducting a study of the national mentality of Kazakhstan, it became necessary to analyze the transformation of the society of the Kazakh people since the formation of the Kazakh Khanate and the modern, independent Republic of Kazakhstan. The determination is made on the basis of the perception of information from the surrounding reality by society. This is the division into auditory and visual (oculocentrism) culture of the Kazakh society. This is confirmed by changes in all forms of culture.

The world-setting of the Kazakhs is aimed at contemplating nature, the surrounding reality without changing it, but living with it in complete harmony, respecting and preserving natural resources. Cattle breeding was the main source of livelihood. However, there is a noticeable respect for the animal. We know everything about the culture of Kazakhs from oral folk art. Associations arise primarily related to the nomadic way of life, in unconditional creation of libraries, somehow fixing knowledge. Reflecting on this, there is a need for a return, to the determination of the Turkic culture, to the late and modern, the need to speak about the principle of this division. It should be noted that Kazakh culture, as is clear, did not survive these stages in an instant. This process took place gradually, settling on the subconscious side of the human mind. Listening to being by the Turkic nomads opens before us a whole world full of features associated with the perception of reality, and its no less interesting embodiment in folklore.

Key words: oculocentrism, transformations, mentality, visual culture, nomadism, determination.

Ә.А. Құранбек, Л.Ә. Асқар*, К.К. Кіндікбаева, Д.П. Пернебекова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: askar.leskhan@mail.ru

Көшпенділер болмысының өзгеруі

Қазақстанның ұлттық менталитетіне зерттеу жүргізу кезінде Қазақ хандығы құрылған кезден бастап, қазіргі тәуелсіз Қазақстан Республикасындағы қазақ халқының қоғамдық өзгерісіне (трансформациясына) талдау жасау қажеттігі пайда болды. Детерминация қоғамның қоршаған ортадан ақпаратты қабылдауының негізінде жасалады. Бұл қазақ қоғамының есту және көру мәдениетін (окулоцентризм) бөліп қарастыру. Оны мәдениеттің барлық түрлеріндегі өзгерістер растайды.

Қазақтардың дүниеге деген қатынасы табиғатты түсінуге, қоршаған ортаны өзгертпестен онымен толық үйлесімдікте өмір сүруге, табиғи байлықтарды құрметтеуге және сақтауға бағытталған. Мал шаруашылығы тіршіліктің негізі болды. Жануарларға деген ерекше сыйластық көзқарасты да байқаймыз. Біз қазақ мәдениеті туралы барлық ақпаратты негізінен халық ауыз әдебиетінен білеміз. Ең алдымен, көшпелі өмір салтымен байланысты ассоциациялар көз алдымызға келеді, сол кезеңдегі білімді бекітудің негізгі жолы осы болды. Осыны ой елегінен өткізе отырып, кейінгі және қазіргі түркі мәдениетінің детерминациясына қайта оралу қажеттілігі, осы бөліну принципі туралы айту қажеттілігі туындайды. Қазақ мәдениеті бұл кезеңдерді бір сәтте өте шыққан жоқ. Бұл процесс біртіндеп өтіп, адам санасының түпсанасында орнықты. Түркі көшпелілерінің болмысты тануы біздің алдымызда әлемді қабылдаумен байланысты ерекшеліктерге толы бүкіл әлемді ашады және оның ғажап көрінісі халықтық фольклор болып табылады.

Түйін сөздер: окулоцентризм, трансформациялар, менталитет, көрнекі мәдениет, көшпенділік, детерминация.

А.А. Куранбек, Л.А. Аскар*, К.К. Киндикбаева, Д.П. Пернебекова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: askar.leskhan@mail.ru

Трансформация бытия номадов

При проведении исследования национального менталитета Казахстана появилась необходимость в анализе трансформации общества казахского народа с момента формирования Казахского Ханства и современной независимой Республики Казахстан. Детерминация произведена на

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

основе восприятия информации окружающей действительности обществом, т.е. разделение на слуховую и зрительную (окулоцентризм) культуру казахского общества, что подтверждается изменениями во всех формах культуры.

Мироустановка казахов направлена на созерцание природы, окружающей действительности не изменяя ее, а сосуществование с ней в полной гармонии, уважая и сохраняя природные богатства. Скотоводство являлось главным источником жизнедеятельности, однако, тем не менее, заметно уважительное отношение к животному. Все о культуре казахов мы знаем из устного народного творчества. Возникают ассоциации, связанные, в первую очередь, с кочевым образом жизни, в безусловности создать библиотеки, как-либо зафиксировать знания. Размышляя над этим, возникает потребность в возвращении к истокам, в детерминации тюркской культуры на позднюю и современную, необходимости сказать о принципе данного деления. Следует отметить, что казахская культура не пережила эти этапы в один миг. Данный процесс проходил постепенно, оседая на подсознательном уровне человеческого разума. Слушание бытия тюркскими номадами открывает перед нами целый мир, полный особенностей, связанных с восприятием действительности и ее не менее интереснейшим воплощением в народном фольклоре.

Ключевые слова: окулоцентризм, трансформации, менталитет, визуальная культура, номадизм, детерминация.

Introduction

Many domestic and foreign scholars have studied the Turkic culture. One of them is the significant figure of Agyn Khairulovich Kasimzhanov, who gave us the opportunity to be rightfully proud of such a compatriot, who made a huge contribution to philosophy. Major works: “Al-Farabi: History of World Culture” (Kasimzhanov, 1975); “Al-Farabi”. (Kasimzhanov, 1983); “About the culture of thinking.” (Kasimzhanov, 1985); “The theoretical world of culture: East, West.” (Kasimzhanov, 1994). It was his works that had a fundamental impact on the study of Turkic culture. After the Great Patriotic War, the need for knowledge increased. There was a thirst for science, in the enrichment and promotion of the country’s scientific base. And it is this base that is the most fruitful for our generation of young researchers of Turkic culture.

Justification of the choice of articles and goals and objectives

L.N. Gumilev (Gumilev, 1967), studying the problems of the genesis of the Turkic nomadic tribes, focuses his attention on the proof of the thesis about the originality and identity of the culture of nomads. It cannot be denied that the material culture of nomads is incomparable with the culture of sedentary peoples. This fact is explained by the fact that most of the material attributes were not designed for long-term use and simply did not survive on everything over time. And here we cannot make a reliable conclusion about the art of craftsmanship of artisans. When studying the Turkic culture, it becomes necessary to clarify in what direction to study it. We would decide to divide the Turkic culture into late and modern. The assertion that the Kazakh culture was born from the depths of the Turkic culture is indisputable (Hasanov M.Ş., Karakozova J.K., 2011). The mentioned aspect is the most relevant for us – Kazakhstanis. The formation of the Kazakh nation as such falls on the end of the XIV century. It was at this time that the education of language, writing, folklore, artistic culture belongs. But, as the studies of historians, ethnologists, philosophers, culturologists irrefutably prove, the origins of ethnogenesis and the cultural history of the Kazakhs extend far into the depths of millennia – through the ancient Turkic nomadic societies to the mysterious, shrouded in legends, tribes of the Huns.

The purpose of the study is to study and analyze the transformation of nomadic culture of nomads and to identify the specifics of transformation on the basis of modern Kazakh society.

The prospect of research is reflected in the review of the very nature of modern Kazakhstani society. Visual culture of the Kazakh society as a basis for the study of the national mentality.

Research methodology

In this article the authors investigate research of traditional Kazakh culture through cultural phenomena such as folklore, modern art, philosophy. The works of researchers devoted to different stages and events of this history provide both valuable worldview and theoretical and methodological guidelines, as well as the richest cultural and historical material for further studies of the complex of problems of ethno and cultural genesis of Kazakhs as heirs and recipients of the culture of Eurasian nomads. The

world setting of the Kazakhs is aimed at contemplating nature, the surrounding reality without changing it, but living with it in complete harmony, respecting and preserving natural resources. Cattle breeding was the main source of livelihood. However, there is a noticeable respect for the animal.

Results and discussion

We know everything about the culture of the Kazakhs from oral folk art. Associations arise primarily associated with the nomadic way of life, in unconditional creation of libraries, somehow fixing knowledge. Reflecting on this, a need arises for a return, to the determination of the Turkic culture, to the late and modern, the need to speak about the principle of this division. To study Kazakh culture, it is necessary first of all to research oral folk art. It is folklore that is the main source in the cognition of forms of culture, philosophy, everyday life and many other areas of activity. To find confirmation there is no need to "dig deep", since all the necessary conclusions lie on the surface of the studied plane. Let's start to consider "listening" to Kazakh culture in art, in particular in the art of music. It is not by will that the image of Korkyt ata appears, fighting death thanks to his musical instrument. Here music acts as an extension of the existence of the soul. It is appropriate to say that sound is life. The instrument itself kobyz connects the representation of Kazakhs with the aforementioned harmony. This is not just a musical instrument, but a means of establishing a connection between bucks and the spirits of their ancestors – aruahs. Therefore, the perception of the world of Kazakhs occurs by listening and reproducing sounds. It is impossible not to notice that a person in a given culture could not be protected from this phenomenon. That is, "the whole step" was literally overflowing with sound-containing components, whatever the type of folklore creativity. Folk songs again reflected ideological views intertwined with cultural aspects. Aitys is a phenomenon that is the clearest example of the otocentrism of the nomadic culture of the Kazakh people. Akin sings everything he sees, what he feels, what worries him. With his voice and dombra he brings thoughts in a skillful form, using proverbs – sayings, allegories. Everything takes place in a playful and competitive manner. The musical instrument itself – dombra is unique. Its uniqueness lies in the fact that it most accurately reflects a certain feeling of the soul of the piece performing on it. An example of this is the legend about the origin of the round hole. The ability to convey all the experiences of the kuishi, reporting the death of the khan's son, achieved an unsurpassed skill in performing and transmitting the tragic news, which later entailed the punishment not of the performer, but of the instrument, as a messenger of bad news. Thus, the concept of interpenetration, rather than the opposition of life and death, appears again, moreover, the concept of life after death, which ultimately again testifies to the existence of an immortal soul as a divine spark of life. In addition, such a cosmic concept of human life, in which the immortal soul (spirituality) prevails over the physical material body, has led to the formation of a type of culture in which the spirituality prevails over the material one. This can explain the absence of writing, the role that the word oral plays in the life of society, the absence of cities in the nomadic civilization as signs of material culture. Therefore, the culture of nomadism is material only to the extent that it supports and expresses the connection between man and space. The most important, acutely felt problems passed from mouth to mouth. A person who does not hear broke away from all the processes taking place around him. The most discussed problem is the spiritual wealth of a person. It is reflected even in folk tales, where the image of a stupid and fixated on material benefits bai is ridiculed and condemned: "Three wise councils", "Aldar kose", "Bai and a shepherd" and many others. Speaking about customs and traditions, we again observe "listening" as the main image of perception of the surrounding reality. For example, the Kazakh people are famous for their hospitality and goodwill. The guest was a news messenger who had come a long way. He is a connection with other auls, therefore the people have the concept of Kudai Konak (an unexpected guest sent by the Almighty). He was treated with all the dishes available to the owners, giving everything that he liked in their home. The feast had the character of a conversation, discussion of all news, changes and events. Respect was shown even in the pouring of a tea drink: in small quantities, almost at the bottom of the bowl, thereby expressing favor for his delay in this house. The steppe region required listening to the environment. One could hear the presence of a rider or herd by putting an ear to the ground. That is, the acquisition of information was carried out in the predominance of the auditory parameter. As you know, the courts of biys were held in the Kazakh society. Kurultais were convened annually. Influential ancestors formed the Council of Biys under the khan, which combined legislative and advisory powers. Until the early 19th century, the Kazakh people had a unique traditional court of biys. Many people know how and where it took

place, but not many can explain the uniqueness of this trial. In every society biys were never elected or appointed. The biys were not approved in the position. This position was not inherited. In order to become a biy, it was necessary to possess a number of personal qualities: firstly, biys were required to have deep knowledge of the common law of Kazakhs. For example, they had to know the codes of the khans of Kasym, Yesim and Tauke (Masanov N.E., 1995). Secondly, persons applying for this position must have mastered oratory and eloquence. And finally, thirdly, they had to be distinguished by an impeccable reputation of an honest and impartial person. That is, the aspect of listening here is expressed in the reputation that develops on the public opinion formed by hearsay. If rumors appeared among the people about dishonesty and "Bai' s"self-interest, then the dishonest person inevitably lost the title of biy, since no one considered it possible to turn to him for a just decision. In the history of our state in the 18th century, such loyal people Bai left a noticeable mark: Tole – from the Elder, Kazybek – from the Middle, and Aiteke from the Younger zhuzes. A vivid example of the influence and importance of the council of biys was the gathering of three biys during the terrible years for the Kazakh people – the Dzungar invasion. Moving on to the second important point about a new stage in the development of Turkic culture, in particular Kazakh culture, it becomes necessary to clarify what this stage is. So, the modern stage in the development of Kazakh culture is its visualization (Gary Small, Gigi Vorgan, 2008).

In a modern society of ever-accelerating development, new phenomena are constantly emerging associated with the strengthening of the role of visual communications (Jean-Francois Lyotard), the interweaving of many visual codes, modes of vision, techniques and practices of visuality that complement or interact with each other, while the textual perception of meaning largely loses its significance. giving way to visual perception of the world. Visualization is one such phenomenon. Kazakhstan, of course, cannot be distant from the mentioned phenomenon. Proof of this is the process of globalization. A person living in the modern world is placed in a frantic stream of information perceived by sight (John Palfrey, Urs Gasser, 2008).

The problem of the development of visual culture affects all branches of human activity, carried out at various stages of growing up: in the preschool age, when the process of perception is the backbone of the student's cognition; in primary school, when the learning process requires reliance on visualization; in adolescence, when the process of social cognition develops largely based on the visual image; in youth, when the acquisition of scientific knowledge based on modern technical means and their practical application are impossible without the use of visual thinking. The development of science-intensive and high-tech industries requires the involvement of a large number of workers in the field of science, technology and production with the knowledge and skills of visualizing various information. That is, going out on the street, a Kazakhstani, like any other person living in step with time, perceives the world with his eyesight (Berger, P., Lukman T., 1995)

There is a simplification of information, where there is no need to rethink any moments, regardless of their significance. You can give the simplest example from human life: when approaching a washing machine, we proceed from the iconic symbols located on the control panel, and immediately our brain classifies information related to washing modes. Returning again to the discussion of trends in art, but in the aspect of visualization, it can be noted that television has replaced radio, cinema has become a powerful engine of mass culture (Alex Soojung-Kim Pang, 2013).

Here it is easier to say: "Better to see once than hear a hundred times." Hence the influence on the masses of the advertising industry, the emergence of the concept of a consumer society (Bodriiяr J. / Samarskaя E., 2006), limply absorbing information being introduced to it. Information, not deep knowledge. The person learning today is not knowledgeable, but rather informed (Mark Dery, 2008). When a student comes to class with the help of gadgets, he often uses Internet resources, in particular Wikipedia (http://ru.wıkıpedıa), where the reliability of the information can be strongly doubted. I would not like to point only to the negative side of the visualization of modern culture. It is rather an inevitability that we are in, only it would be better to warn the layman against manipulating his own consciousness. Another example of oculocentrism in the vastness of our native country is the presentation of the Theater of the Deaf in Astana. The opening took place on the World Day of the Deaf, which takes place every Sunday in September (09/29/2013). The main idea of creating the Theater of the Deaf is to develop the creative abilities of young people with hearing impairment, regardless of the degree and severity of hearing loss, help in unleashing the creative potential of children and adolescents with disabilities, creating opportunities for cultural development for them. The authors of this project use theatrical art to attract public attention to the problems of young people with hearing impairment and give

such children an opportunity to be creatively realized. According to the author of the project, Akbola Mukhametgalieva, “Having created a theater troupe of 7 people, together with children with hearing disabilities, we will stage performances where the main ways of creating images and a plot in general will be the use of facial expressions, gestures and acting in musical accompaniment. By attracting children with hearing impairments to this kind of art, we help them to reveal their creative potential, teach the basics of the artist’s profession, organize their leisure time ”(http://meta.kz/novostı/kazakhstan/572550-v-astane-otkryvaetsya-teatr-gluhıh.html). In order to be included in the process of socialization, you need to see. This phenomenon was studied by the Russian postmodern philosopher B.G. Nurzhanov in the article “Oculocentrism of Western Culture and Philosophy”. The analysis of visualization of culture covers a wide time range, the depths of which go back to Plato. “A special place in the constitution of Plato’s oculocentrism is played by the famous allegory of the cave, which has been repeatedly referred to by various thinkers throughout the history of philosophy up to the present, and which has received an incredible difference of interpretations. Here the prisoners of the cave are presented as creatures deprived of (natural) light, immersed in darkness and seeing only shadows, reflections of real things and events on the cave wall. Natural light (truth) comes from outside the cave, and the condition for knowing the truth is turning to natural light, leaving the cave. All images of this allegory are exclusively visual, visual. Exit from the cave, the discovery of the true light, the knowledge of the truth for Plato is also a paidea, a process of education, improvement of the soul. And this allegory also refers to the fundamental idea of the good for Plato, which he metaphorically expresses through the “sun”, also a visual metaphor. “ (Nurjanov B.G., 2011).

Conclusion

It should be said that the Kazakh culture, as is clear, did not survive these stages in an instant. This process took place gradually, settling on the subconscious side of the human mind. Listening to being by Turkic nomads opens before us a whole world full of peculiarities associated with the perception of reality, and its no less interesting embodiment in folklore. There were ideals of a completely different interpretation than those that we see today. A person living in our society needs orientation in visual culture, referring to the historically preceding attitude. These are the people who, in our modern flow of information, are proud or even simply accept themselves as who their ancestors were. And they call themselves “neonomads”. They express themselves in cinematography (“Nomads”, “Shal”, “Zhau zurek myk bala”, “Kozy – kyurpesh, Bayan – sulu”), clothing design (Aya Bapani) and many others.

Литература

Касымжанов А.Х. Аль-Фараби: история мировой культуры. – М., 1975.
Касымжанов А.Х. Аль-Фараби. – М., 1983.
Касымжанов А.Х. О культуре мышления. – М., 1985.
Касымжанов А.Х. Теоретический мир культуры: Восток, Запад. – Алматы, 1994.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967.
Хасанов М.Ш., Каракозова Ж.К. – Алматы: Эверо, 2011. – С. 4.
Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. – М-Алматы, 1995.
Бодрийяр Ж. / Самарская Е. Общество потребления. Республика, Культурная революция, 2006.
http://ru.wikipedia
http://meta.kz/novosti/kazakhstan/572550-v-astane-otkryvaetsya-teatr-gluhih.html
Нуржанов Б.Г. Окулоцентризм западной культуры и философия // Вестник КазНУ. – №2 (37). 2011. – С. 104.
Gary Small, Gigi Vorgan, iBrain.Surviving the technological alternation of modern mind. Harper Collins 2008.-352p.
Jean-Francois Lyotard, Geoff Bennington , Brian Massumi , Fredric Jameson The Postmodern Condition: Report on Knowledge, 1979
John Palfrey, Urs Gasser, Born digital. Understanding the First Generation of Digital Natives. Perseu Books, Inc.USA, 2008-365p.
Berger, P., Lukman T. The Social Construction of Reality. Treatise on sociology znaniya.M..Medium.1995
Alex Soojung-Kim Pang. The Distraction Addiction.- Little, Brown & Co., 2013
Mark Dery. Escape Velocity. Cyberculture at the End of the Century. 2008-478 p. – (Philosophy)

References

Alex Soojung-Kim Pang.(2013) The Distraction Addiction.- Little, Brown & Co.

Berger, P., Lukman T. (2013)The Social Construction of Reality. Treatise on sociology znaniya.M..Medium.1995

Bodrijjar Zh. / Samarskaja E. (2006) Obshhestvo potreblenija. Respublika, Kul'turnaja revoljucija.[Consumer society. Republic, Cultural Revolution]. (In Russan)

Gary Small, Gigi Vorgan, iBrain.(2008)Surviving the technological alternation of modern mind. Harper Collins.-352p.

Gumilev L.N. (1967) Drevnie tjurki.(Ancient Turks)/ /Moskva. Nauka. (In Russan)

Hasanov M.Sh., Karakozova Zh.K. (2011) Jevero [Jevero],.s.4. .// Almaty. (In Russan)

Jean-Francois Lyotard, Geoff Bennington , Brian Massumi , Fredric Jameson (1979)The Postmodern Condition: Report on Knowledge

John Palfrey, Urs Gasser, (2008) Born digital. Understanding the First Generation of Digital Natives. Perseu Books, Inc.USA, – 365p.

Kasymzhanov A.H (1994) Teoreticheskij mir kul'tury: Vostok, Zapad.[The theoretical world of culture: East and West]// Almaty. (In Russan)

Kasymzhanov A.H. (1975) Al'-Farabi: istorija mirovoj kul'tury. [Al-Farabi: history of world culture]//Moskva.(In Russian)

Kasymzhanov A.H. (1985) O kul'ture myshlenija.[About culture wisdom]//Moskva. (In Russan)

Kasymzhanov A.H.(1983) Al'-Farabi[Al-Farabi]//Moskva.(In Russan)

Mark Dery. (2008) Escape Velocity. Cyberculture at the End of the Century. -478 p.- (Philosophy)

Masanov N.Je. (1995) Kochevaja civilizacija kazahov.[Kazaks' nomadic civilization]//M-Almaty. (In Russan)

Nurzhanov B.G. (2011) Okulocentrizm zapadnoj kul'tury i filosofija. [Oculocentrism of Western Culture and Philosophy]// Vestnik KazNU. №2 (37). s. 104.(In Russian)

МРНТИ 02.41.11 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.03

Г.А. Малик*, А.Ш. Касымбаев

Казахский национальный педагогический университет
имени Абая, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: galim.malik@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье автор определяет ключевые особенности и подходы к пониманию феномена власти: в ее многообразии форм и видов. Используются современные подходы и методы исследования власти и определяются ключевые проблемы феномена власти в разрезе философского анализа, а также затрагиваются вопросы различных уровней власти. Существует большое число противоположных и несопоставимых концепций власти: три уровня властных отношений, индивидуальная, а также объективная власть, власть как воздействие и т.д. Автор полагает, что наилучший метод для феномена власти – это осознать целостность данных концепций власти – проанализировать власть как таковую, принимая внутренние характеристики этого феномена, при этом рассуждая о этом, как реализовываются властные отношения в различных общественных структурах. Однако не без исключения внутренних характерных черт власти в одинаковой мере можно определить сущность феномена власти, а именно: мировоззренческая область – это внутреннее отображение нравственного и честного общественно-политического игрока, который старается адекватно реализовывать власть. Этот внутренний и практический взгляд на власть и прольет свет на многие теоретические загадки власти. Данное исследование феномена власти определяет отличия суждения тех, кто именно обладает возможностью реализации власти.

Ключевые слова: власть, подчинение, социальная теория, феномен власти, философия власти.

G.A. Malik*, A.Sh. Kasymbayev

Abai Kazakh national pedagogical university, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: galim.malik@mail.ru

Modern concepts of the phenomenon of power: a socio-philosophical analysis

In this article, the author defines the key features and approaches to understanding the phenomenon of power: in its variety of forms and types. Modern approaches and methods of power research are used and the key problems of the phenomenon of power in the context of philosophical analysis are determined, as well as issues of various levels of power are touched upon. There are a large number of opposite and incomparable concepts of power: three levels of power relations, individual as well as objective power, power as influence, etc. The author believes that the best method for the phenomenon of power is to realize the integrity of these concepts of power – to analyze power as such, accepting the internal characteristics of this phenomenon, while reasoning about this, how power relations are realized in various social structures. However, not without exception, the internal characteristic features of power can equally determine the essence of the phenomenon of power, namely: the worldview area is an internal reflection of a moral and honest socio-political player who is trying to adequately implement power. This inner and practical view of power will shed light on many of the theoretical mysteries of power. This study of the phenomenon of power determines the differences in the judgments of those who have the ability to exercise power.

Key words: power, subordination, social theory, phenomenon of power, philosophy of power.

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

Г.А. Мәлік*, А.Ш. Касымбаев
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: galim.malik@mail.ru

Билік феноменінің заманауи тұжырымдамалары: әлеуметтік-философиялық талдау

Мақалада авторлар билік феноменін түсінудің негізгі ерекшеліктері мен тәсілдерін анықтайды: оның формалары мен түрлерінің әртүрлігіне басымдық береді. Билікті зерттеудің заманауи тәсілдері мен әдістері қолданылады және философиялық талдау тұрғысынан билік құбылысының негізгі мәселелері анықталады, сонымен қатар биліктің әртүрлі деңгейлері қарастырылып талданады. Биліктің көптеген қарама-қарсы және салыстыруға келмейтін тұжырымдамалары бар: билік қатынастарының үш деңгейі, индивидуалды, объективті билік және билік әсер етуші күш ретінде және т. б. Авторлардың ойынша, билік құбылысын түсіндірудегі ең тиімді әдісі ретінде билік тұжырымдамаларының тұтастығын түсіну және осы феноменнің ішкі сипаттамаларын ескере отырып, билікті талдау, сонымен бірге әртүрлі әлеуметтік құрылымдарда билік қатынастарының қалай жүзеге асырылатындығын талқылау. Биліктің ішкі сипаттамалық белгілері бірдей дәрежеде билік құбылысының мәнін анықтай алады, атап айтқанда: дүниетанымдық салада билікті жеткілікті түрде жүзеге асыруға тырысатын моральдық және адалдық әлеуметтік-саяси қатысушының ішкі көрінісі болады. Билікке деген ішкі және тәжірибелік көзқарас биліктің көптеген теориялық құпияларын ашуға мүмкіндік береді. Билік құбылысын зерттеу билікті жүзеге асыру мүмкіндігі бар адамдардың пікірлері арасындағы айырмашылықтарды анықтайды.

Түйін сөздер: билік, бағыну, әлеуметтік теория, билік феномені, билік философиясы.

Введение

Феномен власти относится к числу таких неизменных, общечеловеческих и основополагающих универсалий, как человек, род, жизнь, смерть, любовь и многие другие, которые в совокупности дают целостное представление человека о себе и окружающей его действительности. Понятие власти очень широкое, сложное и противоречивое: мы говорим о власти родителей над детьми, сил природы над человеком, государства над гражданином, власти чувств, религии и т. п. Проблема власти всегда привлекала к себе с пристальное внимание представителей политической, социальной и философской и общественно-политической мысли. Существует множество подходов, классификаций понятия «власть». В зависимости от подхода, акцентирование внимания на той или иной стороне проявления власти уже само по себе говорит о многоаспектности этого феномена. Из числа разнообразных проблематичных сфер общественной философии, равно как в минувшем, так и в настоящем, одной из основных общественных теорий считается концепция власти. Познания характерных черт и ключевых аспектов общественных отношений на основе доминирования и подчинения предполагает вероятность определения сущности и идеи социального бытия, в частности сейчас, а именно в своевременных условиях глобализации, при тех рисках и угрозах в мире. Власть выступает как необходимая суть системы общественной жизни. Исследование сущности власти дает возможность понять процессы общественных изменений, определить исходную точку и корень проблемы властвования. Более того, одной из задач данного исследования является качественное определение феномена власти, поэтому возникает данная проблема, и она остается одной из наиболее дискуссионных, и в этом дискурсе формируются исследовательские парадигмы (Павлова, 2012: 168).

Проблема власти выступает на различных уровнях: локальном, местном, региональном, и даже мировом. И поэтому данная научная проблема является предметом для различных специалистов разного научного исследования. Так, например, локальный уровень феномена властвования недостаточно исследован и, более того, требует глубокого философского анализа. В философии власть как феномен социальной жизни, можно рассматривать как характерную черту или способность общественного актора осуществлять свою власть или волю, при этом использовать разнообразные подходы и методы, например: традиции, обычаи, мощь, силу, авторитет, СМИ и т.д. В связи с этим, сущность власти можно рассматривать как отношения доминирования и подчинения, в результате чего можно исследовать различную информацию, которая может включать мировоззренческую

концепцию власти. Поэтому в свою очередь возникает возможность проанализировать общий ход развития общества, в узкой среде отдельных социальных групп. При этом отсутствие у государства собственной концепции целей развития означает не отсутствие в нем концептуальной власти, а управление согласно чуждой (навязанной) концепции (Грачев, 1996).

В философии власть рассматривается как реляционная концепция; власть вступает в игру в социальных отношениях. Она вездесуща в том смысле, что осуществление власти и конфликты из-за власти являются аспектами всех социальных отношений. Структура власти является фундаментальной для любых социальных отношений, а следовательно, и для любой человеческой организации.

В данной статье предпринята попытка проследить концептуальную разработку понятия власти как эмпирической реальности и обсудить ее тонкие механизмы в построении современных субъективностей. В ходе этого процесса также есть надежда распутать всеобъемлющие проявления операций власти в жизненно важных областях жизни индивида в посткапиталистическом сценарии. Утверждается, что осуществление власти в этот постмодернистский век дегуманизирует, и, следовательно, современный субъект является конструктом господства.

Обоснование выбора темы; цели и задачи

Цель данной статьи – попытаться прояснить комплекс значений и отношений, поместив понятие власти в контекст общей концептуальной схемы для анализа крупномасштабных и сложных социальных систем, то есть обществ. Мы считаем, что взаимосвязи основных социальных дисциплин, включая не только эти две, но особенно их отношения к экономике, настолько близки, что в вопросах общей теории такого рода их нельзя безопасно рассматривать изолированно; их взаимосвязи должны быть явными и систематическими. Таким образом, рассматриваю центральную концепцию политической теории, выбирая среди элементов, которые занимали видное место в социально-философской теории с точки зрения их соответствия и значимости для общетеоретического анализа общества.

Есть три основных контекста, в которых, как нам кажется, трудности концепции власти, трактуемой в литературе последнего поколения, выходят на первый план. Первый из них касается его концептуальной расплывчатости, тенденции в традиции Т. Гоббса рассматривать власть просто как обобщенную способность достигать целей или целей в социальных отношениях, независимо от используемых средств массовой информации или статуса «разрешения» принимать решения или налагать обязательства (Гоббс, 2021). Эффект этой диффузности, как мы ее называем, заключается в том, что «влияние», а иногда и деньги, а также принуждение в различных аспектах рассматриваются как «формы» власти, что делает логически невозможным рассматривать власть как специфический механизм, действующий для изменения действий других единиц, индивидуальные или коллективные, в процессах социального взаимодействия.

Последнее направление мысли мы хотели бы продолжить. Во-вторых, существует проблема соотношения между принудительными и консенсусными аспектами. Мы не знаем ни одного обращения в литературе, которое представляло бы удовлетворительное решение этой проблемы. Основная тенденция состоит в том, чтобы считать, что каким-то образом в конечном счете власть сводится к тому или иному, то есть опирается на команду принудительных санкций или на консенсус и волю к добровольному сотрудничеству.

Наконец, третья проблема состоит в том, чтобы явно или неявно утверждать, что власть является феноменом с нулевой суммой, то есть, что в любой реляционной системе существует фиксированное «количество» власти и, следовательно, любое увеличение власти со стороны А должно по определению происходить за счет уменьшения власти, находящейся в распоряжении других единиц, В, С, Д.... (Devine, 2007). Конечно, существуют ограниченные контексты, в которых это условие выполняется, но мы будем утверждать, что оно не выполняется для полных систем достаточного уровня сложности.

Методология исследования

Философский подход к понятию «власть» характеризуется стремлением к осмыслению ее природы и закономерностей ее бытия независимо от ее конкретных форм, типов или аспектов. Власть, с точки зрения данного подхода, есть способность и возможность субъекта (личности, партии, класса, государства и т. д.) осуществлять свою волю, оказывать определенное

воздействие на деятельность людей с помощью авторитета, права, насилия и других средств. В рамках философского подхода наиболее полно раскрываются и основные методы осуществления власти: организация, убеждение, воспитание, контроль и принуждение. Философский дискурс власти как социального феномена позволяет уйти от социологической и политологической конкретики, увидеть те всеобщие, сущностные изменения «власти вообще», которые, видоизменяясь и частично преобразуясь, тем не менее, сохраняются в реальном процессе ее актуализации». Таким образом, можно говорить о дифференциации подходов к исследованию власти в зависимости от дисциплинарной трактовки понятия власти.

Попытки понять и интерпретировать природу власти привели к появлению системного и реляционистского подходов. Об этом в своей работе «Власть: концептуальный анализ» говорит В. Г. Ледяев. Эти подходы признаются большинством исследователей и условно могут быть названы, как «власть-над» и «власть-для» (Ледяев, 2000)

Американские философы, как Питер Моррис, утверждают, что власть, определяемая в терминах способности реализовать свои цели, логически и семантически предшествует ощущению власти как простого производства причинных и следственных связей, которые он называет «влиянием». Таким образом, по его словам, Америка оказала большое влияние на Ирак, но очень мало на реальную власть (Marriss, 2002). Нет никаких сомнений, что Питер Моррис так и сделал, это значительно прояснило наше понимание власти и заставило некоторых ведущих социологов-теоретиков власти, таких как Герхард Гёлер, пересмотреть свои позиции. Следует ли политологам последовать примеру философов и ограничить использование ими понятия власти как способность к эффективному интенциональному действию? Или политологи должны настаивать на том, что изучение власти должно включать и чисто причинное влияние? В конце концов, большинство иракцев считают себя жертвами американской власти. Хотя существует резкое концептуальное различие между семантикой власти и семантикой влияния в практических рассуждениях о субъектах власти, особенно государственных деятелей. Другими словами, любое важное решение обязательно будет включать в себя как осуществление власти, так и осуществление влияния. Таким образом, хотя власть и влияние теоретически совершенно различны, с точки зрения практического рассуждения они неразрывно переплетены. И чтобы объединить концептуальный контраст между властью и влиянием – становится гораздо менее заметным для актора, который несет ответственность, хотя и по-разному, как за последствия своей власти, так и за свое влияние (Dahl, 1986).

Слишком долго политологи изучали власть извне: власть понималась как причина различных наблюдаемых эффектов. В классическом поведенческом анализе – «у меня есть сила, если я могу заставить вас сделать то, что вы не сделали бы иначе, даже если то, что вы делаете, противоречит моему намерению» (Gerhard, 2009). Эта экстерналистская точка зрения имеет тенденцию сводить власть к простому причинному влиянию. В этом смысле философы были правы, когда подчеркивали, что семантика власти принципиально отличается от семантики влияния: власть в смысле способности реализовать свои цели совершенно отлична от власти как чистое причинное влияние. Но этот семантический анализ также является своего рода экстерналистским взглядом на власть в том смысле, что он не возникает из рассуждений акторов власти, которые стремятся осуществлять власть ответственно. Я попытаюсь исследовать власть с точки зрения людей, осуществляющих власть: сознательные субъекты власти, заботятся и о власти как о реализации намерений, и о власти как о явном причинном влиянии. С этой интерналистской точки зрения мы должны быть обеспокоены как нашей способностью достигать своих целей, так и нашей простой способностью влиять на других. Те, кто осуществляют власть ответственно, заботятся о своих целях и о своем влиянии. Действительно, политические философы давно заметили, что в политике непреднамеренные последствия часто подавляют и подрывают наши намеченные цели. Каждый добросовестный государственный деятель должен обдумать взаимодействие между его волевым осуществлением власти и его предсказуемым влиянием.

Вопрос о власти – это одновременно теоретический вопрос о том, как понять социальную жизнь, и чрезвычайно практический вопрос о том, как улучшить практическое мышление людей, которые осуществляют власть и хотят делать это ответственно. Литература о власти в философии была очень абстрактной и теоретической: она фокусируется на определении понятия власти, семантики власти и логики отношений власти.

Очень мало внимания уделялось вопросу о том, как теоретический анализ власти может соотноситься с практическими рассуждениями агентов, осуществляющих власть. Там, где ученые обращаются к вопросам практики, они делают это, утверждая, что неадекватные или искаженные взгляды на власть приводят к плохим практическим рассуждениям. П. Моррис, например, убедительно показывает, как мы увидим, что при определении власти в терминах доминирование имеет тенденцию искажать наше понимание притязаний на женскую власть (Marriss, 2009).

Эти теоретические анализы власти, в той мере, в какой они вообще замечают практику, делают это в предположении, что практическое рассуждение есть просто применение теоретического рассуждения. Ученый должен разработать концепции, чтобы акторы могли применить их на практике; если ученые разработают хорошую теорию о власти, то, возможно, субъекты власти смогут использовать ее для улучшения своих практических рассуждений. Представление о том, что практика – это применение теории к конкретным обстоятельствам, знакомо на примере науки и техники. Инженерия во многих отношениях является приложением теоретической науки к человеческой практике. Инженеры заимствуют свои основные принципы из теоретической физики, химии и биологии, а затем применяют их к конкретным практическим задачам. Является ли, таким образом, отношение моральной и политической теории к моральной и политической практике таким же, как отношение науки к технике? Некоторые философы, безусловно, так думали: платоновский «Протагор» рассматривает теоретическую науку об удовольствии как основу практической этики, теоретики-утилитаристы пытались разработать науку о счастье и рассматривали, как применить ее к практической этике (Платон, 2020).

Однако с тех пор, как Аристотель решительно отделил теоретический разум от практического, другие философы пытались защищать относительную автономию практического разума. Они утверждают, что практический разум имеет свои собственные первые принципы, и это не просто применение теории к практике. Конечно, Аристотель и другие настаивали на том, что практическая философия может использовать теорию для уточнения и исправления суждений практического разума, но на что практическая философия должна начинаться с мысли о хорошей практической философии. Субъекты власти, именно это имеет в виду Аристотель, утверждая, что отправной точкой этической и политической философии является суждение практически мудрого человека (Аристотель, 2019). Поэтому, чтобы ответить на вопрос о том, должно ли понятие власти ограничиваться понятием способности эффективно реализовывать свои цели или оно должно также включать в себя способность к чисто причинному влиянию, а я задам другой вопрос: как сознательный человек обдумывает осуществление власти? Сосредотачивается ли такой человек исключительно на том, как реализовать свои цели? Или же он также думает о том, как избежать непреднамеренного причинения вреда другим? Я думаю, что ясно, что добросовестные люди озабочены не только достижением намеченных ими целей, но и сокращением вредных побочных эффектов применения их силы. Сознательный человек осознает, что любое преднамеренное действие может привести к целому ряду последствий, как преднамеренных, так и непреднамеренных, желаемых и нежелательных. Чем шире сфера действия и глубже его охват, тем сложнее будет массив последствий (Lasswell, 1936).

Каковы наши обязанности в отношении всего комплекса последствий наших действий? Чтобы ответить на этот вопрос, потребовался бы анализ длиной в целую книгу. Но каждый сознательный человек осознает некоторые основные обязанности при осуществлении власти. Предполагая, что наши намерения допустимы, мы обязаны преследовать наши цели с некоторой степенью эффективности: мы должны избегать действий, которые могут подорвать наши намеченные цели. Поэтому мы должны осознавать не только то, чего мы намерены достичь, но и угрозы этому достижению со стороны непреднамеренных, хотя и предсказуемых побочных эффектов. Мы хотим быть осторожны, чтобы мы не приводили в движение предсказуемые причинные силы, которые подрывают наши цели. Но наши обязанности идут дальше, чем просто эффективность в достижении наших целей; мы также должны учитывать предсказуемый риск непреднамеренного вреда, серьезность которого перевешивает благо, которого мы надеемся достичь. Стрельба по всему, что движется в лесу, может быть эффективным способом убить оленя, но в некоторых обстоятельствах такой метод представляет неприемлемый риск для других людей (Dahl, 1986: 69). Таким образом,

наша забота о побочных эффектах выходит за рамки нашей заботы об эффективности в достижении наших целей; мы несем независимую моральную ответственность за предотвращение определенных предсказуемых и вредных побочных эффектов, даже если они этого не делают и даже могут способствовать нашим намеренным целям. Таким образом, добросовестный человек заботится об осуществлении как своей власти, так и влияния; в действительности, он не может осуществлять власть ответственно, не стремясь также контролировать свое влияние в мире.

Философы справедливо показали, что понятия власти и влияния семантически и логически независимы. Власть не является преднамеренным видом влияния, и влияние не обязательно является следствием власти. Мы можем использовать частные ментальные силы, которые не имеют никакого причинного влияния. Но на практике, чем большей властью мы обладаем, тем больше влияние и желание. Многое из того, что мы стремимся сделать, не может быть сделано без сотрудничества других, поэтому человеческая власть почти неизбежно носит социальный характер (Lukes, 2005). Мы эффективны в достижении наших целей в той мере, в какой мы можем использовать не только наши собственные способности, но и способности других. Таким образом, из-за социального измерения власти человек, обладающий большими возможностями для достижения своих собственных целей, также обязательно оказывает широкое и глубокое причинное влияние на других. Большая власть подразумевает большое влияние, а добросовестный человек заботится не только о достижении своих целей, но и об ограничении сопутствующего ущерба. Таким образом, даже если власть и влияние логически независимы, на практике они обычно переплетаются, а это означает, что, когда мы осуществляем власть, мы должны попытаться предвидеть влияние наших поступков.

На крупных социальных, экономических и политических аренах осуществление власти вызовет каскады непредвиденных воздействий, часто подавляющих предполагаемые результаты. Политические философы и экономисты давно комментируют способы подрыва власти влиянием. Например, Аристотель утверждал, что усилия Платона создать социальную гармонию посредством отмены частной собственности и семьи, скорее всего, будут иметь обратные последствия, еще больше конфликтов (Аристотель, 2019). Платон, как известно, предупреждал, что попытка использовать закон для подавления всех пороков, какими бы благими ни были намерения, скорее всего, окажется контрпродуктивной и подорвет уважение к закону в целом (Платон, 2020). Действительно, современная экономическая наука сосредоточена на попытке предсказать и объяснить побочные эффекты и побочные продукты преднамеренных действий человека. Попытка ограничить процентные ставки законом окажется тщетной, экономисты с удовольствием демонстрируют, что преднамеренные попытки контролировать экономическое поведение с помощью закона, какими бы благими ни были намерения, они, скорее всего, окажутся систематически бесполезными или даже контрпродуктивными. Р. Генон утверждал, что «невидимая рука» конкурентного рынка превращает погоню за собственными интересами в непреднамеренные, но полезные побочные продукты производственной эффективности национального процветания. В той мере, в какой побочные эффекты и побочные продукты наших преднамеренных действий формируют паттерны, они могут быть систематически изучены (Генон, 2012). Если экономисты правы, то социальная и политическая жизнь отражает накопленные побочные эффекты человеческих действий больше, чем обдуманные решения. Это означает, что если мы стремимся понять социальные и политические отношения власти, мы должны изучить намерения агентов, которые осуществляют власть или сопротивляются ей. П. Моррис и другие философы, возможно, правы в том, что семантика власти обязательно включает понятие намерения, в то время как побочные эффекты наших решений относятся к семантике «влиянии» (Marriss, 2009). Но социологи и другие специалисты, желающие осветить отношения к власти, должны будут рассматривать то, что субъекты власти намереваются сделать, так и то, что они непреднамеренно производят: в философских терминах, как власть акторов, так и их влияние (Аберкромби, 1997).

Результаты и обсуждение

Как мы видим, существует много различных точек зрения про власть: экстерналистская и интерналистская, от первого лица и от второго лица, агентская и пациентская. Мы считаем, что лучший способ понять и преодолеть

сбивающее с толку изобилие концепций власти – это попытаться рефлексивно взглянуть на власть с нескольких различных точек зрения, как внешних, так и внутренних по отношению к социальной стороны власти. Многие существующие концептуализации власти молчаливо воплощают определенные точки зрения о власти: иногда точка зрения внешних наблюдателей, иногда точка зрения хороших или плохих субъектов власти, осуществляющих власть, иногда точка зрения жертв власти. Если кажущиеся несовместимыми понятия власти отражают различные точки зрения, то мы можем показать, насколько эти различные понятия взаимно совместимы. Возможно, власть подобна слону, описанному пятью слепцами совсем по-другому, каждый из которых, со своей точки зрения, постигает лишь часть всей истины. Возможно, изобилие представлений о власти просто отражает изобилие возможных перспектив, с которых можно наблюдать власть. При попытке теоретизировать власть можно многому научиться у социологов-теоретиков, которые различают «власть-для» и «власть-над». Некоторые ведут борьбу за власть, в то время как другие властвуют. Но это не просто два независимых чувства власти или два одинаково правдоподобных определения власти. Данные чувства власти имплицитно апеллируют к внутренней перспективе актора. Попытка осуществлять «власть-над» понятна либо как простое средство для достижения конечной цели осуществления «власти над» чем-то, либо как цель сама по себе. В обоих случаях здесь речь идет о внутренней перспективе плохого человека, который стремится манипулировать другими как простым средством для достижения своей цели или стремящегося к чистому наслаждению господством. В отличие от этого, будучи хорошими и добросовестными акторами, мы обдумываем то, чего хотим достичь, и думаем о власти в основном с точки зрения нашей способности достичь своих целей. Глубокий анализ семейства понятий, связанных с властью, показывает, что ориентация хорошего человека на власть – это делать вещи логически фундаментальными и что понятие «власти над» имеет лишь слабое отношение к фактическому смыслу власти. Не стоит удивляться, что истинная логика и семантика власти отражают нормальные рассуждения хорошего человека, а не извращенные рассуждения человека, стремящегося доминировать над другими. Точно так же, как власть логически предшествует «передаче власти», так и внутренняя перспектива хорошего человека логически предшествует внутренней перспективе плохого человека. Первое, на что следует обратить внимание в отношении власти, – это диспозиционное понятие, означающее, что власть в принципе ненаблюдаема и может быть изучена лишь косвенно. Таким образом, власть, как диспозиционное понятие, не является ни вещью (ресурсом или средством). Власть, как и все диспозиционные понятия, является теоретическим конструктом. Многие современные философы, с подозрением относясь к тому, что они считают скрытыми или оккультными свойствами, пытались свести власть либо к ее ресурсам или проводнику, либо к ее осуществлению (Torsten, 2017). Человеческая сила – это диспозиционная способность, которая не может быть сведена к какому-либо эпизоду ее проявления (Федоровских, 2015). Это очевидно, когда мы судим, что мы или кто-то другой может что-то сделать, даже если мы или они сейчас этого не делаем. Таким образом, способность делать не подразумевает действительного делания. Действительно ли делать что-то означает способность делать это? Если я вижу, что кто-то что-то делает, следует ли из этого, что он или она в состоянии это сделать? «Нет, я могу случайно попасть в яблочко, не имея возможности попасть в яблочко, и я могу подражать иностранному языку, не будучи в состоянии говорить на нем» (Kenny 1975: 126). Логическое дело в том, что ни один эпизод спектакля не может установить диспозиционную способность. В этике и политике нас интересует власть главным образом как способность.

Не может быть лучшего примера опасности выбора очень производного значения в качестве фокусного чувства власти и опасности обрамления анализа власти в терминах размышлений плохого человека. Путаница «власти-над» и «власть-для» объясняет большую неряшливость мышления в социальных и гуманитарных науках. Памела Пансарди, например, указывает, что когда мы говорим, что все хотят власти, мы можем иметь в виду тривиальную истину, что каждый хочет иметь возможность достичь своих целей, или мы можем иметь в виду мрачное, но ложное утверждение, что каждый хочет доминировать над другими. Истина первого утверждения ошибочно полагается в поддержку второго утверждения (Pansardi, 2012). То, что каждый хочет, чтобы власть была эффективной, никоим образом не означает, что каждый

хочет доминировать над другими. Точно так же говорит Памела Пансарди, что неравенство власти в смысле возможностей часто считается отражением неравенства власти в смысле господства и угнетения (Pansardi, 2012). Из того факта, что мы видим огромный диапазон способностей в любом обществе, не следует, что это неравенство способностей отражает любое проявление господства или угнетения. Действительно, диапазон неравенства социальной власти (измеряемый деньгами, статусом или влиянием) значительно превышает диапазон неравенства естественных сил, а это означает, что социальное неравенство власти отражает больше, чем естественное неравенство сил. Но тот факт, что социальное неравенство власти в значительной степени отражает работу социальных институтов, не означает, что социальное неравенство проистекает из преднамеренного осуществления власти доминировать (Pansardi, 2012).

Литература о власти изобилует обсуждением коллективных форм власти: власти пола, власти класса, власти расы, дисциплинарной власти, власти знания и других. Многие из этих представлений о коллективной власти основаны на концепции «власти над»: поскольку считается, что мужчины или белые обладают большей властью, чем женщины и чернокожие, то эти белые или мужчины должны осуществлять власть над женщинами и чернокожими. Но мы видим, что такого рода рассуждения терпят неудачу из-за двусмысленности: если белые или мужчины обладают большей властью в смысле способностей, то из этого не следует, что это должно отражать их власть над другими, поскольку способности, по существу, неконкурентоспособны (Astley, 1995). Если большая власть одной группы должна прийти за счет других групп, то мы имеем дело с «властью-над», а не с «властью-для». Именно по этой причине те, кто подчеркивают расширение прав и возможностей женщин, или чернокожих, или бедных, не должны толковаться как утверждающие, что расширение прав и возможностей ведет к большей «власти-над» мужчинами, белыми или богатыми. Неравенство или равенство способностей ничего не говорит об отношениях власти. Как замечает Моррис, быть бессильным не всегда означает быть в чьей-то власти (Morriss, 2002), так же как быть могущественным не всегда означает иметь «власть над кем-то».

Как мы увидим, многие заблуждения относительно предполагаемого осуществления коллективных форм власти проистекают из неспособности принять точку зрения, внутреннюю для человека, осуществляющего власть. Как только мы увидим, что только интенциональные агенты (включая как естественных, так и искусственных людей) могут осуществлять власть, мы уничтожим вводящие в заблуждение понятия класса, пола и культурной власти. Во многих случаях сама природа социальных условностей, определяющих класс, пол и культуру, делает их весьма устойчивыми к попыткам отдельных людей или групп использовать их намеренно. Да, социальный обычай силен в чувстве влияния, но обычай не может быть намеренно развернут как форма власти или как «власть-над».

Дорин Мэсси написал, что «обычай это царь» (Doreen, 2007). Наиболее глубоким и коварным видом власти является то, что М. Стоппино назвал «тирания обычаев» (Stoppino, 2007). Незаметно формируя наши убеждения и установки, обычай доминирует и контролирует так сказать нас изнутри. Что может быть более далеко идущей силой, чем сила формировать наши основные убеждения и ценности? Незаметно формируя наши убеждения и установки, обычай, так сказать, управляет нами изнутри. Что может быть более далеко идущей силой, чем способность формировать наши основные убеждения и ценности? Поскольку общепринятые верования и установки часто, по-видимому, благоприятствуют некоторым группам больше, чем другим, возникает соблазн рассматривать обычай как средство для этого упражнения «власти-над» собой. Действительно, широкие культурные нормы, которые приводят бедных, чернокожих или женщин к ложным представлениям об их собственных способностях, угнетают. И поскольку богатые, белые или мужчины вполне могут извлечь выгоду из этих ложных верований, кажется правдоподобным сделать вывод, что по крайней мере некоторые привычные верования и установки сами по себе являются инструментами, разработанными и используемыми некоторыми группами для получения власти над другими. Обычай вполне может быть источником ужасающего угнетения в смысле глубокого отключения убеждений и ценностей, но обычай также глубоко сопротивляется использованию в качестве инструмента политики власти. Поскольку обычаи являются побочным продуктом человеческого социального поведения, а не чьим-либо замыслом, они в значительной степени не могут быть

преднамеренно разработаны или даже сознательно использованы кем-либо. Усилия лингвистических академий по изменению привычной речи являются хорошими примерами тщетности попыток непосредственно изменить обычаи. Дело в том, что различные обычаи выгодны одним группам, а не другим, это не доказывает, что обычай – оружие сильных мира сего: он может быть просто случайностью, или может существовать естественная склонность низших животных подражать нравам высших животных, особенно человека. Мы мало знаем о психологических и социальных механизмах, которые порождают обычаи, но мы знаем, что они не являются продуктом преднамеренного замысла и навязывания. Обращаясь к психологическим механизмам формирования убеждений, большинство философов утверждают, что наши убеждения не подчиняются нашему собственному прямому контролю, что делает еще менее вероятным, что кто-то другой может сознательно и непосредственно контролировать наши убеждения. Обычные верования, как и все обычаи, глубоко устойчивы к внезапным изменениям. Мы приписываем обычаи власти одной группы над другой, потому что хотим определить, кого обвинять в обычаях, которые мы считаем отвратительными. Но набор социальных обычаев или социальных условностей вполне может быть угнетающим без каких-либо угнетателей; они могут быть угнетающими просто потому, что они архаичны. Правда, некоторые члены некоторых групп могут быть обвинены в том, что они способствуют сохранению угнетающих расовых или гендерных обычаев, если они явно поощряют вредный набор убеждений и установок (Morriss 1987: 96). Мы должны остерегаться представлений о групповой власти, потому что проблема коллективного действия: чем больше группа, тем меньше вероятность того, что она будет действовать согласованно из-за свободного передвижения; чем больше группа, тем меньше власти она может осуществлять. Соответственно, мужчины не способны действовать как группа. Когда мы говорим, что мужчины более могущественны, чем женщины, мы обычно имеем в виду, что типичный индивидуальный мужчина более могуществен, чем типичная индивидуальная женщина (Morriss, 1987:15). Некоторые феминистки, описывая верования и обычаи, которые некоторые женщины ассоциируют с женственностью (от бритья, макияжа и изысканной одежды до пластической хирургии), описывают их как отражение своего рода проявления власти. По теории дисциплинарной власти М. Фуко, в этом заключается проявление силы женщины над собой и через эти действия над мужчинами (Аллен, 2005). Так, например, эти практики женственности идут в ущерб интересам и отражает их силу. Но тем не менее их власть все равно меньше, чем мужская. Эти феминистки не комментируют широкий спектр деструктивного мужского поведения, предназначенного для удовлетворения женщин. Будем ли мы считать, что хаос, вызванный мачизмом, отражает осуществление женщинами власти над мужчинами? Возможно, большинство мужчин и женщин по своей природе испытывают влечение к противоположному полу и поэтому имеют отчасти врожденную, отчасти приобретенную склонность стараться понравиться противоположному полу. Эта простая склонность могла бы объяснить все многочисленные угнетающие практики женственности и мужественности, без какой-либо роли одного пола, осуществляющего власть над другим. Правда, содержание того, что считается женским или мужским, определяется местными обычаями, и на эти обычаи могут косвенно влиять некоторые представители обоих полов, но существуют психологические исследования, предполагающие, что образ тела, который женщины считают привлекательным для мужчин, на самом деле не является предпочтительным для мужчин, а образ тела, который мужчины считают привлекательным для женщин, на самом деле не является предпочтительным для женщин (Степанов, 2001). Такого рода доказательства говорят о том, что ни один из полов не обладает реальной властью над другим, и что каждый пол мотивирован своим собственным желанием угодить. Таким образом, мы все угнетены нашими собственными сексуальными влечениями и желаниями угодить, вот почему Эрос считается таким сильным. Поскольку мы используем язык власти в основном для определения ответственности и вины, мы определяем социальную и политическую власть в терминах преднамеренных способностей. Тот факт, что я могу оказывать существенное влияние на другого человека с помощью своей природной харизмы или (что более правдоподобно) с помощью своих феромонов, не означает, что я обладаю властью, потому что я могу вообще не осознавать своего влияния. В общественной и политической жизни нас в основном интересуют способности, потому что способности проявляются по желанию, и

мы несем прямую ответственность за то, что мы намеренно выбираем. Но добросовестные акторы власти тоже интернациональны, таким образом, в той мере, «в какой я осознаю свое влияние, я становлюсь косвенно ответственным за него». То, что каждый пол оказывает значительное влияние на другого в силу своей природной силы, не означает, что один пол имеет власть над другим. Только политики, которые могут формировать и осуществлять волю, способны осуществлять власть. Несомненно, некоторые мужчины, такие как Талибы, пытаются осуществлять власть над женщинами, как и те мужчины, которые поддерживают законодательство, ограничивающее права женщин, но мужчины как группа буквально не в состоянии осуществлять власть, потому что они не способны сформировать коллективную волю к власти. Помимо физических лиц, юридические лица различных видов, от бизнеса до Конгресса, имеют органы для формирования и выражения своей воли. Но неформальные социальные группы, такие как мужчины, белые или богатые, не являются ни физическими, ни корпоративными лицами; у них нет какого-либо органа для формирования или выражения воли, поэтому о них нельзя сказать, что они осуществляют власть (Бек, 2007).

Что же нам тогда делать с понятием «мягкой силы»? По мнению Келли Де-Молл, Соединенные Штаты обладают обширными запасами мягкой силы в виде влияния, оказываемого на весь мир восприятием американской культуры, ценностей, обычаев, дипломатии и институтов. И, без сомнения, распространение американской культуры мощно формирует обычаи и культуры во всем мире (Kelly, 2010). Но является ли это неоспоримое культурное влияние формой власти? Здесь мы видим огромную пропасть между понятиями влияния и власти, хотя многие теоретики продолжают относиться к ним как к синонимам. Сила – это способность, которую можно сознательно использовать для достижения наших целей. Распространение американской культуры имеет огромное влияние, но можно ли использовать ее для достижения каких-либо реальных американских целей? Келли Де-Молл признает, что по сравнению с «жесткой властью» «мягкой силой» управлять труднее (Kelly, 2010). Культурные ресурсы американского общества не контролируются правительством, поэтому их очень трудно мобилизовать для каких-либо конкретных целей. Действительно, акт использования культурных ресурсов в политических целях называется пропагандой. И хотя это правда, что США и другие страны выделяют значительные ресурсы на различные виды политической и культурной пропаганды, неизвестно, насколько она эффективна. В самом деле, есть нечто саморазрушительное в идее обладания мягкой силой: как только культурное или политическое послание воспринимается как инструмент политики, оно теряет свою убедительную силу и часто дает обратный эффект.

Заключение и выводы.

Мы столкнулись с несколькими различными способами описания власти: Власть как способность и власть как влияние, «власть-для» и «власть-над», жесткая власть и мягкая власть. Но как только мы научимся отличать внутреннюю точку зрения власти от внешней, а также отличать внутреннюю точку зрения хорошего и добросовестного человека от внутренней точки зрения человека, стремящегося к простому доминированию, тогда мы сможем понять смысл этих контрастов. Власть имеет единство в суждениях хорошего человека, стремящегося достичь своих целей, используя способности других людей. Мы видели, что семантика власти как способности не зависит от семантики власти как влияния. Однако мы различаем, чтобы объединиться: в рассуждениях каждого агента, особенно государственных деятелей, мы должны учитывать как наши способности, так и наше влияние. Поскольку мы несем моральную ответственность, хотя и по-разному, как за преднамеренные, так и за непреднамеренные последствия наших действий, мы должны размышлять о нашей силе и нашем влиянии. Философы показали, что понятие власти как способности является более фундаментальным, чем понятие власти как влияния. Почему? Потому что мы (обычно) несем моральную ответственность более прямым образом за наши намеченные цели, чем за непреднамеренные последствия наших действий. Таким образом, рассматривая внутреннюю перспективу сознательного агента, мы видим не только тесную связь власти как способности власти к влиянию, но и то, почему власть наиболее фундаментально связана с нашими способностями делать то, что мы намереваемся делать. И потому, что добросовестные государственные деятели озабочены как преднамеренными так и не преднамеренными, последствиями их действий.

Поэтому политическая наука должна изучать влияние власти.

Мы видели, что многие теоретики различают «власть-для» и «власть-над». Оба этих понятия власти проистекают из внутренней перспективы акторов политики: хорошие и добросовестные агенты сосредотачиваются на своей способности реализовать свои цели, в то время как плохие агенты сосредотачиваются на своей способности доминировать над другими. Многие теоретики также утверждают, что понятие «власть-для» логически производно или паразитирует на понятии «власть-над». Почему? Потому что внутренняя перспектива хорошего и добросовестного агента включает в себя и превосходит перспективу плохого человека. В этом случае «власть-над» является неудачной попыткой захвата власти, когда для большинства социума желательно «власть-для». В этой связи различаются свои и чужие способности, поэтому можно использовать, как свои, так и чужие способности. Почти каждое проявление силы включает в себя использование моих собственных способностей, атакже способностей других. Это различие отражает почти неизбежно социальную природу власти, избегая при этом любых сомнительных коннотаций господства.

Наконец, многие авторы утверждают, что власть может осуществляться различными коллективами, такими как пол, классы или расы. Но как только мы видим, что эти коллективы определяются не какой-либо формальной организацией, а только общими обычаями, и что обычаи по своей природе сопротивляются манипулированию в конкретных целях, тогда мы обнаруживаем, что социальные обычаи, определяющие пол, класс и расу, имеют большое влияние, но не являются источниками власти. Только люди, как естественные, так и искусственные, могут формировать цели и затем осуществлять власть для их достижения. Мы рассмотрели, что Келли Де-Молл различает «жесткую» силу как оружие и ресурсы, которыми может владеть государственный деятель из «мягкой» или культурной силы, якобы находящейся в распоряжении нации. Здесь мы обнаружили, что только «жесткая» сила действительно сильна, а «мягкая» сила сводится к простому влиянию. Как только мы поймем привычную основу «мягкой» силы, мы увидим, почему ею нельзя пользоваться сознательно для достижения наших целей. Если бы Келли Де-Молл сосредоточился на внутренней перспективе государственных деятелей, то он увидел бы, что они могут легко обдумать, как использовать «жесткую» власть для достижения своих целей, но что они не могут согласованно обдумать, как использовать «жесткую» власть для достижения своих целей. «Мягкая» власть потому, что мягкая власть вообще не сопротивляется тому, чтобы ею пользовались.

Литература

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. – Казань: Изд-во Казан университета, 1997. – 420 с.

Аристотель. Политика / перевод с древнегреч. С.А. Жебелев. – М.: АСТ, 2019. – 384 с

Arnold J. A., Arad S., Rhoades J. A., Drasgow F. The Empowering Leadership Questionnaire: The construction and validation of a new scale for measuring leader behaviors // Illinois. Journal of Organizational Behavior, 2000. – P. 269.

Astley, W. G., Sachdeva, P. S. Structural sources of intraorganizational power: a theoretical synthesis. – Brookfield: Dartmouth Publishing Company. 1995. – P. 245.

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-историческая экономия. – М.: Прогресс-традиция. 2007. – 464 с.

Генон Р. Духовное владычество и мирская власть [пер.с фр.: Н. Тирос]. – М.: Беловодье, 2012. – 208 с.

Gerhard Göhler. Power to and power over. – Padstow: Sage 2009. – P. 466

Грачев М.Н., Ирхин Ю.В. Актуальные проблемы политической науки. – М., 1996. – 289 с.

Dahl, R., Power as the control of behavior. – Oxford: Basil 1986. – P. 256

Doreen Massey. Concepts of space and power in theory and in political practice. – London: Sage. 2007. – P. 202.

Devine P. «The political economy of twenty-first-century socialism» // Soundings. A journal of politics and culture. – London, 2007. – P. 115

Kenny A. Metaphysics of mind. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – P. 167

Kelly De-Moll. Everyday Experiences of Power: PhD diss., University of Tennessee. – Knoxville, 2010. – P. 139

Lasswell, H.D. Politics: who gets what, when, how. – New York: McGraw-Hill, 1936. – P. 452

Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: Полис. 2000. № 1. 97-107 с.

Lukes S. Power: A Radical View. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – pp.57–71

Morriss P. Power: Philosophy analysis, Manchester: University press, 2002. – P. 387

Morriss, P. Power and liberalism. In: S. Clegg and M. Haugaard, eds. Handbook of power. – London: Sage, 2009. – Pp. 54–69.

Pamela Pansardi. Power to and power over: Two distinct concepts of power? Journal of Power. – London: Routledge, 2012. – 73-89 p.

Павлова О.В. Феномен власти в контексте философско-культурологической рефлексии. – Белгород: Научные ведомости, 2012. – 175 с.

Платон. Государство / перевод с древнегреч. В.Н. Карпова. – М.: Эксмо. 2020. – 608 с.

Степанов С. Язык внешности (жесты, мимика, черты лица, почерк и одежда). – М.: Эксмо-Пресс, 2001 – 206 с.

Stoppino, M., A formal classification of power. – Turin: Homo Oeconomicus. 2007. – 1-25 p.

Томас Гоббс. Левиафан (перевод с английского А. Гутермана). – М.: АСТ. 2021. – 800 с.

Torsten M. The role of power in social explanation. – Sussex: Sage. 2017. – 1–17 p.

Федоровских А. А. Власть: аналитика понятия и феномена // Журнал Власть и политическое управления. – Екатеринбург, 2015. – 130 с.

References

Aberkrombi N., Hill S., Terner B. S. (1997) Sociologicheskij slovar'[Sociological Dictionary] // Per. s angl. pod red. S. A. Erofeeva. Kazan': Izd-vo Kazan universiteta,. – 420s.(In Russian)

Aristotel'.(2019) Politika (perevod s drevnegrech. S.A. Zhebelev).[Politology] //– Moskva: AST, – 384 s.(In Russian)

Arnold J. A., Arad S., Rhoades J. A., Drasgow F.(2000) The Empowering Leadership Questionnaire: The construction and validation of a new scale for measuring leader behaviors. – Illinois. Journal of Organizational Behavior, – p. 269.

Astley, W. G., Sachdeva, P. S.(1995) Structural sources of intraorganizational power: a theoretical synthesis. – Brookfield: Dartmouth Publishing Company. – p.245.

Bek U. (2007) Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vsemirno-istoricheskaja jekonomija.[Power and its opponents in the era of globalism. New World Historical Economy]// Moskva: Progress-tradicija.. – 464 s.(In Russian)

Dahl, R.,(1986) Power as the control of behavior. – Oxford: Basil.- p. 256

Devine. P. (2007) «The political economy of twenty-first-century socialism». – London: Soundings. A journal of politics and culture, – p. 115

Doreen Massey. (2007)Concepts of space and power in theory and in political practice. – London: Sage. – p. 202

Fedorovskih A. A.(2015)Vlast': analitika ponjatija i fenomena.[Power: Analytics of Concept and Phenomenon.] //Ekaterinburg: Zhurnal Vlast' i politicheskoe upravlenija.- 130 s.(In Russian)

Genon R. (2012) Duhovnoe vladychestvo i mirskaja vlast' (per.s fr.: N. Tiros).[Spiritual dominion and worldly dominion] // Moskva: Belovod'e, – 208 s.(In Russian)

Gerhard Göhler. (2009)Power to and power over. – Padstow: Sage.- p. 466

Grachev M.N., (1996)Irhin Ju.V. Aktual'nye problemy politicheskoj nauki.[Actual problems in Political Science]// Moskva:.- 289 s.[In Russian]

Kelly De-Moll. (2010) Everyday Experiences of Power. – Knoxville: «PhD diss., University of Tennessee». . – p. 139

Kenny A. (1989)Metaphysics of mind. – Oxford: Clarendon Press.. – p. 167

Lasswell, H.D. (1936) Politics: who gets what, when, how. New York: McGraw-Hill.. – p. 452

Ledjaev V.G.(2000) Vlast': Konceptual'nyj analiz.[Power: Conceptual Analysis] //Moskva: Polis. № 1. 97-107 s.(In Russian)

Lukes S. (2005)Power: A Radical View. – New York: Palgrave Macmillan.. – pp.57–71

Morriss P.(2002) Power: Philosophy analysis, Manchester: University press. – p. 387

Morriss, P.(2009) Power and liberalism. In: S. Clegg and M. Haugaard, eds. Handbook of power. London: Sage,. – pp.54–69

Pamela Pansardi.(2012) Power to and power over: Two distinct concepts of power? // Journal of Power. – London: Routledge. – 73-89 p.

Pavlova O.V. (2012)Fenomen vlasti v kontekste filosofsko-kul'turologicheskoj refleksii. [The phenomenon of power in the context of philosophical and cultural reflection] // Belgorod: Nauchnye vedomosti.. – 175 s/(In Russian).

Platon.(2020) Gosudarstvo (perevod s drevnegrech. V.N. Karpova). (Polis)//Moskva: Jeksmo.. – 608 s.(In Russian)

Stepanov S. Jazyk vneshnosti (zhesty, mimika, cherty lica, pocherk i odezhda).[Appearance language (gestures, facial expressions, facial features, handwriting and clothing).] – Moskva: Jeksmo-Press. 2001 – 206 s.(In Russian)

Stoppino, M., (2007) A formal classification of power. – Turin: Homo Oeconomicus.- 1-25 p.

Thomas Hobbes.(2021) Leviathan (translated from English by A. Guterman).[Leviathan] //Moscow: AST..-- 800 s.(In Russian)

Torsten M.(2017) The role of power in social explanation. – Sussex: Sage. – 1–17 p.

МРНТИ 02.11.21 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.04

А.М. Хасанова*, М.Ш. Хасанов, В.Ф. Петрова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
*e-mail: a.khasanova.kaznu@gmail.com

СТОЛЕТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО НАРРАТИВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Евразийство подошло к своему столетнему рубежу с большим багажом теоретических и практических дискурсов. Трансформируясь от уровня философско-политической и цивилизационной теории, оно постепенно распалось на множество отдельных критических исследований, геополитических проектов и регионально-экономических стратегий. Более того, географически евразийство стало весьма многообразным: его бенефициарами выступают множество стран, а в некоторых антиглобалистских версиях – и весь «незападный» мир. Соответственно, максимально расширилась и география школ евразийских исследований: появившись в свое время в среде русских эмигрантов в Европе, в наши дни евразийские научные сообщества присутствуют уже на всех континентах. Академизация дискурса не добавляет ясности нарративам, в чем-то размывая, а в чем-то предельно сужая их.

Анализируя сложившуюся ситуацию в формате философско-методологических заметок, авторы статьи констатируют, что понятие «Евразия», разрабатывавшееся почти столетие назад в определенном узкоспециализированном контексте, в XXI веке стало настолько динамичным и многогранным, что способно выполнять лишь номинальную роль зонтичного термина, а полифоничность и открытый характер сегодняшних концепций Евразии выступают в качестве их ключевой характеристики. Применяя ряд пояснительных понятий, таких как «лакуна», «время и пространство», «инструменталистский подход», «идеология», «прагматизм» и др., авторы рассуждают о парадоксе евразийского дискурса: выступая в качестве интеграционного термина – и на теоретическом, и на практическом уровнях – он же является и термином разъединяющим. В статье рассматриваются динамичные сообщества евразийских нарративов, и подчеркивается, что их незавершенность это следствие эволюции самого явления и современных исторических реалий. Авторы заключают, что в локальных обстоятельствах дискретные концепции евразийства способны решать те задачи, которые не под силу «классическим» парадигмальным методам исследования, а комплексно-синтетический подход при рассмотрении феномена евразийства открывает новые перспективы его осмысления и использования.

Статья написана при поддержке общественного фонда «Art Eurasia Foundation».

Ключевые слова: Евразийство, евразийские исследования, нарратив, полифония, лакуна.

A.M. Khassanova*, M.Sh. Khassanov, V.F. Petrova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
*e-mail: a.khasanova.kaznu@gmail.com

Eurasianism Narrative: A Century in the Making – Philosophical and Methodological Commentary

Eurasianism has approached its centennial milestone with a plethora of theoretical and practical discourses. Transforming from the level of philosophical, political and civilizational theory, it gradually disintegrated into a multitude of disjunct critical studies, geopolitical projects and regional economic strategies. Moreover, geographically, Eurasianism has become very diverse: its beneficiaries are many countries and in some anti-globalist versions – the entire "non-Western" world. Accordingly, the geography of the schools of Eurasian studies has expanded to the maximum: having emerged among Russian emigrants in Europe, today the Eurasian scientific communities are already present on all continents. The academization of discourse does not add clarity to the narratives, in some ways blurring, and in some ways extremely narrowing them down.

The authors present their analysis of the current situation in the format of philosophical and methodological notes and state that the concept of "Eurasia" that had emerged almost a century ago in a specific historical context, in the 21st century has become so dynamic and multifaceted that it is capable of performing only the nominal role of an umbrella term; the key characteristic of contemporary concepts of Eurasia are their polyphony and the open nature of terminology in the field. The authors apply a number of explanatory concepts such as "lacuna", "time and space", "instrumentalist approach", "ideology",

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

"pragmatism", etc., to discuss the paradox of the Eurasian discourse: while it is conceived to be an integrating concept – both on the theoretical, and on practical levels – it is also a separating term. The article examines the dynamic communities of Eurasian narratives. It is emphasized that their incomplete nature is a consequence of the phenomenon evolution and of modern historical realities. The authors come to conclusion that in the local circumstances, the discrete concepts of Eurasianism are able to solve the problems that are beyond the power of "classical" paradigmatic research methods and that the synthesis approach to the phenomenon of Eurasianism opens up new prospects for its comprehension and use.

The article is written with the support of "Art Eurasia Foundation" public fund.

Key words: Eurasianism, Eurasian studies, narrative, polyphony, lacuna.

А.М. Хасанова*, М.Ш. Хасанов, В.Ф. Петрова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: a.khasanova.kaznu@gmail.com

Еуразиялық нарратив ғасыры:
философиялық-әдіснамалық жазбалар

Еуразияшылдық өзінің жүз жылдық кезеңіне үлкен теориялық және практикалық дискурстар жүгін арқалап келді. Философиялық-саяси және өркениеттік теория деңгейінен өзгере отырып, ол біртіндеп көптеген жеке сыни зерттеулерге, геосаяси жобаларға және аймақтық-экономикалық стратегияларға бөлінді. Сонымен қатар, географиялық тұрғыдан еуразияшылдық өте алуан түрлі болды: оның бенефициарлары көптеген елдерде, ал кейбір антиглобалистік нұсқаларында – бүкіл «батыс емес» әлемде көрініс тапты. Сәйкесінше, Еуразиялық зерттеулер мектептерінің географиясы да барынша кеңейді: бір кездері Еуропада орыс эмигранттары арасында пайда болған еді, бүгінгі таңда еуразиялық ғылыми қоғамдастықтар барлық континенттерде бар. Академизациялық дискурс нарраватизм түсінігін тарылтып, бұлыңғырлатып анық аша алмайды.

Қазіргі жағдайды философиялық және әдіснамалық жазбалар форматында талдай отырып, мақала авторлары ғасыр бұрын белгілі бір жоғары мамандандырылған контексте дамыған «Еуразия» ұғымы XXI ғасырда соншалықты серпінді және жан-жақты бола бастағанын, қолшатыр терминінің номиналды рөлін ғана орындай алатындығын, ал бүгінгі Еуразия тұжырымдамаларының полифонизмі мен ашық сипаты олардың негізгі сипаттамасы ретінде әрекет ететінін айтады. «Лакуна», «уақыт пен кеңістік», «инструменталистік көзқарас», «идеология», «прагматизм» және т.б. сияқты бірқатар түсіндірме ұғымдарды қолдана отырып, авторлар еуразиялық дискурстың қарсы түсінігі туралы пайымдайды: интеграциялық термин ретінде әрекет етеді – теориялық және практикалық деңгейлерде – бұл сонымен қатар ажырату термині болып табылады. Мақалада еуразиялық нарративтердің серпінді қоғамдастықтары қарастырылған және олардың аяқталмағандығы құбылыс пен қазіргі заманғы тарихи шындық эволюциясының салдары болып табылатыны атап өтілген. Авторлар жергілікті жағдайларда еуразияшылдықтың дискретті тұжырымдамалары зерттеудің «классикалық» парадигмалық әдістері шеше алмайтын міндеттерді орындауға қабілетті, ал кешенді-синтетикалық тәсіл еуразияшылдық феноменін қарастыру кезінде оны ұғыну мен пайдаланудың жаңа перспективаларын ашады деп тұжырымдайды.

Мақала «Art Eurasia Foundation» қоғамдық қорының қолдауымен жазылған.

Түйін сөздер: еуразияшылдық, еуразиялық зерттеулер, нарратив, полифония, лакуна.

Введение

Евразийство как историософское воззрение, а в последнее время и как практически реализуемые экономические и политические программы регионального и глобального масштабов приближается к своему столетнему юбилею. С тех пор как «Философский пароход» причалил к берегам Европы, евразийской теме посвящается значительный объем теоретических исследований. Начиная с творчества Л.Н. Гумилева в академических кругах активно разрабатываются новые аспекты этого феномена. На этапе нео-евразийства исследуются биологическое, этническое, культурное, геополитическое измерения, евразийство как философия истории и как философия нации (Жданова, 2002). В XXI веке ракурс почти полностью смещается от разработки общих концепций в сторону нарративов «прагматического» евразийства, включающих ряд новых смыслов – геополитические интеграционные стратегии, проекты внутрирегионального развития, экономические программы.

На сегодняшний день главной характеристикой евразийского дискурса стал переход от теории к практике, а сплав политических идеологий и экономических реалий окончательно легитимизировал инструментально-прагматическое

толкование понятия «Евразия». Подобно тому, как идея евразийства в его классический период вдохновила русскую эмиграцию, в современном мире историософский вектор евразийства сохраняется в различных трактовках и не вызывает отторжения ни у одного из причисляемых к нему народов. Идеи евразийства привлекают перспективами и созвучностью чаяниям все большего числа индивидуальных и коллективных действующих субъектов. При этом, каждый «архитектор» – будь то исследователь или политик, научное сообщество или государство – транслирует свой, специфичный и дискретный взгляд. Иными словами, современные концепции евразийства являют собой феномен лакунного типа.

Объектом нашего исследования является эволюция и современное состояние евразийского дискурса. Предметом изучения выступает методологический аспект философского осмысления феномена Евразии. Цель статьи – на основе проведенного анализа предложить методологические и мировоззренческие корректировки по вопросу нарастающей полифонии трактовок данного понятия. Для этого авторами формулируются задачи представить историографический обзор генезиса и этапов, осуществить сравнительный анализ евразийских нарративов, изучить результаты институционализации и выявить противоречия и закономерности в сфере современных евразийских исследований, представить собственную оценку, способствующую осмыслению дальнейших путей развития евразийской парадигмы.

Авторы также уделяют внимание вопросу формализации евразийских исследований как на уровне отдельно созданных институций по изучению данной проблематики, так и на уровне разработок образовательных университетских программ. Выявлено, что естественным следствием современного положения вещей является возникновение методологических сложностей при дифференциации и выборе стратегий изучения актуальных видов «Евразий» и «евразийств», поскольку полифонию дискурсов зачастую объединяет только название предмета обсуждения. Не случайно еще в 2013 году в обзорно-аналитическом материале, опубликованном в Journal of Eurasian Studies, политолог Г. Мостафа (КИМЭП) так оценивал сложившуюся ситуацию: «Евразия является очень обсуждаемым, спорным и иллюзорным термином, имеющим разные значения и восприятие во времени и пространстве» (Мостафа, 2013:160).

Сам Г. Мостафа различает следующие типы евразийства: классические и нео-кассические геополитические концепции европейских и российских исследователей (от Х. Макиндера в начале 1900-х гг. до А. Дугина в начале 2000-х гг.), считающих Россию центральным государством Евразии; наработки центральноазиатских и кавказских исследователей, не предлагающих некой цельной альтернативы, но отрицающих преставление о России как о центре Евразии; казахстанское евразийство, вдохновленное политическими идеями и практическими инициативами Н.А. Назарбаева и основанное на общности интересов экономики, политики и безопасности евразийских государств; а также евразийский скептицизм, представленный в основном неавтохтонными (европейскими) авторами (Мостафа, 2013:160). Иной способ систематизации евразийских дискурсов предлагает С.Ю. Колчигин, выделяя такие аспекты евразийства, как: идея культурного диалога между Европой и Азией; определение суперэтнической общности; идеологическое и политическое движение 20-х годов XX века; идея региональной интеграции на евразийском пространстве (Колчигин, 2010).

Список предлагаемых вариантов деления евразийства на составляющие, безусловно, можно продолжить. При этом само евразийство, выступая в качестве интеграционного термина, и на теоретическом, и на практическом уровнях, парадоксальным образом неизменно остается и термином разъединяющим. Эта противоречивость создает постоянное поле для дискуссий и противопоставления точек зрения.

В статье к современным концепциям евразийства применяется определение «нарратив» для того, чтобы подчеркнуть последовательную трансформацию дискурса, в процессе эволюции утратившего свой философский масштаб: двигаясь от уровня историософских, политических, цивилизационных теорий, евразийство распалось на множество дискретных инструментально-идеологических повествований. Говоря словами К. Эвереда, концепция евразийства «превратилась в совокупность идеалов и географических положений, совершенно отличных от тех, которые связаны с его происхождением» (Эверед, 2018:29). Отмечается, что в зависимости от методологической позиции обозревателя, современные концепции евразийства могут рассматриваться либо как состоящие в хаотичном сообществе, не имеющем чёткой перспективы, либо как набор самостоятельных нарративов, открытых для эвристического синтеза. Задача философского осмысления данного этапа – най-

ти общие, синтезирующие основания, которые бы позволили «объять» евразийство во всем его многообразии.

Не претендуя в рамках одной статьи на исчерпывающую информацию, авторы придерживаются формата методологических заметок и предлагают следующие наблюдения и выводы по обозначенной проблематике:

1) понятие «Евразия» изначально зарекомендовало себя настолько многообещающим и привлекательным, что его эволюцию можно рассматривать не как эссенциалистские поиски, а как историю инструментально-прагматического оперирования термином; 2) в этом смысле цивилизационная теория этногенеза Л.Н. Гумилева стоит особняком, и, хотя она целиком сфокусирована на теме евразийского континента, классическое евразийство начала XX в. и прагматическое евразийство XXI в. имеют намного больше сходных аргументативных паттернов друг с другом, чем с гумилевской теорией пассионарности и географического «месторазвития» многонародного суперэтноса; 3) важным этапом становления и самоосмысления евразийства является институционализация этих исследований; в этой сфере наиболее актуальны проблемы, связанные с подвижностью границ региона, семиотических, культурных и лингвистических толкований; поверхностностным характером и полифоничностью евразийских нарративов; 4) геополитический потенциал реализации идеи евразийства не менее многогранен, чем ее академическая понятийная трактовка, поскольку каждый нарратив отображает политико-экономические преференции ее архитекторов либо культурно-историческую позицию исследователей, не претендуя при этом на полный перечень смыслов; 5) на наш взгляд, метафора лакуны лучше всего описывает, почему и как нарративы Евразии всегда предвзяты и незавершённы; 6) в то же время, признание евразийства открытой, динамичной, эволюционирующей концепцией открывает дальнейшие эвристические возможности для изучения феномена Евразии.

Методы

Рассмотрев евразийскую парадигму на основе историографического, сравнительного, аксиологического, инструментального, индуктивного, дедуктивного, лакунного, мультидисциплинарного методов исследования, авторы приходят к заключению, что наиболее правомерным будет выдвижение синтетической концепции евразийства. Исторические реалии таковы, что современные евразийские нарративы вызревают на фоне отчетливо читаемых антиглобализационных тенденций и идеи многополярного мира. Они ориентированы на возрождение национальных интересов и традиций, уже многие годы разрабатываемых научным сообществом. Мы полагаем, что, имея богатую вековую историю, евразийский проект должен восприниматься во всем разнообразии форм и трансформаций, без отрицания и противопоставления различных нарративов, выдвигавшихся учеными и политиками в разных исторических условиях и пространствах, с учетом того, что любая исследовательская парадигма основывается на реалиях своей эпохи, а объективный подход требует комплексного учета экономических, политических, идеологических и социально-культурных тенденций (Карабаева, 2019:56-61). Текущая методологическая задача должна состоять в том, чтобы оставить понятие «Евразия» открытым, учитывая, однако, что для рассмотрения его эволюции в глобальном масштабе простая констатация положения вещей недостаточна и может привести к слишком абстрактным выводам (Рякова, 2019:83). На наш взгляд, на этом пути нет и не может быть прямых, однозначных ответов, поскольку гармоничное развитие человеческого сообщества возможно лишь в динамике. Эти убеждения и лежат в основе синтетической концепции евразийства.

Обзор литературы

Для достижения целей и задач настоящего исследования мы уделили особое внимание историографической литературе, актуальным дискуссиям и анализу экспертных мнений по вопросам влияния экономических, политических и культурных изменений на диспозиции странбенефециаров, изучению результатов теоретических и практических исследований, статей и монографий отечественных и зарубежных ученых, посвященных в том числе вопросам академизации евразийского дискурса и изучению формализации методов евразийских исследований.

Результаты и обсуждение

Историософский вектор и наследие Л.Н. Гумилева

Конкретно-исторические обстоятельства появления классического евразийства общеизвестны и этой теме, а также изучению идей первоеразийцев посвящено множество истори-

ографических, философско-аксиологических и библиографических исследований. В рамках данной статьи мы вкратце коснемся описания классического этапа, главным образом чтобы подчеркнуть, что евразийство возникло как историософский проект, а его феномен имеет уникальные социокультурные предпосылки и чёткие исторические границы, обусловленные переломным моментом истории, то есть обстоятельства, невоспроизводимые в наше время.

Философско-политическое течение евразийства появилось в среде русских эмигрантов на изломе эпох, в 1920-х годах, и по большому счету было продолжением зародившейся еще в XVIII-XIX вв., и у славянофилов, увлеченных идеями консервативного романтизма, и у западников, отрицавших важность аутентичных элементов культуры для социально-экономического развития России, русской историософской традиции. В то время как в первой трети XX века в самой России вовсю вращались жернова необратимых социальных, экономических, культурных трансформаций, пореволюционная русская эмиграция стремилась осмыслить и собрать воедино распадающуюся картину мира. Представленное отцами-основателями евразийства обоснование исторических прогнозов будущего России вылилось в идею «Исхода к Востоку». Восприятие Евразийского региона как самостоятельного «географического и исторического мира» было теоретически обосновано в историко-философских и культурологических концепциях П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого Н.Я. Флоровского, Г.В. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.Ф. Эрна, В.О. Ключевского, Г.В. Вернадского и других «изгоев» советской власти. Классический этап длился достаточно недолго, но в его орбиту были вовлечены десятки, если не сотни людей самого разного уровня: философы, историки, литературные критики, представители русской культуры, бывшие офицеры Белой армии (Филонова, 2011:3).

О силе и своевременности данной концепции свидетельствует и тот факт, что в течение своего первого десятилетия идея евразийства сумела «захватить фактически всю интеллигентную эмигрантскую молодежь в Софии, Праге, Париже, Берлине, в Югославии и Америке» (Тлеугабылова, 2013:288-291). Более того, запрос на новый интеграционный нарратив превысил само исходное предложение и идея поисков «исконности» (в данном случае – славяно-азиатских связей по отношению к «менее традиционным» связям романо-германского мира (Тлеугабылова, 2013:288-299)) приобрела силу *универсального паттерна* для всех современных форм прагматического евразийства.

Предваряя рассмотрение дальнейшей эволюции идеологического прочтения темы евразийства, следует уделить внимание стоящему особняком и оказавшемуся наиболее влиятельным и масштабным в евразийском дискурсе середины – конца XX в. научному и творческому наследию Л.Н. Гумилева. Основные положения его теории этногенеза широко известны, поэтому в рамках нашей статьи ограничимся лишь указанием того, что имя этого ученого ассоциируется с понятиями «цивилизационный подход», «географический детерминизм», «славяно-тюркская комплиментарность», «теория пассионарности». Но важно учесть, что, будучи универсальным ученым и выдающимся междисциплинарным мыслителем, свою вторую по счету докторскую диссертацию «Этногенез и биосфера Земли» Л.Н. Гумилев защищал на факультете географии, то есть позиционировал проблематику евразийства уже вне рамок гуманитарного дискурса. Для нашей дискуссии данный аспект представляет интерес, поскольку в евразийских исследованиях существует направление, объявляющее «мифом» историческую непрерывность евразийского нарратива и отрицающее преемственность линии «классики – Л.Н. Гумилев – дальнейшие формы евразийства». Так, М. Ларюэль однозначно исключает наследие «социобиологической этнологии» Л.Н. Гумилева из логического контекста идеологически-обоснованных теорий евразийства. Она поясняет, что Гумилева, даже несмотря на его собственные убеждения, нельзя «в строгом смысле» считать учеником или последователем романтической философии 1920-х гг., а последним евразийцем, по сути должен быть признан П.Н. Савицкий (Ларюэль, 2001:450). Позволим себе согласится с ее мнением, поскольку с компаративистской точки зрения действительно стоит диверсифицировать теории не по принципу объекта, а по принципу предмета исследования и строгая историческая преемственность идей не всегда возможна.

Эстафету представителей русской эмиграции подхватили европейские модернисты и постпозитивисты. Их усилиями евразийский вектор, вызревший за пределами России, и даже за пределами Евразии, обрел весомый авторитет в международных научных кругах, а естественный процесс эволюции привел к новому витку его теоретических прочтений. С середины XX века термин «евразийство» распространился в

социально-гуманитарной и антрополого-исторической научной среде в буквальном смысле на весь мир – с Востока на Запад и с Севера на Юг. В академических кругах эта концепция вызвала интерес у ученых сообществ столь удаленных друг от друга стран, как Япония и Канада, Корея и США, Австралия и страны Южной Америки, не говоря уже о Советском Союзе, а затем и странах СНГ. Свое прочтение идея евразийства получила также в Турции, Иране и остальном исламском мире. Современные евразийские исследования принадлежат уже многонациональному научному сообществу и концентрируются на современных экономических, политических, идеологических и социально-культурных тенденциях.

Академизация и институционализация евразийского дискурса

В рамках нашего исследования вопросы академизации евразийских исследований могут быть рассмотрены с точки зрения того, как эта сфера отображает методологическую проблематику самого исследовательского поля. Под академизацией понимается институционализация исследовательского процесса, размежевание и формализация исследовательских позиций и дебют специализированных вузовских образовательных программ. Полифоничность представлений о Евразии закономерным образом находит отображение и в сфере организации евразийских исследований.

Но в первую очередь хотелось бы отметить, что универсальная привлекательность и большой академический потенциал данного поля в международном масштабе инициировали потребность в формальной самоидентификации институциональных акторов со своим регионом. Так, в университетской среде актуальность интеграции на основе евразийского дискурса была обозначена еще до распада Советского Союза, а в 1992 г. – формализована путем преобразования созданной в 1989 г. Ассоциации университетов СССР в Евразийскую ассоциацию университетов. «Сегодня Евразийская ассоциация университетов (ЕАУ) – авторитетная и влиятельная международная организация. В неё входят национальные университеты всех стран СНГ, ведущие региональные университеты и высшие учебные заведения стран Евразийского пространства. Организация объединяет 142 университета Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Украины» – отмечено на сайте ЕАУ (Евразийская Ассоциация Университетов).

Аналогичным образом, непреходящая интеграционная привлекательность территориальных объединений была отмечена в 2014 г. появлением еще одной ассоциации регионального типа – Silk Road Universities Network (SUN). Эта сеть включает 79 вузов из 28 стран, от Кореи до Португалии, а в 2015 г. на ее основе была организована программа академических исследований International Association of Silk Road Studies со штаб-квартирой в Южной Корее и столь же широкой сферой географического охвата.

В РК всесторонняя приверженность ренессансу евразийства, параллельно с декларацией Казахстаном масштабных международных политэкономических интеграционных инициатив, достаточно серьезно проявилась и в академическом дискурсе. Уже с 1992 г. на базе КазГУ им. аль-Фараби проводились международные симпозиумы «Восток-Запад: диалог культур». На открытии первого из них дистанционно, находясь уже в больнице, участвовал почетный гость – выдающийся ученый-евразиец Л. Н. Гумилев. Он направил участникам симпозиума приветственную телеграмму[1] и свою последнюю работу – «Ритмы Евразии», которая была выпущена в г. Алматы в 1993 г. отдельным изданием, как часть материалов проекта «Восток-Запад: диалог культур» (Гумилев, 1993). Эта инициатива профессорско-преподавательского состава кафедры философии нашего университета и интернационального сообщества участников имела резонанс в научных кругах и, безусловно, внесла свою лепту в рост самосознания многонационального казахстанского народа.

В 1996 г. Указом Президента РК Н.А. Назарбаева был открыт Евразийский университет им. Гумилева (ныне – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева); с 2019 г. в Назарбаев Университете существует уникальная программа «Междисциплинарной докторантуры в области Евразийских исследований», а также магистерская программа.

Для научного сообщества стран дальнего зарубежья открытие ранее «незамеченного» региона стало значительным стимулом и подвигло к активному поиску новых подходов, методик

[1] Текст данной телеграммы был использован в качестве эпиграфа к алматинскому, изданию последней работы Л. Н. Гумилева «Ритмы Евразии»: «Искренне желаю будущим историкам культуры успеха и надеюсь на благодарность потомков, ради которых … работал всю жизнь».

и тем, равно как и к обмену идеями с «автохтонными» исследователями региона. С 1990-х годов евразиеведение во многих учреждениях в различных частях мира вводится как новая увлекательная область региональных исследований (CIAS). Как отмечает М. Ривз, на рубеже XXI века англоязычная центральноазиатская наука находилась на подъеме в хорошем смысле этого слова. «Заметность антропологии Центральной Азии на международных конференциях возросла, а более широкое региональное поле исследований Центральной Азии было институционализировано благодаря усилиям таких организаций, как Общество центральноевразийских исследований (CESS), Европейская ассоциация центральноазиатских исследований (ESCAS) и Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES)», область была усилена «с помощью новых институтов и отделов, которые выдвинули центральноазиатскую этнографию как часть программ сравнительных исследований» (Ривз, 2014:67-68).

Не только в Европе, но и на североамериканском континенте проявилась тенденция преобразования устаревших программ, посвященных изучению стран социалистического блока в географически более расширенные. Пример – реорганизация открытой в 1969 г. в Стэнфордском университете программы «Committee for Russian, East European and Communist Studies» в «Center for Russian East European and Eurasian studies» (CREEES) в 2003 г. при поддержке Stanford Globalizing Eurasia Grant и открытие еще более двадцати программ евразийских исследований в университетах и колледжах США, старейшая из которых, Turkic and Central Eurasian Studies Program (TCESP), была основана еще в 1949 г. в Университете штата Вашингтон.

Захватывающий и динамичный процесс академизации этой сферы исследований во многих случаях развивался в русле пассионарных представлений Л.Н. Гумилева. Многие проекты были результатом личной биографии и многолетнего профессионального интереса отдельных ученых, как в случае с профессором Майклом Герверсом из Университета Торонто, Канада. М. Герверс на Западе признан архитектором исследований Центральной и Внутренней Азии (CIAS), с 1994 г. объединившим исследователей в проекте регулярной научной конференции, предоставляющей «интеллектуальные возможности для перспективного изучения Центральной Евразии». Внимания заслуживает и такое представительное комплексное объединение как Transatlantic Research and Policy Center со штабквартирами в Вашингтоне (США) и Стокгольме (Швеция). Трансатлантический Центр объединяет исследователей Central Asia-Caucasus Institute и Silk Road Studies Program и претендует на звание ведущего международного объединения такого плана.

Если в Соединенных Штатах, помимо отдельных научно-исследовательских институций, поддерживаемых государственным и частным финансированием, крупных онлайн ассоциаций (таких как The Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia (PONARS Eurasia)[2] или онлайн ресурсов по вопросам преподавания центральноазиатских исследований (как, например, проект Online Histories of Central Asia) (Келлер, 2009:43-52), число вузов, предлагающих программы по евразийским исследованиям уже приближается к трем десяткам, то в остальных частях света такие академические программы представлены еще не настолько широко. Тем не менее, стоит упомянуть о существовании китайского Института евразийских исследований, занимающегося вопросами современной геополитики, экономики, международных и региональных отношений «в Евразии и Центральной Азии» на базе China Institutes of Contemporary International Relations. Первая в Турции магистерская программа евразийских исследований появилась на базе METU (Анкара) и предлагает более широкую, почти образцовую образовательную повестку, включающую изучение истории и культуры Евразии, определение международных и внутренних источников изменений, обучение междисциплинарной методологии исследований, создание академической атмосферы для студентов евразийского региона и других частей света (METU). В Иране евразийским исследованиям уделяется большое внимание: в 2004 г. в Тегеране открылся The Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS) – некоммерческая неправительственная организация, занимающаяся исследованиями и публикацией материалов по главным вопросам и текущей повестке Евразийского и Южно-Кавказского региона. Еще одна структура – The JICES – это ежеквартальный журнал, посвященный исследованию истории, культуры, экономики, социальным, политическим и военным вопросам Центральной Евра-

[2] PONARS – объединение более 125 исследователей, представляющих в основном Северную Америку и постсоветские страны, изучающих вопросы экономики, политики, безопасности евразийского региона.

зии. В странах СНГ также издается ряд академических журналов евразийского направления и существуют институции, специализирующиеся на вопросах евразийского региона.

Приведенные выше примеры демонстрируют, но не исчерпывают тему формализации евразийских исследований в международном масштабе. Количество и разнообразие академических сообществ, университетских программ, онлайн-ассоциаций, регулярных конференций, специализированных периодических изданий и других форм академизации евразийского дискурса продолжает увеличиваться. С перспективы сегодняшнего дня, классическое евразийство, когда-то захватившее умы российской пореволюционной эмиграции, несомненно выглядит как малая и устаревшая толика общеевразийского нарратива, а результатом институционализации евразийских исследований стала современная полифоничность подходов и способов постановки проблем.

Географические и семантические границы региона

Одним из ярких примеров «многоголосицы» взглядов в евразиеведении, а по сути – проблемой методологизации, является то, что в силу договорной либо инерционной тенденции, географические границы того, что исследователи считают Евразией, научным сообществом практически не регулируются. Эти границы продиктованы самостоятельным интересом ученых и потому достаточно эклектичны, а иногда близки к произвольным. Так, диапазон «мест», включенных CIAS в свой список, довольно специфичен: это Афганистан, Внутренняя Монголия, Иран, Калмыкия, Казахстан, Корея, Кыргызстан, Таджикистан, Тибет, Туркменистан, Узбекистан и Восточный Туркестан (Синьцзян) (CIAS). Аналогичным образом, The Central Asian Survey, многопрофильный журнал, который издается CESS и специализируется на «различных вопросах истории, политики, культуры, религий и экономики» (CESS), относит к евразийскому региону страны Центральной Азии и Кавказского региона, а также китайский Синьцзян, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. IRAS посвящает исследования симбиозу Южнокавказского региона и Евразии. Для International Association of Silk Road Studies географические границы растянуты от Южной Кореи до Иордании, от Шри-Ланки до Португалии. Примеры можно продолжать.

Наряду с этим, имеется путаница и с единством двух терминов – Центральная Азия и Евразия. При этом, не похоже, чтобы этот «дуплет» не давал покоя исследователям. Так, в большинстве современных русскоязычных и англоязычных источников, которые нам довелось изучить в этой связи, – будь то статьи или монографии, интервью или обзоры, компаративистские или аналитические исследования, преобладает тенденция не делать больших различий между Центральной Азией и Евразией. Напротив, эти термины взаимозаменяемы, а также параллельны таким понятиям, как Центральная Евразия, Большая Евразия и, наконец, Новый Шелковый путь.

Вероятно, можно было бы ожидать гораздо более ревностное отношение к этой проблеме в среде «автохтонных» ученых, но в международном масштабе прослеживается и, видимо, еще долго будет преобладать тенденция к продвижению более космополитических интерпретаций. И одной из причин такого положения дел, как справедливо отмечет С. Амслер, является то, что формирование понятия «Евразия» совпало со временем упрощения, стандартизации, «макдональдизации», особенно в сфере евроцентристских теорий политической экономии, культурных практик и идеологии (Амслер, 2009:45).

Любопытным аспектом евразийских исследований является и так называемый восточный подход, то есть арабо- и исламо-центричный взгляд на проблемы евразийства и региональности. Так, С. Актюрк, исследуя современные теории национализма, заявляет о важности тюрко-монгольского следа и считает, что в основу «многоэтнической государственной структуры, которая характеризует многие государства Центральной Евразии в истории, включая Великих Моголов в Индии, Сефевидов и Каджаров в Иране и Тимуридов в Центральной Азии» (Актюрк, 2006; Рой, 2000), легло наследие «сосуществования тюрко-монгольских военно-политических элит при поддержке персоязычных бюрократов». Встречаются и более радикальные точки зрения, принижающие значение всех дискурсов, не ориентированных на Восток, и даже дискурсов некоторых стран Востока, не достойных, по мнению авторов, сравнения с их собственным лакунным взглядом. Так, по мнению К. Эврева, «вклад русских / славян и арийцев / скифов / иранцев в евразийскую идентичность и историю явно отсутствует». При этом, сам он подчеркивает важность союза Казахстана и Турции как двух региональных стран, «продвигающих евразийство», и настаивает, что государство и исламистские группы являются «неотъемлемой

частью построения турецких взглядов на Евразию» (Эверед, 2018: 29). За подобной экзотикой просматривается скорее не научный анализ, а политический заказ, смешение и подмена в его угоду таких понятий, как «евразийство» и «пантюркизм».

Следует отметить, что тенденции всемерно расширять географическую область исследований противоречит практика ограничения области евразийского региона до его минимальных границ. Такой подход часто свойственен «автохтонным» исследовательским проектам и ученым из стран СНГ. Так, например, в сравнительном анализе международных случаев регионализма А. Обыденковой акцент делается на так называемую постсоветскую Евразию. А. Обыденкова рассматривает международные примеры регионализма и считает «ЕС наиболее значительным и далеко идущим среди всех попыток регионализма». В то же время она ссылается на постсоветскую Евразию как на пример неудачных попыток региональной интеграции, сопоставимый с такими восточными проектами, как Северо-Азиатский регион и Латинская Америка (Обыденкова 2011:87-102). В ее исследовании евразийский регион приравнивается к республикам Средней Азии, что фактически упрощает задачу авторского сравнительного анализа.

С критикой такого «ограничения краеведения границами бывшего Советского Союза» выступают А. Бисенова и К. Медеуова. Они предлагают свое объяснение, почему для ученых СНГ типична тенденция сужать горизонт евразийских исследований регионом Центральной Азии. Обозначая проблему «двойной колониальности», А. Бисенова и К. Медеуова указывают на такой недооцененный фактор, препятствующий развитию более широкого видения, как проблема языка исследования. Настаивая на решающей роли языковой эрудиции, казахстанские ученые считают, что на протяжении многих десятилетий русский язык был доминирующим языком не только межнационального общения, но и академического дискурса, и, например, «ученые из Афганистана или Синьцзяня не всегда попадают в контекст исследований Центральной Азии» (Бисенова, 2016:35-39). Более того, говоря о сегодняшних границах академической практики, А. Бисенова и К. Медеуова отмечают, что в случае центральноазиатских или евразийских исследований «колониальный» фактор советского наследия сразу же был заменен новым, западным дискурсом. Важнейший вывод их исследования заключается в том, что, несмотря на растущий интерес к региональным исследованиям, «стакан наполовину пуст»: многим молодым ученым приходится уезжать на Запад, чтобы изучать Восток, а те, кто остается в рамках старого советского академического образования и опыта, подвержены академической маргинализации (Бисенова, 2016:38).

Такую же «маргинализацию», по мнению культуролога и лингвиста А. Улько, испытывают те, кто остается в рамках старой парадигмы и воспринимает область исследования евразийства только как проблему поиска идентичности. А. Улько развивает эту тему, ссылаясь на термин «нарратив» в узкоретроспективном смысле, чтобы выявить и оценить корни «зарождающихся постсоветских и постколониальных дискурсов». Он заявляет, что «на протяжении большей части двадцатого века Центральная Азия как регион переживала кризис идентичности» и что «одержимость этнической принадлежностью только усилилась с независимостью». А. Улько утверждает, что ключом к центральноазиатской концепции нации, а также центральной темой автохтонных исследований «стало повествование о ее исконном этническом происхождении», и оценивает это как существенный методологический недостаток (Улько, 2017).

Таким образом, мы рассмотрели ситуацию существования в современном академическом и институциональном дискурсе множества «Евразий». Для одних учебно-образовательных программ границы региона схожи, для других – радикально расходятся и в долгосрочной перспективе эти границы еще долго будут «условными», поскольку определяются в первую очередь профессиональными интересами самих исследователей.

Прагматическое евразийство

Рассмотренное выше многообразие представлений о предметном поле и географических границах региона является следствием объективных исторических процессов, политэкономических преобразований, а также стратегического позиционирования и долгосрочного планирования евразийских государств. Иными словами, термины «Евразия» и «евразийство» примеряют на себя различные страны-«игроки» и закономерным результатом этого становится запрос на историософски аргументированные рассуждения и теоретически обоснованный идеологический нарратив. В наше время эти понятия «работают» не столько на философскую концепцию, сколько на идеологическое,

обоснование и реализацию геополитических интересов стран в рамках масштабных политических и экономических проектов и инициатив. Поэтому, переходя к обсуждению тем, относящихся к практическим вопросам, таким как региональная интеграция и международная политика, хотелось бы сразу указать на важную методологическую особенность данного дискурса. Евразийские нарративы странбенефициаров в этой области могут радикально отличаться, но в конечном итоге их объединяет один общий инструменталистский *прагматический паттерн*. На это еще в 1998 г. обратил внимание З. Бжезинский. По его мнению, «термин «евразийство» является скорее политико-идеологическим и философским понятием и пониманием с многомерными чертами и аспектами, которые возникали и появлялись вновь на различных исторических этапах у философов, историков, националистов, коммунистов, а также отдельных групп и лидеров для достижения своих целей и стремлений» (Бжезинский, 1998).

П. Брага и С. Канешко подробно анализируют происходящие процессы и заключают, что «в XXI веке каждый крупный игрок Евразии инициировал свой интеграционный проект: Россия реализует ЕАЭС; в 2011 году Соединенные Штаты объявили о своем «повороте в сторону Азии», направленном на консолидацию экономического блока через Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Новый Шелковый путь – предложение об интеграции Южной и Центральной Азии вдоль древнего торгового пути; Китай ответил инициирование гигантской инициативы «Один пояс, один путь», беспрецедентной по своим амбициям; Индия начала планирование политики «Соединим Центральную Азию» и «Коттон-роуд», инициированную в качестве противовеса Инициативе Китая» (Брага, 2020).

Более четверти века успешно претворяется в жизнь и первый внутрирегиональный проект сотрудничества – ЕАЭС, ключевые принципы и практические шаги к реализации которого были обозначены Н.А. Назарбаевым еще в 1994 г. Избегая излишней политизации, проекту евразийского экономического сотрудничества удается успешно и последовательно вносить вклад не только в экономическую, но и в культурно-гуманитарную интеграцию региона. Как отмечает О. Лысенко в обзорной статье «ЕАЭС: от идеи к воплощению», «в международном масштабе после этого Лидера Казахстана стали называть главным архитектором евразийской интеграции, хотя многие писали, что тогда со своей инициативой он опередил время» (Лысенко, 2021).

Наиболее амбициозными в торгово-экономическом отношении выглядят проекты России по интеграции евразийского континента «с дальним прицелом на то, чтобы в будущем организовать геополитический блок со своим доминированием» и использование Китаем финансовой мощи «для физической и экономической интеграции Евразии в проект века «Один пояс, один путь» (OBOR), на который подписались шестьдесят пять стран, расположенных в четырех различных регионах – Азия, Ближний Восток, Африка и Европа (Сербин, 2018).

Важным фактором, определяющим процессы, происходящие на евразийском пространстве, выступает и заинтересованность Европейского Союза в поддержании своего влияния в евразийском регионе, и опасения малых игроков в исключительном доминировании интересов России или Китая. Это дает точки соприкосновения для сближения стратегических позиций Европы и таких стран как Азербайджан, Армения, Афганистан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина и др. «Чем ближе сосед, тем сильнее его опасения по поводу чрезмерного влияния, гегемонии или вопросов безопасности в этих региональных проектах. Подобно тому, как Казахстан больше всего опасается российского господства, Монголия больше всего опасается попыток Китая по интеграции. ... Более мелкие страны приветствуют конкуренцию между этими проектами как гарантию своей независимости и рассматривают ЕС как силу, которая может помочь ограничить Россию и Китай» – говорится на сайте Европейского Совета по международным отношениях (Дюшатель, 2016).

В любом случае, в настоящее время Евразия нацелена на то, чтобы стать одним из самых важных мировых аттракторов, и практические аспекты решения проблем региональной интеграции, инструментализм сопутствующих идеологических нарративов важны не меньше, если не больше, чем академический дискурс евразийства. А. Сербин отмечает: «В то время как мир сосредоточен на ... смещении экономического динамизма из Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион, в Евразии постепенно возникает новое глобальное гравитационное притяжение»

(Сербин, 2018:193-208). При этом, сценарий получения полного доминирования каким-либо одним игроком, даже Китаем, не предопределен, поскольку «китайское руководство хорошо осознает возможность того, что чувствительная и небезопасная Россия может остро отреагировать на растущее влияние Китая» (Ролланд, 2019:7-22). Страны региона в наибольшей степени заинтересованы сосредоточить внимание «на общих политических, экономических интересах и интересах безопасности».

Наш обзор позволяет заключить, что при продвижении вопросов политэкономической интеграции обязательно используется риторика евразийского наследия, но ее нарративы являются инструментальными и второстепенными по отношению к основным глобальным целям стран. С философской точки зрения, весь прошедший период XXI века – это продолжение разработки евразийских нарративов, обосновывающих эти мега-проекты. Комментаторам, экспертам, исследователям остается обсуждать природу этих мегапроектов и их влияние на глобальную геополитическую конфигурацию. «Евразия», пишет в этой связи С. Канешко, – это в лучшем случае эвристическая единица анализа». Возрастающая пафосность заголовков и отработка интеграционной риторики (как, например, «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (Султанов, 2017:143-169), «A China-Russia Condominium over Eurasia», «Greater Eurasian Partnership» (GEP) и т.д., только подтверждают тезис о том, что темы евразийства превращаются в текучий, идеологизированный, незавершенный нарратив.

При рассмотрении практических сторон прагматических видов евразийства не следует забывать и о культурной составляющей. Как отмечает А. Масалимова, «В настоящее время культура стала неотъемлемой частью международной политики и играет важную роль на мировой арене». Культурная дипломатия широко используется странами Великого Шелкового Пути в качестве «мягкой силы» для популяризации своего культурного наследия и пропаганды достижений своего народа. В частности, отмечает А. Масалимова, Китай практикует культурный диалог с соседними странами для распространения «силы глобального влияния культурных и духовных ценностей, технологий и т.д.» (Масалимова, 2019: 48).

Евразийство как феномен лакунного типа

Закономерность существования множества современных концепций евразийства и причины, по которым они всегда будут предвзятыми и незавершенными, можно объяснить при помощи метафоры лакуны. Данный термин уже упоминался в нашем обсуждении для пояснения того, как пределы профессионального мировоззрения ученого влияют на направленность исследования и способность объективно оценивать сущность изучаемого явления.

В психолингвистике лакунами называются «лексические образования, принадлежащие только определенной культуре и языку и не имеющие аналогов в других культурах и языках» (Казази, 2014:353). Данный термин был выведен Ю. Сорокиным из лексики контрастивной лингвистики и позже заимствован учеными-социологами в качестве инструмента для понимания межкультурных различий (Дашидоржиева, 2010:48). Методологически расширив сферу применения данной теории на область нашего обсуждения, мы предлагаем рассмотреть разнообразие интерпретаций евразийства как феномен лакунного типа. По нашему мнению, метафора лакуны не только позволяет выявить и обсудить так называемые «межкультурные и внутрикультурные «пробелы» (лакуны), которые могут препятствовать взаимопониманию» (Джолович, 2006) ученых либо политиков, но также помогает обосновать различия в интерпретации ими определенных понятий или явлений. Понятие *лакуна* представляется нам ценным междисциплинарным теоретическим инструментом для отслеживания генезиса и уникальности каждого из прагматически-, идеологически-, инструментально-обоснованных евразийских нарративов. Такая интерпретация может помочь, например, при объяснении того, как архитекторы «евразийских интеграций» опираются на обыгрывание собственных узкоспециализированных представлений, краткосрочных либо долгосрочных интересов.

Не вызывает сомнения, что каждая новая интерпретация понятия «Евразия» является результатом привнесения субъективного видения Евразии, основанного на позиции автора как наблюдателя во «времени и пространстве». Однако, следует учитывать и то, что «авторы» всегда ограничены рамками своей сосредоточенности на проблеме и часто не могут в рамках господствующей парадигмы принять (или выдвинуть) никаких альтернативных – противоречащих

или видоизмененных – дискурсов. Как отмечает Н. Сотникова, исследователь может приписать своему исследованию любое направление, но постановка исследовательской задачи всегда опирается на ее исторические рамки. К объектам научного исследования ученые обращаются в разные исторические моменты, и это дает основание для множества интерпретаций и открытий новых смыслов явления. Более того, ученые изучают вопросы «выборочно», исходя из собственных аксиологических соображений, и эта методологическая особенность определяет появление многих «истин» о том или ином объекте исследования (Сотникова, 2010: 98-103).

Примером, подтверждающим лакунный характер любых евразийских нарративов, может быть обращение к «параллельному», тюркскому взгляду на регион и соответствующим представлениям о развитии культурных, экономических, политических связей. Так, в статье, посвященной истории осмысления тюркской интеграции, Г. Телебаев подчеркивает, что эта идея имеет по меньшей мере полуторавековую историю, то есть по времени появления несколько опережает эпоху классического евразийства. Г. Телебаев, подчеркивает, что «тюркские народы даже на генетическом уровне помнят общее происхождение и получают дополнительные импульсы родства в языке, культуре, обычаях и традициях, музыке» (Телебаев, 2021:123-130). Он подробно излагает историографию классического этапа тюркской интеграции и здесь можно легко домыслить параллели между евразийскими исканиями и тюркскими концепциями именно в ключе «лакунности» историософских представлений.

Не менее масштабное и взаимоинтегрирующее осмысление сходной идеи – вариант культурного диалога в формате Великого Шелкового пути – встречаем в статье В. Осербаева и Т. Габитова. Это еще один подход к определению роли и места Центральной Азии в региональной интеграции, основанный на изучении связей между «римской и степной, тюркской и иранской, Арабской и Китайской империями от античности до Средневековья», сохранивших свое значение и до наших дней. Исследователи проводят водораздел не между Россией и Евразией или Евразией и тюркским миром, а между кочевниками и оседлыми сельскохозяйственными культурами данного ареала (Осербаев, 2021:62).

Таким образом, евразийцы всех времен не одиноки в своих интеграционных и мировоззренческих исканиях. В XXI в. казахстанские философы и культурологи берутся за осмысление роли евразийского/центральноазиатского региона, увязывая свои исследования с культурно-историческими реалиями. И, на наш взгляд, ни одно из этих направлений не противоречит друг другу, хотя они различны по масштабам и направленности.

Заключение

Аналитико-методологический обзор генезиса, этапов развития и современного использования понятия «евразийство» показывает, что все его вариации объединяет лишь общее название. Большей частью они представляют собой ряд отдельных повествований-нарративов, но ни в коем случае не цельную евразийскую парадигму. Интегральный изначально по своей сути смысл понятия «Евразия» в современной реальности имеет множество дифференциальных измерений, разъединяя свои теоретический и практический дискурсы (историографический, этногеографический, прагматический и т.п.). При этом, проблема существования множества «Евразий», равно как и множества «центров Евразии», удивительным образом не является таковой для бенефециаров евразийства. Каждый автор-теоретик или архитектор-политик вполне самодостаточен в своем лакунном подходе и занимается углубленной разработкой собственного нарратива, а не согласованием своих видений с общеакадемическим дискурсом или же с другими идеями региональной интеграции. Наиболее абстрактным это понятие становится в образовательной сфере. Это обусловлено спецификой образовательного процесса, с присущей ему потребностью в формализации, упрощении, «макдональдизации» дискурса. Но в этом состоит и его преимущество перед другими сферами деятельности: возрастает конвертируемость образовательных программ евразийских исследований и масштабирование евразийской темы в учебно-академическом поле.

Издержки «западных» исследований Центральной Азии, по мнению ряда исследователей, заключается в давно устаревшей европоцентричности подходов и недостатке внимания к специфичной и богато документированной историей центральноевразийского мира (Эртюрк, 1999:1-9). В странах СНГ современный ренессанс евразийства в конце XX века инициировал усиление философско-политической доктрины детализированными геополитическими концепциями Евразии. Это была реакция на глобальные про-

блемы современности и поиск путей достижения общего геополитического будущего. Большинство исследователей видят в этом выход из кризиса для всех постсоветских государств и перспективы присоединения их к международному сообществу (Фазизова: 2011). Уделяется внимание и потенциально долгосрочным проблемам, обозначенным такими авторами как А. Обыденкова, К. Бондаренко, отмечающим, что, несмотря на академические попытки обнаружить основы объединения стран Центральной Азии в единый прочный блок, реальность внутри регионов часто противоречит этому общему видению. Они заостряют внимание на том, что и что «сама природа режимов в регионе не только сформировала неэффективные экономические модели, но и является фактором, препятствующим интеграции» (Обыденкова, 2011:87-102). Мы разделяем их точку зрения, что, несмотря на идеологические конструкции центральноазиатских элит, продолжающих верить в свои собственные представления о политике «многовекторности» и «особого пути», могут просто привести к созданию различных взаимных барьеров (Бондаренко, 2017:107-109).

В заключение хотелось бы отметить, что современная методологическая тенденция направлена на сохранение понятия «Евразия» открытым. Это обеспечит его будущий эвристический потенциал. Принятие комплексного, синтетического, многовекторного «прочтения» понятия Евразия выражает объективный эволюционный процесс изменения картины мира, а потому, на наш взгляд, отсутствие нормативности не следует расценивать как методологический недостаток. Полифония сегодняшних дискурсов – естественная ситуация, демонстрирующая, что Евразия – это не эссенциалистская концепция, а открытое повествование, которое обогащается усилиями многих политиков и ученых, совместно формирующих будущее этого региона и возможные пути его интеграции или распада. На наш взгляд, именно эту динамику и фиксируют рассмотренные в статье методологические подходы и нововведенные понятия.

Литература

Актюрк С. Reflections on a Central Eurasian Model: A Foucauldian Reply to Barfield on the Historiography of Ethno-Nationalisms // Central Eurasian Studies Review. – 2006. – Vol. 8-1. – Pp. 43-46.

Амслер С. Why Central Eurasian Studies is Good for Sociology: Educational resources and developments // Central Eurasian Studies Review. – 2009. – Vol. 8-1. – Pp. 43-46.

Бжезинский З. (1998). The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. – New York: Basic Books.

Бисенова А., Медеуова К. О проблемах региональных исследований в/по Центральной Азии // Антропологический форум. – 2016. – № 28.

Бондаренко К. А. Long Transformation: Central Asian Countries on the Threshold of Change //Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. Institute for European Russian and Eurasian Studies: George Washington University. – 2017. – pp. 107-109.

Брага П., Канешко С. Strategy Amidst Ambiguity: the Belt and Road and China's Foreign Policy Approach to Eurasia // The Journal of Cross-Regional Dialogues/La Revue de dialogues inter-régionaux. – DOI:10.25518/2593-9483.132

Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. ред. Петрова В.Ф. – Алматы: Магжан, 1993. – 5 п.л.

Дашидорджиева В. Lacuna as a phenomenon of culture // Научный электронный архив.URL: – 2010. http://econf.rae.ru/article/6206.

Джолович Дж. Lacuna theory in intercultural communication:Focus on axiological// Вопросы психолингвистики. – 2006. – №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lacuna-theory-in-intercultural-communication-focus-on-axiological-lacunae.

Дюшатель М. et al. Eurasian integration: Caught between Russia and China // European Council on Foreign Relationshttps. – 07.06.2016. http: ecfr.eu/article/essay_eurasian/

Евразийская ассоциация университетов. http://www.eau-msu.ru/about.

Жданова Г. В. Евразийство в современных исследованиях, философские аспекты: автореф. к.ф.н.: 09.00.03. – М., 2002. – 145 с.; https://www.dissercat.com/content/evraziistvo-v-sovremennykh-issledovaniyakh-filosofskie-aspekty

Казази Л. (2014). The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's "Circles" //Journal of Educational and Social Research. DOI:10.5901/jesr.2014.v4n4p353

Карабаева А.Г., Исмагамбетова З.Н., Аубакирова С.С. Компаративистский метод в социальной философии и философии культуры // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2019. – No.2 (68). – С. 55-64. https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/1051/1012.

Келлер С. Histories of Central Asia: An SSRC Web Resource for Teaching //. ASIANetwork Exchange: A Journal for Asian Studies in the Liberal Arts. – 2009. – 16(2). – Pp. 43–52. DOI: http://doi.org/10.16995/ane.222.

Колчигин С. Евразийская идея в эпоху глобализации // Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2010. – С. 277-314.

Ларюэль М. Histoire d'une usurpation intellectuelle: L. N. Gumilev, « le dernier des eurasistes » ? // Revue des études slaves. – 2001. – tome 73, fascicule 2-3. – pp. 449-459. DOI : https://doi.org/10.3406/slave.2001.6726 www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6726.

Лысенко О. ЕАЭС: от идеи к воплощению // Литер. – 28.05.2021

Масалимова А.Р., Найзабаева ГА. Factors of Soft Power In «New Silk Road» Intercultural Interview // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2019. – No.1 (67). – С. 43-50.

METU Eurasian Studies program. https://eas.metu.edu.tr/.

Мостафа Г. The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and its Implications // Journal of Eurasian Studies – 2013. – №4 – С. 160-170. https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006

Обыденкова А. Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism? // Journal of Eurasian Studies. – Volume 2, Issue 2/ – Pp. 87-102/ https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.001

Осербаев Е., Габитов Т. Cultural transitions and dialogues in the Great Silk road area: experience in preventing cultural deviations // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2021. –vol. 75 (1). – pp. 61-73. https://doi.org/10.26577//jpcp.2021.v75.i1.07

Ривз М. Антропология Средней Азии через десять лет после «состояния поля»: стакан наполовину полон или наполовину пуст? // Антропологический форум. – 2014. – Vol. 20 (1). – pp. 60-79.

Рой О. The New Central Asia: the Creation of Nations. – New York Univ. Press, 2000. – 222 pp. ISBN 9781860642784.

Ролланд Н. A China–Russia Condominium over Eurasia // Survival. –No. 61:1. –pp. 7-22 | Published online: 29 Jan 2019. https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1568043

Рякова Е. Савчук Е., Сагиқызы А. Historical and philosophical prerequisites of analysis of the modern global processes // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2019. – No.2 (68). – С. 82-89.

CESS: Central Eurasian Studies Society http://thecessblog.com.

CIAS, http://www.utoronto.ca/cias/

Сербин А. Contending Geopolitical Narratives and Global Tectonic Shifts //The Fletcher forum of world affairs. – 2018. – 42(2).

Сотникова Н.Н. Ценностные особенности исторического познания // Историческое сознание и постматериальные ценности: сборник научных статей / авт-сост.: К.В. Султанов. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – С. 98-103. ISBN 978-5-8064-2689-6.

Султанов Б.К., ред. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века (Издано с санкции Госсовета КНР по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции) // Экономический пояс Шелкового пути в контексте региональной безопасности. – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2017. – 176 с. – С. 143-169.

Телебаев Г. Т. Тюркская интеграция: история осмысления и инициативы Елбасы // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2021. – v.76.2. – С. 124-130. doi.org/10.26577/jpcp.2021.v76.i2.12.

Тлеугабылова, К. С. Абдрахманова А. А., Макалаков Т. Ж. Л.Н. Гумилев – один из основоположников идеи евразийства // Молодой ученый. – 2013. – № 2 (49). – С. 288-291. – URL: https://moluch.ru/archive/49/6156/.

Улько А. Censorship and Art in Central Asia: Post-Colonial and Post-Soviet Perspectives Five Central Asian countries // https://www.researchgate.net/2017.

Фазизова Р. Идея евразийства в политике республики Казахстан: теория и практика // Модернизация Инновации Развитие – 2011. – Том 2 №3 (7).

Филонова, Л.Г. Евразийство в философско-исторической и политической мысли русского зарубежья 1920–1930-х годов // Сборник. – Научно-исследовательский отдел библиографии РГБ. – 2011.

Эверед К. Eurasianist Geopolitics Today: A Comparative Survey of Kazakh and Turkish Examples // The Central Eurasian Studies Review. – 2018. – vol. 6 –1(2).

Эртюрк К., ред., (1999). Rethinking Central Asia: Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity. – Reading, UK: Ithaca Press, vi, – 202 pp., index. ISBN 0863722407

References

Akturk S. (2006) Reflections on a Central Eurasian Model: A Foucauldian Reply to Barfield on the Historiography of Ethno-Nationalisms // Central Eurasian Studies Review. Vol.8-1. Pp.43-46.

Amsler S. (2009) Why Central Eurasian Studies is Good for Sociology: Educational resources and developments // Central Eurasian Studies Review. -Vol.8-1. -Pp.43-46.

Bisenova A., Medeuova K. (2016) O problemah regional'nyh issledovanij v/po Central'noj Azii(On the problems of regional research in Central Asia) //Antropologicheskij forum. -№ 28. (In Russian)

Bondarenko K. A. (2017) Long Transformation: Central Asian Countries on the Threshold of Change //Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. Institute for European Russian and Eurasian Studies: George Washington University. pp. 107-109.

Braga P., Kaneshko C. Strategy Amidst Ambiguity: the Belt and Road and China's Foreign Policy Approach to Eurasia // The Journal of Cross-Regional Dialogues/La Revue de dialogues inter-régionaux. -DOI:10.25518/2593-9483.132

Brzezinski Z. (1998). The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. New York: Basic Books.

Dashidordzhieva V.(2010) Lacuna as a phenomenon of culture // Nauchnyj jelektronnyj arhiv.URL: -. http://econf.rae.ru/article/6206.

Djushatel' M. et al. Eurasian integration: Caught between Russia and China // European Council on Foreign Relationshttps. -07.06.2016. http: ecfr.eu/article/essay_eurasian/

Dzholovich Dzh.(2006) Lacuna theory in intercultural communication:Focus on axiological// Voprosy psiholingvistiki.. -№3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lacuna-theory-in-intercultural-communication-focus-on-axiological-lacunae .

Fazizova R.(2011) Ideja evrazijstva v politike respubliki Kazahstan: teorija i praktika(The idea of evrazijstva in the politics of the republic of Kazakhstan: theory and practice) // Modernizacija Innovacii Razvitie -Tom 2 №3 (7). (In Russian)

Filonova, L.G. (2011)Evrazijstvo v filosofsko-istoricheskoj i politicheskoj mysli russkogo zarubezh'ja 1920–1930-h godov (Eurasia in Philosophical-Historical and Political Thoughts of Russian Abroad 1920–1930s) // Sbornik. -Nauchno-issledovatel'skij otdel bibliografii RGB.(In Russian)

Gumilev L. N. Ritmy Evrazii. red. Petrova V.F. (Rhythm of Eurasia)//Almaty: Magzhan, 1993. -5 p.l./(In Russian)

Jertjurk K., (1999). Rethinking Central Asia: Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity. -Reading, UK: Ithaca Press, vi, -202 pp., index. ISBN 0863722407

Jevered K. (2018)Eurasianist Geopolitics Today: A Comparative Survey of Kazakh and Turkish Examples // The Central Eurasian Studies Review.. – vol.6 –1(2).

Karabaeva A.G., Ismagambetova Z.N., Aubakirova S.S. (2019) Komparativistskij metod v social'noj filosofii i filosofii kul'tury (The comparative method in social philosophy and the philosophy of culture) // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija.. – No.2 (68). –s. 55-64. https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/1051/1012. (In Russian)

Kazazi L.(2014). The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's "Circles" //Journal of Educational and Social Research. DOI:10.5901/jesr.2014.v4n4p353

Keller S. (2009) Histories of Central Asia: An SSRC Web Resource for Teaching //. ASIANetwork Exchange: A Journal for Asian Studies in the Liberal Arts. -16(2). -pp.43–52. DOI: http://doi.org/10.16995/ane.222.

Kolchigin S. Evrazijskaja ideja v jepohu globalizacii // Evrazijskaja doktrina Nursultana Nazarbaeva. – Almaty: Institut filosofii i politologii MON RK, 2010. – S.277-314.

Larujel M.(2001) Histoire d'une usurpation intellectuelle : L. N. Gumilev, « le dernier des eurasistes » ? // Revue des études slaves. – tome 73, fascicule 2-3. – pp. 449-459. DOI : https://doi.org/10.3406/slave.2001.6726 www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6726.

Lysenko O. EAJeS: ot idei k voploshheniju (EAJeS: from ideas to embodiment)// Liter .-28.05.2021(In Russian)

Masalimova A.R., Najzabaeva GA. (2019) Factors Of Soft Power In «New Silk Road» Intercultural Interview // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija.– No.1 (67). – s. 43-50.

Mostafa G. (2013)The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and its Implications // Journal of Eurasian Studies. – №4 – c. 160-170. https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006

Obydenkova A. (2011) Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism? // Journal of Eurasian Studies. -Volume 2, Issue 2/ – pp. 87-102/ https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.001

Oserbaev E., Gabitov T. (2021) Cultural transitions and dialogues in the Great Silk road area: experience in preventing cultural deviations // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija. –vol. 75 (1). – pp. 61-73. https://doi.org/10.26577//jpcp.2021.v75.i1.07

Rivz M.(2014) Antropologija Srednej Azii cherez desjat' let posle «sostojanija polja»: stakan napolovinu polon ili napolovinu pust? (Anthropology of Central Asia through the ten years after the "field condition": will Napoleon Polon or Napoleon be left?)// Antropologicheskij forum. -Vol. 20 (1). -pp. 60-79.(IN Russian)

Rjakova E. Savchuk E., Sagikyzy (2019) A. Historical and philosophical prerequisites of analysis of the modern global processes // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija. – No.2 (68). –s. 82-89.

Roj O. (2000) The New Central Asia: the Creation of Nations. -New York Univ. Press .- 222 pp. ISBN 9781860642784.

Roland N. A (2019) China–Russia Condominium over Eurasia // Survival. –No. 61:1. –pp. 7-22 | Published online: 29 Jan. https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1568043

Serbin A. (2018) Contending Geopolitical Narratives and Global Tectonic Shifts //The Fletcher forum of world affairs. -. -42(2).

Sotnikova N.N. (2010) Cennostnye osobennosti istoricheskogo poznanija // Istoricheskoe soznanie i postmaterial'nye cennosti: sbornik nauchnyh statej ()Value features of historical knowledge // Historical consciousness and post-material values: collection of scientific articles // avt-sost.: K.V. Sultanov. – SPb.: RGPU im.A.I. Gercena. -. -s. 98-103. ISBN 978-5-8064-2689-6. (In Russian)

Sultanov B.K., red. (2017) Prekrasnye perspektivy i prakticheskie dejstvija po sovmestnomu sozdaniju jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Izdano s sankcii Gossoveta KNR po delam razvitija i reform, Ministerstvo inostrannyh del i Ministerstvo kommercii)(Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the eco-

nomic belt of the Silk Road and the Maritime Silk Road of the 21st century (Published with the approval of the State by the Minister of the PRC for Economic Development).) // Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti v kontekste regional'noj bezopasnosti. – Almaty: Issledovatel'skij institut mezhdunarodnogo i regional'nogo sotrudnichestva Kazahstansko-Nemeckogo universiteta,. – 176 s. – s.143-169. (In Russian)

Telebaev G. T. (2013) Tjurkskaja integracija: istorija osmyslenija i iniciativy Elbasy (Turkish integration: the history of thinking and initiatives of the President)// Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija. – 2021. – v.76.2. – c. 124-130. doi. org/10.26577/jpcp.2021.v76.i2.12. (In Russian)

Tleugabylova, K. S. Abdrahmanova A. A., Makalakov T. Zh. L.N.Gumilev – odin iz osnovopolozhnikov idei evrazijstva (L.N. Gumilev is one of the founders of the idea of Eurasia.)// Molodoj uchenyj. – № 2 (49). – S. 288-291. – URL: https://moluch.ru/ archive/49/6156/.(In Russian)

Ul'ko A. (2017) Censorship and Art in Central Asia: Post-Colonial and Post-Soviet Perspectives Five Central Asian countries(Censorship and Art in Central Asia: Post-Colonial and Post-Soviet Perspectives Five Central Asian countries) // https:// www.researchgate.net/. (In Russian)

Zhdanova G. V. (2002) Evrazijstvo v sovremennyh issledovanijah, filosofskie aspekty(Eurasianism in modern research, philosophical aspects): avtoref. k.f.n.: 09.00.03. – Moskva. – 145 s.; https://www.dissercat.com/content/evraziistvo-v-sovremennykh-issledovaniyakh-filosofskie-aspekty(In Russian)

МРНТИ 02.01.07 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.05

С.М. Джалмагамбетова

Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан,
e-mail: muratvekova@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Важная проблема сознания часто объявлялась неразрешимой с помощью методов традиционных эмпирических наук. Утверждалось, что все объекты эмпирических наук могут быть полностью проанализированы в структурных терминах, однако, сознание есть (или имеет) что-то сверх своей структуры. Современная нейробиология ввела теоретические рамки, в которых также очевидны неструктурные аспекты сознания, а именно так называемые качественные свойства, которые могут быть проанализированы в структурных терминах. Эта структура позволяет нам рассматривать их как нечто композиционное с внутренними структурами, полностью определяющими их качественную природу. Более того, можно идентифицировать те внутренние структуры, которые представляют собой определенные нейронные паттерны. Совокупность всех явных нейронных репрезентаций имеет детальную и точную корреляцию с содержанием сознания человека. Поскольку все существенные узлы, ответственные за явные нейронные репрезентации, также связаны с модулями планирования мозга, это означает, что функциональная структура всей сети явных нейронных репрезентаций фактически будет функциональной структурой соответствующее сознание. Таким образом, сознание в целом можно рассматривать как сложный нейронный паттерн, который неверно воспринимает некоторые из своих очень сложных структурных свойств.

Ключевые слова: философия разума, квалиа, сознание, трудная проблема, структурализм.

S.M. Jalmagambetova

Eurasian National university named after L.N. Gumilyov, Kazakhstan, Nur-Sultan,
e-mail: muratvekova@mail.ru

Philosophy of Consciousness

The important problem of consciousness has often been declared unsolvable by the methods of traditional empirical sciences. It has been argued that all objects of the empirical sciences can be fully analyzed in structural terms, but that consciousness is (or has) something beyond its structure. However, modern neurobiology has introduced a theoretical framework in which the non-structural aspects of consciousness, namely the so-called qualitative properties that can be analyzed in structural terms, are also evident. This structure allows us to view them as something compositional with internal structures that fully define their qualitative nature. Moreover, it is possible to identify those internal structures that represent certain neural patterns. The totality of all explicit neural representations has a detailed and precise correlation with the content of a person's consciousness. Since all the essential nodes responsible for explicit neural representations are also associated with brain planning modules, this means that the functional structure of the entire network of explicit neural representations will actually be the functional structure of the corresponding consciousness. Thus, consciousness as a whole can be viewed as a complex neural pattern that misperceives some of its very complex structural properties.

Key words: philosophy of mind, qualia, consciousness, difficult problem, structuralism.

С.М. Джалмагамбетова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.
e-mail: muratvekova@mail.ru

Сана философиясы

Сананың маңызды мәселесі негізінде дәстүрлі эмпирикалық ғылымдардың әдістерімен жиі шешілмейді деп жарияланды. Эмпирикалық ғылымның барлық объектілерін құрылымдық тұрғыдан толық талдауға болады, бірақ сана өзінің құрылымынан тыс нәрсе (болуы мүмкін) деген пікір айтылды. Алайда, қазіргі нейробиологияға келетін болсақ: сананың құрылымдық емес аспектілерді, атап айтқанда, құрылымдық тұрғыдан талдауға болатын сапалық қасиеттер деп аталатын теориялық шеңберлерді енгізді. Бұл құрылым бізге оларды сапалы табиғатын толық

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

анықтайтын ішкі құрылымдармен композициялық нәрсе ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, белгілі бір нейрондық заңдылықтар болып табылатын ішкі құрылымдарды анықтауға болады. Барлық айқын жүйке көріністерінің жиынтығы адамның санасының мазмұнымен егжей-тегжейлі және нақты корреляцияға ие. Бұл құрылымдарды жүйке тұрғысынан сипаттауға болады және осылайша нақты жүйке үлгілерімен анықталады. Нейрондық көріністерге жауапты деп барлық маңызды түйіндер миды жоспарлау модулдерімен байланысты болғандықтан, бұл нақты жүйке көріністерінің бүкіл желісінің функционалдық құрылымы шынымен сәйкес сананың функционалдық құрылымы болады дегенді білдіреді. Осылайша, жалпы сананы күрделі құрылымдық қасиеттердің кейбірін дұрыс қабылдамайтын күрделі нейрондық үлгі ретінде қарастыруға болады.

Түйін сөздер: ақыл философиясы, квалиа, сана, қиын мәселе, структурализм.

Введение

Один из возможных способов представить важную проблему сознания – рассмотреть три, казалось бы, правдоподобных тезиса, которые находятся в интересном противоречии. Во-первых, все объекты физики и других естественных наук могут быть полностью проанализированы в терминах структуры и отношений или просто структурно. Во-вторых, сознание есть (или имеет) что-то помимо своей структуры и отношений. В-третьих, существование и природу сознания можно объяснить с точки зрения естественных наук. Если второй тезис окажется неверным и сознание будет полностью проанализировано в структурном плане, то обнаружение структуры сознания в некоторых паттернах нейронной активности (или, возможно, в некоторых лингвистически-поведенческих паттернах) и изучение происхождения и природы этой структуры, мы надеемся, в конечном итоге раскроют нам все, что нужно знать о сознании.

Обоснование темы. Цели и задачи

Дэвид Чалмерс, автор проблемы сознания, принимает и первый, и второй тезисы, а также делает упомянутый выше вывод. Он также добавляет предпосылку, что то, что невозможно физически объяснить, само по себе не является физическим (Chalmers, 2003). Поэтому он убежден, что единственное решение трудной проблемы – это поддержать своего рода онтологический дуализм, наиболее предпочтительно форму дуализма свойств. Он утверждает, что традиционные естественные науки (например, нейробиология и когнитивная наука), возможно, когда-нибудь смогут объяснить все структурно-реляционные свойства сознания (например, в терминах нейронных, функциональных или информационных структур и отношений), но это сознание помимо них также имеет феноменальные свойства, которые в принципе недосягаемы для традиционных научных методов. Однако ряд философов утверждали, что все формы онтологического дуализма с философской точки зрения весьма проблематичны, и в основном все согласны с тем, что было бы желательно, если можно, найти решение трудной проблемы, не поддерживая какую-либо форму онтологического дуализма.

Угрозы дуализма можно избежать, а трудную проблему можно решить, приняв первый и третий тезисы и отвергнув второй. Другими словами, объекты физики и других естественных наук действительно могут быть полностью проанализированы в структурных терминах, но это может быть и сознание. Эти структуры также могут быть описаны нейронными терминами и, таким образом, идентифицированы с определенными нейронными паттернами.

Есть две основные причины: первая – риторическая, а вторая – стратегическая. Риторическая причина заключается в следующем: выбранная формулировка прекрасно резюмирует некоторые центральные идеи о сложности трудной проблемы. А именно, большинство представлений о сложной проблеме включают идею, согласно которой все так называемые легкие проблемы сознания являются «легкими», потому что они являются проблемами объяснения некоторых функций сознания. Следовательно, трудной проблемой является проблема существования определенных свойств или аспектов сознания, которые нельзя анализировать с точки зрения функций. Также утверждалось, что эмпирические методы имеют доступ только к диспозиционным свойствам, и что сознание имеет помимо этих свойств, которые не могут быть проанализированы с точки зрения диспозиций. Список подобных аргументов можно продолжить. Общим для всех них является идея о том, что каждый объект естественных наук можно анализировать с точки зрения некоторых струк-

тур (причинных, диспозиционных, функциональных, пространственно-временных, относительных, информационных и т. д.).

Позиция, согласно которой каждый объект естествознания может быть проанализирован в терминах определенного типа структур, строго говоря, не то же самое, что позиция, согласно которой каждый объект естествознания может быть проанализирован в терминах структур. Идеи, описанные выше, обычно используются как части аргументов, а не как формулировки самой сложной проблемы. Если кто-то хочет отклонить формулировку на этом основании, он может это сделать. Для целей на самом деле достаточно признать проблему, которая сформулирована как философская проблема, которая связана с трудной проблемой простым и понятным способом.

Наиболее распространенные способы представить сложную проблему интуитивно привлекательны, но довольно неясны по смыслу. Итак, сложная проблема обычно вводится как проблема объяснения того, как сознательный опыт «возникает» из нейронной активности или почему есть что-то, «каково быть» сознательным. Таким образом, важным этапом каждого тщательного изложения сложной проблемы является определение значений неясных выражений, используемых в этих интуитивно привлекательных введениях. Говоря об уникальных и философски значимых особенностях сознательных состояний (Chalmers, 2003: 103), пишет: «Каждое из этих [сознательных] состояний имеет феноменальный характер с феноменальными свойствами, характеризующими пребывание в этом состоянии». Таким образом, в самом общем виде, суть сложной проблемы состоит в том, что некоторые свойства или аспекты сознания (как бы мы их ни называли) кажутся необъяснимыми в рамках традиционных естественных наук.

Научная методология исследований

Структурализм научного объекта

Прежде чем перейти к самой важной части аргумента, а именно к отказу от второго тезиса путем предложения полностью структурного описания сознания, рассмотрим, почему мы должны принять первый тезис. Во-первых, очень широко принята позиция, подчеркивающая структурную природу объектов естествознания. Назовем это структурализмом научного объекта. Его проводят Локвуд (1989), Стросон (2006), Столяр (2001), Мермин (1998), Эддингтон (1928), Чалмерс (1996), Рассел (1927), Сигер (2006), Шумейкер (1994), Ледимэн и Росс (2007) и др. Среди многочисленных сторонников самых разных форм структурализма научного объекта есть как защитники, так и критики онтологического дуализма, и, более того, даже если эта позиция часто представляется в контексте философии разума (например, Russell, 1927; Chalmers, 1996; Seager, 2006), он также часто выдвигался в гораздо более широком контексте философии науки и метафизики (например, Shoemaker, 1994; Ladyman and Ross, 2007).

Выражаясь неформально, основная идея структурализма научного объекта состоит в том, что каждый элемент отношения в любой сети отношений, изучаемой естественными науками, может быть проанализирован в терминах отношений. Кроме того, почти каждый элемент любой структуры может быть проанализирован с точки зрения какой-либо более мелкозернистой структуры. И если предположить, что есть какие-то фундаментальные элементы без более тонкой внутренней структуры, то все же, вероятно, будет верно, что эти элементы эмпирически доступны только через их (причинные) отношения с другими элементами и объектами. Другими словами, все наши знания о них ограничены отношениями, которые они имеют с другими объектами.

Однако лишь относительно небольшое меньшинство сторонников структурализма научного объекта считает, что структура и отношения – это все, что существует. Примером такого рода радикальной структуралистской метафизики является теория Ледемана и Росса (2007). Шумейкер (1994) утверждает в том же духе, что причинные отношения и причинные структуры являются единственной онтологической фундаментальной вещью.

Некоторые философы защищают еще более слабую форму структурализма научного объекта. По их мнению, это правда, что традиционные научные методы не имеют доступа ни к чему, кроме структуры и отношений, но, тем не менее, можно ощутить существование чего-то сверх структуры и отношений. А именно, они считают, что существование нашего непосредственного сознательного опыта известно нам напрямую, и что мы также можем «видеть», что наше сознание является чем-то сверх своей структуры – возможно, это что-то, что имеет структуру, а не что-то, что просто есть структура. Из группы философов, упомянутых выше, сторонниками

этой позиции являются Чалмерс (1996), Рассел (1927), Сигер (2006).

В дополнение к тому факту, что основная идея структурализма научного объекта очень широко принята, также трудно понять, как отказ от нее может помочь решить трудную проблему сознания. Единственный способ, который можно себе представить, – это если бы кто-нибудь продемонстрировал, что по крайней мере некоторые из совершенно обычных объектов естествознания обладают такими неснижаемо неструктурными свойствами, существование которых может быть экспериментально подтверждено, а также не вызывает проблем с философской точки зрения. А именно, если бы существование таких свойств не было экспериментально подтверждено, а просто предполагалось в результате некоторых философских соображений, то эти свойства в конце концов не были бы собственными объектами естествознания. И если их существование было философски проблематичным, это не решило бы трудную проблему, а просто расширило бы ее на некоторые другие явления помимо сознания. И, насколько известно, еще никто не продемонстрировал, что какие-либо обычные объекты естествознания обладают (или могут обладать) такими свойствами.

С другой стороны, идея о том, что сознание имеет некоторые особенности помимо своих структурных и относительных свойств, имеет гораздо меньше сторонников и фактически подвергается резкой критике многими (например, большинством функционалистов, бихевиористов). Однако большинство попыток полностью структурно проанализировать сознание закончились тем, что исключали или просто игнорировали определенные (качественные) аспекты сознания, существование которых многие считают абсолютно очевидным.

Структура сознания

Сторонники неструктурного взгляда на сознание часто предполагали, что неструктурные элементы сознания – это так называемые квалиа – якобы монадические и качественные характеристики сознательного опыта. Парадигматические примеры квалиа – это простые переживания цвета или грубые ощущения: покраснение красного или болезненность боли. Итак, типичная структура, лежащая в основе неструктурного взгляда на сознание, будет выглядеть примерно так: существенные строительные блоки сознания, а именно квалиа, связаны множеством сложных отношений и образуют множество сложных структур. Таким образом, индивидуальное сознание в целом было бы неким структурированным пучком квалиа.

Вопрос о том, что именно означает, что структура сознания может оказаться структурой паттерна нейронной активности, явно непростой.

Предполагаемая конфиденциальность и невыразимость квалиа сделали теории о них уязвимыми для философских аргументов, основанных на широко поддерживаемой точке зрения о том, что природа языка и значения по существу является публичной и интерсубъективной. Однако, похоже, существует довольно поверхностная с философской точки зрения, точка зрения, с которой имеет смысл утверждать, что ментальное содержание может быть частным (но не частным в философски проблематичном абсолютном смысле): а именно, с нейробиологической точки зрения, с которой людей можно рассматривать как биологические когнитивные системы с ограниченными коммуникативными навыками.

Кажется, что нет никакой глубокой философской загадки в идее когнитивной системы, которая имеет определенную информацию о некоторых своих внутренних состояниях, но не способна передавать эту информацию другим.

Согласно Крику и Коху, структура такого опыта красноватого цвета (или значение этого опыта) представляет собой обширную сеть бессознательных ассоциаций всех бесчисленных встреч с красными объектами в личной истории этого человека и личных историй ее предков, воплощенных в жизнь. в ее генах (Crick and Koch., 1998; Koch., 2004: 242–244). Своеобразная фраза «воплощенные в ее генах» просто означает, что не все бессознательные ассоциации формируются в течение жизни человека в результате ее взаимодействия с окружающей средой, но что некоторые из них являются врожденными: так сказать, запрограммированными эволюцией.

Следовательно, совокупность всех явных нейронных репрезентаций имеет детальную и точную корреляцию с содержанием сознания человека. Поскольку все существенные узлы, ответственные за явные нейронные репрезентации, также связаны с модулями планирования мозга, это означает, что функциональная структура всей сети явных нейронных репрезентаций фактически будет функциональной структурой соответствующего сознания. Другими словами, причинные эффекты описанной выше сети предположительно идентичны причинным эффектам нашего сознания (именно поэтому мы можем со-

общить о большинстве аспектов содержания нашего сознания).

Поскольку разные сети бессознательных (или смутно сознательных) ассоциаций будут по-разному влиять на модули планирования, человек может идентифицировать разные сети бессознательных ассоциаций, не имея сознательного доступа к их структурам. Вот почему эти сети могут показаться ей монадическими, а их различия качественными.

Поскольку представленная выше гипотеза содержит идею, согласно которой люди не осведомлены о фундаментальной (структурной) природе своих квалиа, она имеет некоторое внешнее сходство с так называемой эпистемической точкой зрения или гипотезой незнания, выдвинутой Столяром (2006). Во избежание недоразумений следует признать, что основная идея и стратегия Крика и Коха на самом деле сильно отличаются от стратегии Столяра. Короче говоря, основная идея Столяра состоит в том, что мы невежественны с научной точки зрения. о природе сознания, и именно поэтому мы не видим, как сознание может быть сведено к чему-либо физическому. Ясно, что философски значимое незнание в теории Крика и Коха – это не научное незнание, а незнание отдельных людей. Невежество отдельных людей является частью их когнитивной архитектуры, и нет причин, по которым мы не могли бы иметь научные знания об этой архитектуре.

Другой философский взгляд, имеющий более глубокое и более существенное сходство с теорией Крика и Коха, – это так называемые гипотезы интроспективной неточности, выдвинутые Перебумом (2011). Согласно им (Pereboom. 2011:14), существует серьезная открытая возможность того, что интроспективный способ представления искажает качественную природу квалиа (или феноменальных свойств). Следовательно, если Крик и Кох правы, то интроспективная неточность – это на самом деле гораздо больше, чем просто серьезная открытая возможность, это – реальный факт.

Результаты и обсуждение

Полностью структурное объяснение (в том смысле, что оно не содержит никаких несводимых неструктурных элементов) сознания и квалиа вместе со спекулятивной, но правдоподобной теорией того, как такая структура на самом деле (идентична) структуре определенного паттерна нейронной активности. Он отвечает на вопрос, как феноменальное сознание могло «возникнуть» из нейронной активности: если гипотеза верна, тогда феноменальное сознание просто есть определенный сложный паттерн нейронной активности: паттерн паттернов паттернов и т. д. некоторых простых нейронных событий. Он также отвечает на вопрос, почему существует что-то, что «похоже на то, чтобы быть» сознательным: если «квалиа – это просто те свойства, которые характеризуют сознательные состояния в соответствии с тем, каково это иметь их», как (Chalmers. 2003: 135), то нейробиологически понятное структурное объяснение квалиа также является нейробиологически понятным структурным объяснением того, почему есть что-то, что похоже на сознание. Другими словами, вопрос о том, почему есть что-то, что это похоже на Сознание, согласно Чалмерсу, – это вопрос, почему существуют квалиа. И главная причина, по которой нас с научной точки зрения больше озадачивает существование квалиа, чем, например, существование атомов водорода, стульев или нейронных процессов, заключается в том, что в случае последних мы могли бы легко понять, как они поддаются анализу в полной мере в структурных терминах (даже если у нас может не быть под рукой такой анализ), но в случае квалиа мы не можем. Но как только нам удастся проанализировать квалиа в полностью структурных терминах и идентифицировать эти структуры с определенными паттернами нейронной активности, вопрос о том, почему существуют квалиа, можно рассматривать как вопрос, почему существуют эти паттерны нейронной активности. И на этот вопрос, надеюсь, в конечном итоге можно будет ответить совместными усилиями нейробиологии, эволюционной нейробиологии,

И последнее, но не менее важное: приведенное выше структурное описание сознания психологически убедительно и интуитивно проясняет: гораздо легче принять, что конститутивные компоненты квалиа являются бессознательными ассоциациями, чем, скажем, некоторые фундаментальные «протофеноменальные» элементы, о природе которых мы совершенно не осведомлены.

Заключение и выводы

Часто утверждалось, что это в идеале позитивно мыслимо, что существо, физически идентичное какому-то сознательному человеку (например, вам или мне), тем не менее, может не об-

ладать квалиа, другими словами, что это может быть своего рода бессознательный зомби. Точно так же было заявлено, что в идеале положительно возможно, что кто-то, физически и функционально идентичный вам или мне, мог бы иметь инвертированные квалиа. Возможно, не было бы способа узнать, инвертированы ли чьи-то квалиа, поскольку не было бы никаких физических или функциональных признаков этого.

Кажется довольно очевидным, что если квалиа могут быть полностью проанализированы в структурных терминах (как сети бессознательных ассоциаций) и если структуры квалиа реализуются некоторыми паттернами нейронной активности, то любое существо, физически идентичное сознательному человеку, также будет имеют те же квалиа, что и он. А именно, было бы логически непоследовательно считать, что некоторое полностью структурное явление может быть каким-то другим или даже отсутствовать в случае, когда его структура присутствует.

Литература

Chalmers, D. (1995). Facing up to the problem of consciousness. J. Conscious. Stud. 2, 200–219.

Chalmers, D. (1996). The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press.

Chalmers, D. (2003). “Consciousness and its place in nature,” in The Blackwell Guide to Philosophy of Mind, eds S. Stich and F. Warfield (Oxford: Blackwell), 102–142.

Crick, F., and Koch, C. (1998). Consciousness and neuroscience. Cereb. Cortex 8, 97–107. doi: 10.1093/cercor/8.2.97

Dennett, D. (1991). Consciousness Explained. Boston: Little, Brown.

Eddington, A. S. (1928). The Nature of the Physical World. New York: MacMillan.

Edelman, G. M. (2003). Naturalizing consciousness: a theoretical framework. Proc. Natl Acad. Sci. U.S.A. 100, 5520–5524. doi: 10.1073/pnas.0931349100

Hutto, D., and Myin, E. (2013). Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content. Cambridge: The MIT Press.

Koch, C. (2004). The Quest for Consciousness: A Neurobiological Approach. Englewood: Roberts and Co.

Lagerspetz, O. (2002). Experience and consciousness in the shadow of descartes. Philos. Psychol. 15, 5–18. doi: 10.1080/09515080120109388

Lamme, V. A. F. (2010). How neuroscience will change our view on consciousness. Cogn. Neurosci. 1, 204–240. doi: 10.1080/17588921003731586

Pereboom, D. (2011). Consciousness and the Prospects of Physicalism. New York: Oxford University Press.

Pestana, M. (2005). (A Laconic Exposition of) a method by which the internal compositional features of qualitative experience can be made evident to subjective awareness. Philos. Psychol. 18, 767–783. doi: 10.1080/09515080500355251

Seager, W. E. (2006). The “Intrinsic Nature” argument for panpsychism. J. Conscious. Stud. 13, 129–145.

Stoljar, D. (2001). Two conceptions of the physical. Philos. Phenomenol. Res. 62, 253–281. doi: 10.1111/j.1933-1592.2001.tb00056.x

Stoljar, D. (2006). Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/0195306589.001.0001

Strawson, G. (2006). Realistic monism: why physicalism entails panpsychism. J. Conscious. Stud. 13, 3–31.

2-бөлім

МӘДЕНИЕТТАНУ

Section 2

CULTURAL STUDIES

Раздел 2

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

IRSTI 13.11.59 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.06

G.A. Naizabayeva[1*], V.M. Dianova[2], G. Yessim[1]

[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan
[2]Saint Petersburg State University, Russian, Saint Petersburg
*e-mail: gnaizabayeva@mail.ru

CULTURE AS AN IMPORTANT RESOURCE FOR URBAN CHANGE

The paper considers culture as an important resource through which various changes in the urban environment are carried out. The analysis of the cultural realities of European cities covered in the Cultural and Creative Cities Monitor framework (CCCM) shows the presence and attractiveness of cultural institutions and places (cultural diversity) in the urban environment, the feature of culture to create jobs and innovation (creative economy), and conditions conducive to the flourishing of cultural and creative processes (favorable environment).The study results show cultural and creative values are distributed differently in European cities, in this regard, local authorities are able to develop strategies taking into account specific features and conditions of each city. Particularly, it concludes that medium-sized cities cultural fund amount per capita exceeds the amount in large cities. Accordingly, the analysis carried out makes it possible to assess the level of development of urban culture at individual stages and determine its impact on the development of cities and population as a whole.

However, the following questions remain: what cultural heritage, economic variables or institutional factors can explain the marked differences between cities? How can culture influence the economic environment of a city and the well-being of people in different typologies of cities? How do changes in the urban structure contribute to the development of cultural institutions and events? Do urban dwellers have the same opportunities to access culture and develop cognitive and relational skills within and outside the urban environment? The answers to these questions may influence to the research outcomes in the field of culture, urban planning, comparative public policy, etc.

Key words: urban culture, cultural foundations, creative economy, cultural diversity, traditions and values.

Г.А. Найзабаева[1*], В.М. Дианова[2], Ғ. Есім[1]

[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.
[2]Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Ресей, Санкт-Петербург қ.
*e-mail: gnaizabayeva@mail.ru

Мәдениет қала өзгерісінің маңызды ресурсы ретінде

Бұл жұмыстың мақсаты – мәдениетті қалалық қоршауда түрлі өзгерістер жүзеге асырылатын маңызды ресурс ретінде қарастыру. CCCM (The Cultural and Creative Cities Monitor – CCCM) аясында қамтылған Еуропа қалаларының мәдени шындықтарын талдау мысалында, қалалық мекемелерде мәдени мекемелер мен нысандардың (мәдени әртүрлілік) болуы мен тартымдылығы қоршаған орта, мәдениеттің жұмыс орындары мен инновацияларды құру қабілеті (шығармашылық экономика), сондай-ақ мәдени-шығармашылық процестердің (қолайлы орта) өркендеуіне қолайлы жағдайларды талдады. Нәтижелер көрсеткендей, мәдени және шығармашылық құндылықтар Еуропа қалаларында әр түрлі бөлінеді, осыған байланысты жергілікті билік белгілі бір жағдайларды ескере отырып, даму стратегиясын жасай алады. Атап айтқанда, орта қалаларда жан басына шаққандағы мәдени қорлардың мөлшері ірі қалалардан асып түседі деген қорытынды жасалды. Тиісінше, жүргізілген талдау қала мәдениетінің жекелеген кезеңдеріндегі даму деңгейін бағалауға және оның қалалардың дамуына және жалпы халыққа әсерін анықтауға мүмкіндік береді.

Алайда, келесі сұрақтар қалады: қандай мәдени мұра, экономикалық айнымалылар немесе институционалды факторлар қалалар арасындағы айқын айырмашылықтарды түсіндіре алады? Мәдениет қаланың экономикалық ортасына және әр түрлі типологиядағы адамдардың әл-ауқатына қалай әсер етуі мүмкін? Қалалық құрылымдағы өзгерістер мәдени мекемелер мен іс-шаралардың дамуына қалай ықпал етеді? Қала тұрғындарының мәдениетке қол жеткізу және қала ортасында және одан тыс жерлерде танымдық және қарым-қатынас дағдыларын дамыту мүмкіндігі бірдей ме? Тиісінше, осы сұрақтарға жауаптар мәдениет және қала құрылысы саласындағы зерттеулер, салыстырмалы мемлекеттік саясат және т.б.

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

Түйін сөздер: қалалық мәдениет, мәдени негіздер, шығармашылық экономика, мәдени әртүрлілік, дәстүрлер мен құндылықтар.

Г.А. Найзабаева[1*], В.М.Дианова[2], Г. Есим[3]
[1]Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан
[2]Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург
*e-mail: gnaizabayeva@mail.ru

Культура как важный ресурс городских изменений

Цель данной работы – рассмотреть культуру в качестве важного ресурса, посредством которого осуществляются различные изменения в городской среде. На примере анализа культурных реалий европейских городов, которые освещены в рамках CCCM (The Cultural and Creative Cities Monitor – CCCM), было рассмотрено наличие и привлекательность культурных заведений, и объектов (культурное разнообразие) в городской среде, способность культуры создавать рабочие места и инновации (креативная экономика), а также были проанализированы условия, способствующие процветанию культурных и творческих процессов (благоприятная среда). Результаты показывают, что культурные и творческие ценности по-разному распределены по европейским городам, в этой связи, местные власти получают возможность разрабатывать стратегии развития с учетом конкретных условий. В частности, был сделан вывод, что в средних по размеру городах размер культурных фондов на одного жителя превышает таковой в городах крупных. Соответственно, проводимый анализ дает возможность оценить уровень развития городской культуры на отдельно взятых этапах и определить ее влияние на развитие городов и населения в целом.

Вместе с тем, остаются открытыми следующие вопросы: какое культурное наследие, экономические переменные или институциональные факторы могут объяснить заметные различия между городами? Как культура может влиять на экономическую среду города и благосостояние людей в различных типологиях городов? Как изменения в городской структуре способствуют развитию культурных заведений и мероприятий? Имеют ли жители городов одинаковые возможности для доступа к культуре и развития когнитивных навыков и навыков взаимоотношений внутри и за пределами городской среды? Соответственно, ответы на указанные вопросы могут оказать влияние на решение вопросов в области исследований культуры и городского планирования, сравнительной государственной политики и пр.

Ключевые слова: городская культура, культурные фонды, креативная экономика, культурное разнообразие, традиции и ценности.

Introduction

The significant increase of interests to culture as an important resource for urban change has been mentioned over the past two decades. A growing number of scientific publications were devoted to this issue as well as the interest from international organizations such as the United Nations, Organisation for Economic Cooperation and Development and European Commission. The culture is argued to be an integral part of local identity, quality of life, and a competitive sector with broader implications and impact on tourism, creativity, innovation, urban growth, urban recovery, and well-being (Backman & Nilsson, 2016). Thus, culture has become a decisive political response to the needs for innovation and social cohesion at different spatial levels of political intervention. However, the practical implementation of culture-based development strategies remains a certain challenge. This is because culture has got multidimensional nature and it covers various areas of the economy, society, and people's lives. Any cultural action requires an integrated policy approach supported by a broad analytical framework. This framework is expected to assist in measuring the diverse sets of cultural resources that may be mobilized for the development and their diverse impacts on economies and societies. Culture drives sustainable development, Throughout the past decade, statistics, indicators and data on the cultural sector, as well as operational activities have underscored that culture can be a powerful driver for development, with community-wide social, economic and environmental impacts. Of particular relevance is the cultural sector's contribution to the economy and poverty alleviation. Cultural heritage, cultural and creative industries, sustainable cultural tourism, and cultural infrastructure can serve as strategic tools for revenue generation, particularly in developing countries given their often-rich cultural heritage and substantial labour force (electronic resource).

The urban environment is indeed very diverse in every sense. Since culture unambiguously determines the city development level, the following

questions remain: Which urban contexts are more influenced by culture? Which of them recognizes culture as the engine of the creative economy? What conditions may help in realizing the "city-culture" relation in the best way? The absence of an appropriate measurement system is likely to add culture value for cities and communities which remains largely elusive, and budgets for culture are also gradually being reduced (Prior & Blessi, 2012).

The philosopher, scientist, and the largest representative of Eastern Peripatetics, al-Farabi must be mentioned here, and his work "Treatise on the views of the inhabitants of a virtuous city". According to Farabi, "A virtuous city is like a perfect, healthy body, all organs of which help each other in order to preserve the life of a living being and make it the most complete. A virtuous city is the opposite of an ignorant city, an immoral city, a city of exchange, and a lost city. Likewise, individuals are opposite to him – representatives of these cities" (Grigoryan 1960: 265-280). In this way the lack of proper monitoring tools in this area is mainly based on two arguments. On the one hand, the difficulty of defining and differentiating culture taking into account the complexity of the cultural processes of production, consumption, and the heterogeneity of the players involved. On the other hand, the lack of suitable and comparable data. However, culture may still be viewed as a multifaceted urban phenomenon based on the use of available data which comes from both official statistics and experimental network sources.

This paper aims to consider culture as an important resource through which various changes in the urban environment are carried out.

Research methodology

This paper provides a brief literature overview on the multifaceted relationship between culture and urban development. The comparative research method was applied to compare different examples of culture and urban development.

Results

Culture is a phenomenon that mostly "happens" in urban areas. Since the Renaissance period, the best art works and most important intelligentsia communities have been closely associated with cities throughout the centuries. Therefore, not surprisingly, today the cultural heritage of most nations, especially in Europe, is concentrated in the urban environment.

Cities are indeed places where close human relationships are built, and culture is a phenomenon that tends to picture local features. Each city has its own culture reflecting both: partly its past heritage and projection in the world. (Astashova, 2020).

With the rapid increase of urban populations, managing urban sustainability has become one of the most important development challenges of the 21st century. As cities plan for a sustainable future, human resource development (HRD) professionals have the potential to facilitate collaboration across multiple organizations and at various scales (neighborhood, ward, city, metropolitan area) and to foster culture change that embraces ecological protection, economic development, and social equity. Although the role of HRD in crises management as a result of major environmental disasters is discussed in the literature, the field of HRD is in its infancy in examining its role and approaches in greening the society and addressing urban environmental challenges proactively. This conceptual article examines sustainability and urban sustainability and their linkage with HRD, discusses the emergent roles of HRD in crisis management, presents opportunities and challenges for Green HRD as a proactive process, and concludes with a call for the moral imperative for HRD in urban sustainability in implementing long-term change processes with a social justice and equity agenda. This part of the article informs local government agencies, nonprofit and for-profit organizations, community groups, and their HRD leaders involved in urban sustainability planning and implementation on approaches to building new adaptive capacity and fostering culture change through collaborative learning and leadership interventions (Benton-Short & Cseh, 2015).

In the context of increasing globalization, such a "root" character of culture has become even more relevant than in the past. Culture is an authentic form that contributes to the definition of a city as a unique environment with its own features. Thus, culture can help urban dwellers develop a sense of sedentary way of life, and help them achieve socially significant goals (Sleuwaegen & Boiardi, 2014). While the growth of urban centres has given millions of people access to what we call ''progress'', social, demographic, economic, and political problems result when cities ''become too big to be socially manageable and when such large cities distort the development of the surrounding countryside or even the whole society itself by drawing to themselves resources that are needed for more balanced growth nationwide''. As argued by Ernest Callenbach, this situation can be attributed to the rules of market-

driven society: on waste – goods are cheap and disposable; oncosts – trust the market, everything has its monetary price; on population – go forth and multiply; on energy – always do the cheapest thing, no matter what the consequences; on happiness – focus on accumulating material possessions; on relationships with other species – only humans matter; and on the future – let the future worry about the future. Such rules guiding people's behaviour have led to a number of systemic problems (Nadarajah & Yamamoto, 2007).

During the post-industrial transition, culture is increasingly seen as a full-fledged economic sector influencing employment and wealth creation as well as innovation and urban competitiveness. The 'cultural value chain' actually intersects with many other urban functions: creative knowledge typical to art and culture; thus, drawing a significant impact on other information-intensive sectors of the economy like cultural tourism and consumer preferences in the field of various goods and services.

The idea that culture can have a significant impact on the aforementioned fields does not avoid the influence to other possible fields. Therefore, the questions of how it happens and what circumstances result it require attention. For instance, the United Nations has determined government support, private sector participation, collaboration with civil society, arts and culture education and training, media and communication capabilities enabling cities to use the most of cultural resources. Likewise, the World Economic Forum in 2016 identified five key drivers of the creative economy, namely proximity to academic, research and cultural centers, technological capabilities as well as successful entrepreneurs, effective laws and regulations, and attractive amenities (Charron, Dijkstra & Lapuente, 2014).

Scholars are actively debating how these factors might actually influence cultural and creative processes. For example, the presence of universities can be a crucial element for the generation of knowledge, attracting highly qualified specialists, stimulating innovation, and territorial development. In particular, leading-edge universities may help boost productivity and entrepreneurship.

The general "atmosphere of the place" is another crucial factor for generating ideas: art and creativity are argued to be more likely to thrive in societies which are open to different views and visions, where there is a high level of trust.

However, despite many points of views, the formulation of an effective urban policy agenda based on culture in European cities requires more comparable knowledge about cultural capital, creative economy, and enabling factors that can be mobilized in the cultural environment (Amin & Thrift, 2007).

The comparative structure of cultural factors may function as a pillar useful for political and economic assessment of the city potential. Firstly, it may provide an opportunity to better understand the strategic alternatives and elements that have possibly influenced the urban experience. Secondly, the comparison results may serve as recommendations for a certain city by explaining what improvements that city needs compared to other similar cities or cities with "best practice". Finally, based on comparison results, city development policies are easily formulated in key areas such as creative workforce, cultural amenities, transport infrastructure, or governance.

Despite the fact that the existing statistical tools are certainly relevant as a starting point for analyzing the cultural realities of modern cities, they are not effective enough when it comes to understanding and reflecting the multidimensional nature of culture (Gun, 2012a). Since the mid-1970s, culture-related indicators have been the subject of in-depth research and much effort has been made to internationally harmonize cultural statistics. Interestingly, culture is also gradually being incorporated into broader measurement systems focused on innovation, territorial competitiveness, or sustainability. However, the urban dimension of culture remains largely "unexplored territory," not to mention the multi-country context.

Discussion

The role of culture in creating vibrant and creative cities is undeniable. Although lively discussions on this topic exist, the concept of "creative city" remains highly controversial. In fact, it is originated from many different sources, ranging from a socially entrenched model of creativity to a production approach and a related concept of the creative class in which culture actually plays only a minor and instrumental role in attracting talent. This conceptual complexity has resulted in the increase of many diverse (and, sometimes, conflicting) uses and effects in urban settings, and it also complicated the practical application of the term and related metrics. In addition, it is not easy to construct an appropriate urban sample based on the repertoire of comparable works analyzed above, since the determination of unambiguous selection criteria is not common practice (Gun, 2012b).

It is also worth noting the following facts, such as, the Power of Culture in City Planning focuses

on human diversity, strengths, needs, and ways of living together in geographic communities. The book turns attention to the anthropological definition of culture, encouraging planners in both urban and cultural planning to focus on characteristics of humanity in all their variety. It calls for a paradigm shift, re-positioning city planners' "base maps" to start with a richer understanding of human cultures. Borrup argues for cultural master plans in parallel to transportation, housing, parks, and other specialized plans, while also changing the approach of city comprehensive planning to put people or "users" first rather than land "uses" as does the dominant practice (Borrup, 2020).

However, the willingness of cities to participate at different levels and different forms with their cultural resources and creative endeavors must be included in the process of considering the characteristics of creative cities in order to maintain social and economic health.

The willingness of creative cities to participate in a given process may be assessed in accordance with various criteria such as the presence of cultural values and events that have received international recognition (UNESCO World Heritage Sites, major international art fairs and Olympic Games). Nonetheless, such indicators are not always reliable due to their potentially "overlapping" geographic coverage (e.g., UNESCO sites may transcend city boundaries), and possibly restrictive (e.g., contemporary art), or dispersive (e.g., sports) thematic coverage.

We can agree that the most optimal criterion in this regard might be recognized as the presence of three comparable types of initiatives (European Capital of Culture – ECoC, UNESCO Creative City and international festivals). This criterion might be the most convincing indicator of cultural interaction (Scott, 1997).

Culture is essentially an urban phenomenon. However, research on culture and creativity is mainly concentrated in capitals and large metropolitan areas (Astashova, 2020). More recently, the interest of cultural researchers has shifted to the study of the cultural realities of small urban areas. While large cities tend to have a wider range of cultural resources, smaller cities also have high intellectual potential. Thus, small cities can have important advantages over larger ones which may include, among other things, a high quality of life, educational resources, and cultural values. Accordingly, high levels of "cultural brightness" as measured by the CCCM can be found in various typologies of cities which include but are not limited to European capitals and metropolitan areas.

Studies shows that in fifteen of the twenty-four European countries researched (63%) mostly medium-sized cities outperform capitals in terms of cultural vibrancy. For instance, very high indicators of Florence in this context are mainly due to the presence of a large number of museums, while Ghent, the creative city of UNESCO music, is in the leading position because of the large number of concert halls.

One of the options for determining the cultural development level of cities is the methodology for expressing the majority of indicators per capita. This approach is primarily intended to ensure comparability between cities, but its use suggests that the rate of cultural infrastructure per capita in small cities is higher than in large ones.

At the same time, it also confirms the multicentric structure of Europe, especially strengthened by countries with decentralized systems of government. Some European countries are indeed highly polarized around the capital (e.g., Denmark, France, and Portugal), while others are quite multipolar (e.g., Belgium, Germany, Italy, and Spain), a tendency that is very strongly reflected in these results.

Researchers also highlight a strong empirical correlation between higher levels of density and concentration of creative industries. Creative industries tend to concentrate in space in order to take advantage of the agglomeration economy. The scholars note the location of a creative company next to competitors, among other advantages, increases its opportunities for trading and hiring highly qualified personnel. They also emphasized the population and level of economic development as well as the density of economic agents in the territory which determine the importance of the benefits that creative companies may obtain from their co-location, for example, intersectoral interaction, better access to utilities (cultural, institutional, and political), and foster knowledge sharing and innovation.

However, according to recent studies, we should also note that in comparison with small towns in the capital, nineteen out of twenty-four countries (almost 80%) receive the highest score in the Creative Economy in nineteen out of twenty-four countries (almost 80%) – with the exception of Austria, Germany, Italy, the Netherlands, and Sweden. Cultural, historical, economic and methodological factors usually facilitate these processes. In Italy, for instance, the advantages of agglomeration have historically been found in Milan, which together with Rome (lagging only a few points) is a major center of the cultural and creative economy.

A closer look at the indicators underlying the creative economy area may better explain the results for Austria, the Netherlands, and Sweden.

While capital cities have a more balanced ranking across the board, winning cities stand out better on one metric which increases the overall score. In Sweden, for example, Umea earns the highest score (100) for the annual number of jobs created, largely due to the city's incredibly rapid growth over the past few decades. In the Netherlands, Eindhoven has the highest innovation score (100) compared to the capital Amsterdam, most likely due to its renowned and prolific high-tech and design-oriented environment.

In Austria, Linz ranks first due to a very high share of cultural and creative jobs per capita, but Vienna as a capital city registers the best job creation opportunities in the creative economy (Charron, Dijkstra, & Lapuente, 2014).

When it comes to openness and trust, the results can again be mixed. Thus, in big cities, there may indeed be a higher level of diversity and tolerance which is explained by the broader opportunities for personal contact. However, a higher level of general trust can be found in smaller cities due to a stronger sense of community. Previous studies, for example, have shown that the level of trust at the local level is inversely proportional to population density. Other studies have attempted to quantify the differences between urban and rural areas, and scholars have found that social capital within the local community is higher in rural areas.

The development of urban culture is also influenced by the relationship between the quality of governance and demographic variables such as the population size. On the one hand, the argument that smaller populations are more manageable goes back to Ancient Greece. The fact that the smaller Scandinavian countries are particularly renowned for good governance seems to fit well with this argument. However, researchers prove there is no conclusive evidence in the literature on this matter: for example, while some authors argue that better management practices are used in large US states (Scott, 1997), others do not find a relationship between size and corruption in a large sample of countries (Blessi, Grossi, Sacco, Pieretti, & Ferilli, 1997).

Finally, the transportation issues arise in capitals and major cities. These places are likely to have better air connections due to national policies and infrastructure investments centered around more densely populated areas.

However, a more polycentric pattern can be found in decentralized countries. The templates can also depend on the vehicle types. For example, second-tier cities in Western Europe are usually well connected by roads and the railway, while connection between second-tier cities in Eastern Europe is well developed mainly by roads, and partly the railway.

In addition, in fourteen out of twenty-four countries (58%), non-capital cities outperform capital cities in "Favorable Environment". An analysis of the underlying indicators reveals different patterns of specialization. For instance, Milan is particularly good in terms of the number of high-quality universities (97,9/100), while Leuven outperforms in ICT Graduates (100), and also demonstrates exceptionally high indicators in terms of "Potential Accessibility of Roads" (94,5), and "Direct trains to other cities" per capita (90,7) (Scott, 1997).

Regarding "Cultural vibrancy", many cities tend to exceed the capital in multipolar countries such as Italy, Belgium, Germany, and the Netherlands. In Poland and Romania, the large number of cities surpassing the capital in this aspect are mainly explained by the good performance of different cities in the larger number of graduates in ICT, or Arts and Humanities.

In contrast, Spanish cities, despite the typical decentralized environment, which is well reflected in the results of the cultural vibration, only Barcelona performs better than others followed by Madrid. This result is mainly attributed to Barcelona's excellent performance in the University Rankings Average (100) also followed by a very good score in People's Trust (59,4), which in fact contradicts research that claims that in big cities the level of trust is lower than in small ones (Scott, 12).

Although the methodological problems always inherent in describing a complex concept such as culture, the data collected show that different sets of cultural resources and enabling factors can be mobilized for targeted investment efforts using different typologies of cities. While capitals and metropolitan areas dominate in performing the creative economy, the literature does provide examples of how policy measures can circumvent geographic determinism. In particular, under certain conditions, government policy may allow new economic centers to develop outside the capitals by embedding them in "network" relations (Scott, 12). As suggested by researchers, the structural context of small towns can be reshaped and transformed by creating urban networks dedicated to specific areas of activity (such as tourism, food, culture or education) and identifying new opportunities associated with specific niches of the global market.

Conclusion

A number of examples show that culture is a powerful resource for urban development. If earlier culture was viewed as a purely costly field, now it is a resource for the territory development. What does this resource consist of? On the one hand, it is cultural heritage. On the other hand, it is a modern and relevant culture. In this sense, we may assume culture is our spine, it gives us confidence and stability, and not "a shield with which we close ourselves from reality". Since we firmly feel our identity as a person living in a given territory, we will psychologically accept the changes much easier (Landry 2000).). The question lays what a cultural resource is (being noted as the main concept in the ideology of the city revival through culture). The resources of a given place are what distinguishes this place from others, what makes this place unique, unrepeatable, and distinctive. Having a basic infrastructure, residential buildings in the city, roads, water pipes and other demonstrate that we enter the market where we compete with other territories. Then, general infrastructure is almost the same everywhere, so the subject of competition becomes cultural differences (Landry 2000).

The Deputy Director-General of UNESCO for Culture Francesco Bandarin claims the urbanization process is rapidly gaining momentum around the world. According to forecasts, 41 megacities with a population of more than 10 million people will appear by 2030. Increased migration leads to an increase in cultural diversity in cities and towns, therefore it should be used as a sustainable source of creativity, innovation and inclusive development. As centers for cultural exchange and architectural heritage, cities are transforming public spaces into venues for debate, creative expression, and social interaction. "Cities of the future must be human-centered, resilient, provide an urbanized and natural environment comfortable for life, build links between urban and rural areas, and develop public spaces. This requires the development of innovative and integrated policies that place culture at the heart of urban planning and renewal to ensure sustainable development and improve citizens' quality of life". (UNESCO 2016). Culture is a complex, multidimensional concept with important social, symbolic, and economic implications. Culture can refer to the traditions, beliefs and behavior of individuals, or to economic activities based on artistic creation, creative skills, and symbolic values. Culture is the key to achieving inclusive development, strengthening social ties and collaboration, and fostering creativity and innovation. While all of these elements are noteworthy, the CCCM focuses on the totality of the cultural provision and cultural participation of individuals, on the variables of the creative economy, and on the set of incentives – aspects that are rarely measured within a single system and in a multi-country context – in an effort to improve the measurement and understanding of the performance of cultural and creative cities across Europe. With regard to the "enabling environment", more specific data on policies and foundations for culture, as well as on the "creative way" of urban governance, will provide a better understanding of the ability of local governments to develop cultural life and creative environments.

A diverse set of cultural resources and enabling factors can thus be mobilized in terms of cultural development not only by larger cities, but also by smaller cities throughout Europe.

References

Amin, A., & Thrift, N. (2007). Cultural-economy and cities // Progress in Human Geography, 31(2), 143-161.

Асташова Н.Д. «Культура кризиса» и современный город. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – №453.

Backman, M., & Nilsson, P. (2016). The role of cultural heritage in attracting skilled individuals // Journal of Cultural Economics,1-28.

Benton-Short, L., & Cseh, M. (2015). Changing Cities, Changing Culture: The Challenges and Opportunities for HRD in Urban Sustainability. *Advances in Developing Human Resources*, *17*(4), 460-472.

Blessi, G., Grossi, E., Sacco P., Pieretti G., & Ferilli, G. (2016). The contribution of cultural participation to urban well-being. A comparative study in Bolzano/Bozen and Siracusa, Italy Cities, 50, 216-226.

Borrup, T. (2020). *The Power of Culture in City Planning*. Routledge. https://www.routledge.com/The-Power-of-Culture-in-City-Planning/Borrup/p/book/9780367223762

Charron, N., Dijkstra, L., & Lapuente, V. (2014). Regional governance matters: Quality of government within European Union member states. Regional Studies, 48(1), 68-90.

Григорян, С. История философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. – М.: Издательство АН СССР, 1960.

Гун Г.Е. Урбанистика и художественная культура города // Вестник ЧГАКИ. – 2012. – №1 (29).

Гун Г.Е. Динамика городов и городской культуры // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №12.

Лэндри Ч. Развитие городов через культуру (лекция)// Иваново, – 2000. https://www.cultura.kh.ua/ru/materiali/2853-charlz-lendri-charles-landry-rozvitok-mist-cherez-kulturu-lektsija

Nadarajah, M., & Yamamoto, A. T. (2007). *Urban crisis: Culture and the sustainability of cities*. United Nations University, part 1, 4.

Prior, J., & Blessi, G. (2012). Social capital, local communities and culture-led urban regeneration processes: The Sydney Olympic Park experience. Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal, 4(3), 78-96.

Scott, A. (1997). The cultural economy of cities. International Journal of Urban and Regional Research, 21(2), 323-339.

Sleuwaegen, L., & Boiardi, P. (2014). Creativity and regional innovation: Evidence from EU regions. Research Policy, 43(9), 1508-1522.

UNESCO. (2012). Culture: A driver and an enabler of sustainable development. *Thematic Think Piece. UN System Task Team on the Post-2015 UN Development Agenda*. https://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/2_culture.pdf

ЮНЕСКО. Культура лежит в основе благоустройства и обновления городов. – 2016.

https://ru.unesco.org/news/kultura-lezhit-v-osnove-blagoustroystva-i-obnovleniya-gorodov

References

Amin, A., & Thrift, N. (2007). Cultural-economy and cities. Progress in Human Geography, 31(2), 143-161.

Astashova N. (2020). “Kul’tura krizisa” i sovremennyj gorod. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 453 s. [Astashova N. (2020). “Culture of Crisis” and the Modern City. Tomsk State University Journal. – 453 p.] (in Russian)

Backman, M., & Nilsson, P. (2016). The role of cultural heritage in attracting skilled individuals. Journal of Cultural Economics,1-28.

Benton-Short, L., & Cseh, M. (2015). Changing Cities, Changing Culture: The Challenges and Opportunities for HRD in Urban Sustainability. *Advances in Developing Human Resources*, *17*(4), 460-472.

Blessi, G., Grossi, E., Sacco P., Pieretti G., & Ferilli, G. (2016). The contribution of cultural participation to urban well-being. A comparative study in Bolzano/Bozen and Siracusa, Italy Cities, 50, 216-226.

Borrup, T. (2020). *The Power of Culture in City Planning*. Routledge. https://www.routledge.com/The-Power-of-Culture-in-City-Planning/Borrup/p/book/9780367223762

Charron, N., Dijkstra, L., & Lapuente, V. (2014). Regional governance matters: Quality of government within European Union member states. Regional Studies, 48(1), 68-90.

Grigoryan S. (1960). Istoriya filosofii Srednej Azii i Irana VII–XII vv. – M: Izdatel’stvo Akademii nauk SSR. [Grigoryan S. (1960). History of Philosophy of Central Asia and Iran VII-XII centuries. – M: Publishing house of the Academy of Sciences of the SSR.] (in Russian)

Gun G. (2012a). Urbanistika i hudozhestvennaja kul’tura goroda. Vestnik kul’tury i iskusstv. №1(29). [Gun G. (2012a). Urban studies and artistic culture of the city. Culture and Arts Herald, 1(29).] (in Russian)

Gun G. (2012b). Dinamika gorodov i gorodskoj kul’tury. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. №12. [Gun G. (2012b). Dynamics of cities and urban culture. Theory and practice of social development, 12.] (in Russian)

Landry, C. (2000). Urban Development Through Culture (Lecture). Retrieved from https://www.cultura.kh.ua/ru/materiali/2853-charlz-lendri-charles-landry-rozvitok-mist-cherez-kulturu-lektsija

Nadarajah, M., & Yamamoto, A. T. (2007). *Urban crisis: Culture and the sustainability of cities*. United Nations University, part 1, 4.

Prior, J., & Blessi, G. (2012). Social capital, local communities and culture-led urban regeneration processes: The Sydney Olympic Park experience. Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal, 4(3), 78-96.

Scott, A. (1997). The cultural economy of cities. International Journal of Urban and Regional Research, 21(2), 323-339.

Sleuwaegen, L., & Boiardi, P. (2014). Creativity and regional innovation: Evidence from EU regions. Research Policy, 43(9), 1508-1522.

UNESCO. (2012). Culture: A driver and an enabler of sustainable development. *Thematic Think Piece. UN System Task Team on the Post-2015 UN Development Agenda*. https://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/2_culture.pdf

YUNESKO (2016). Kul`tura lezhit v osnove blagoustrojstva i obnovleniya gorodov [UNESCO (2016). Culture is at the heart of urban beautification and renewal]. https://ru.unesco.org/news/kultura-lezhit-v-osnove-blagoustroystva-i-obnovleniya-gorodov (in Russian)

МРНТИ 18.45.45 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.07

Н.Н. Елик*, Н.М. Бауыржан

Казахская Национальная Академия Искусств им. Т.К. Жургенова, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: yeliknursultan@gmail.com

ТЕАТР В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются определения и методы цифрового присутствия и делается сравнительный анализ их с исследованиями присутствия на сцене. В основной части рассматривается: начало развития цифрового присутствия; степень развития технологий; тема эффекта присутствия в виртуальной реальности и в живом театре, сравнение с вымышленными, ауратическими и буквальными способами погружения в спектакле; раскрытие начала применений технологий VR-методов, используемых в виртуальной реальности и на сцене для достижения метода присутствия в воссоздании истоков театра за счёт виртуальной реальности.

Раскрываются особенности реагирования людей во время использования очков виртуальной реальности, когда человеческий мозг адаптируется и верит, что изображения и окружающая среда реальны. О реакциях виртуальной реальности: как бы люди ни пытались убедить себя, что это иллюзия, человеческий мозг доверяет своим глазам. Театрализованное представление всегда переносило зрителей в новую созданную реальность. В сочетании с виртуальной реальностью он позволяет зрителю полностью погрузиться в настоящее театральное впечатление. О виртуальной реальности, которая охватывает отношения, сложившиеся между человеческим опытом и новыми технологиями. Это иммерсивный медиа, который концептуализирует идеи, которые поднимают и обогащают нас. Мы радуемся моменту, когда наше любопытство становится реальностью.

Ключевые фразы: виртуальный театр, виртуальная сцена, театр будущего, цифровой театр, иммерсивный театр, виртуальная реальность.

N.N. Elik*, Bauyrzhan N.M.

Kazakh National Academy of Art named after T.K. Zhurgenov, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: yeliknursultan@gmail.com

Theater in virtual reality

The article examines the definitions and methods of digital presence and makes a comparative analysis of them with studies of presence on stage. The main part examines: the beginning of the development of a digital presence; the degree of technology development; the theme of the effect of presence in virtual reality and in live theater, comparison with fictional, auratic and literal methods of immersion in the play; disclosure of the beginning of the application of VR technologies, methods used in virtual reality and on stage to achieve the method of presence in recreating the origins of theater through virtual reality.

The peculiarities of the reactions of people during the use of virtual reality glasses, when the human brain adapts and believes that the images and the environment are real, are revealed. On the reactions of virtual reality: no matter how people try to convince themselves that this is an illusion, the human brain trusts its eyes. Theatrical performance has always transported the audience to a new created reality. Combined with virtual reality, it allows the viewer to fully immerse themselves in a real theatrical experience. About virtual reality, which encompasses the relationship between human experience and new technologies. It is an immersive media that conceptualizes ideas that lift and enrich us. We rejoice at the moment when our curiosity becomes reality.

Key words: virtual theater, virtual stage, theater of the future, digital theater, immersive theater, a virtual reality.

Н.Н. Елік*, Н.М. Бауыржан

Т.Қ. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: yeliknursultan@gmail.com

Театр виртуалдық шындықта

Бұл мақалада цифрлық технологияларды қолданудың анықтамалары мен әдістері зерттеліп, олардың сахнадағы қолданылуы туралы зерттеулермен салыстырылады. Негізгі бөлімде қарастырылатыны: сандық технологиялардың бастапқы даму тарихы; технологияның даму

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

дәрежесі; виртуалды шындықта және тірі театр ортасына ену әсері туралы тақырыбы, спектакльге енгізудің ойдан шығарылған, ауратикалық және тура тәсілдерімен салыстыру жүргізіледі. Сондай-ақ виртуалды шындық арқылы театрдың бастауына қол жеткізу үшін виртуалды шындықта және сахнада қолданылатын VR технологияларының әдістері толық ашылады.

Адамның миы бейімделіп, бейнелер мен қоршаған орта шынайы деп санайтын кезде виртуалды шындық құрылғысын пайдалану кезінде адамдардың реакциясының ерекшеліктері ашылады. Виртуалды шындықтың реакциялары туралы: адамдар өздерін бұл иллюзия деп қалай сендіруге тырыспасын, адамның миы оның көзіне сенеді. Театрландырылған қойылым әрдайым көрермендерді жаңа құрылған шындыққа жеткізді. Виртуалды шындықпен ұштастыра отырып, ол көрерменге өздерін нақты театр тәжірибесіне толық батыруға мүмкіндік береді. Адамдардың тәжірибесі мен жаңа технологиялар арасындағы байланысты қамтитын виртуалды шындық бар. Бұл бізді көтеретін және байытатын идеяларды тұжырымдамалайтын иммерсивті БАҚ. Біздің қызығушылығымыз шындыққа айналған сәтте біз қуанамыз.

Түйін сөздер: виртуалды театр, виртуалды сахна, болашақ театры, сандық театр, иммерсивті театр, виртуалды шындық.

Введение

В области театральной деятельности и, в более общем смысле, интерактивного искусства в различных исследованиях использовались технологии виртуальной реальности (Hachet & Guitton (2003). Using virtual reality for «new clowns»), (M. Cavazza, J.L. Lugrin, S. Crooks, A. Nandi, M. Palmer, M.L. Renard "Causality and Virtual Reality Art"), (Ani. Animacao: Marionettes Virtuelles Mario.net/IRIT), (Callesen (2004) "Virtual puppets in the play"). Разнообразие этой работы начинается с использования виртуальных наборов для реальных актёров и доходит до полного погружения аудитории в виртуальный мир, в котором они выступают в роли актёров (Shyba (2003) Theaterical Exploration in Virtual Reality: Mark Reaney's The Adding Machine and Brenda Laurel's Placeholder). Поддержание иллюзии, эмоционального контекста и наличия виртуальных элементов – задача современных художников (M. Reaney. «Art in Real Time: Theater and Virtual Reality»). Это понятие присутствия (M. Sanchez and M. Slater. «From presence to consciousness through virtual reality») становится ещё более сложным, когда виртуальный пейзаж заполняется виртуальными актёрами. Созвучие между реальным актёром и виртуальным актёром – это связующая тема виртуального театра с парадигмой «активного искусственного интеллекта». Остальная часть этой статьи выступает в пользу такого позиционирования.

Последние технологические разработки оказывают фундаментальное влияние на сферу художественного дизайна. Такие технологии, как голография, налобные дисплеи, полнокупольная иммерсивная видеопроекция, кинестетическая коммуникация (тактильная технология), прозрачные мониторы, трёхмерный (3D) звук и электронные датчики, облегчают разработку сложных и интерактивных сред с использованием дополненной и виртуальной реальности. Эти среды позволяют людям более полно взаимодействовать с художественной средой, устанавливать контакт с художником и даже участвовать в создании искусства. Более того, современные цифровые технологии играют ключевую роль во многих театральных постановках, обеспечивая иммерсивную и кинетическую сценографию театра.

Дополненная реальность (AR) отличается от виртуальной реальности (VR) тем, что AR «дополняет, а не вытесняет реальный мир» (Azuma, R.T.; Bishop, G. Improving Static and Dynamic Registration in Optical Transparent). Другими словами, VR заменяет реальный мир симулированным опытом, тогда как AR позволяет пережить виртуальный мир, одновременно переживая реальный (Mann, C.; Furness, T.; Yewan, I.; Iorio, J.; Wang Z. All reality: virtual, augmented, mixed (X), mediated (X, Y) and multimedia reality). AR включает в себя интерактивный опыт реальной среды, в которой объекты, которые находятся в ней, с помощью компьютерной информации дополняются таким образом, чтобы улучшить взаимодействие. В театре главная цель – не абсолютная виртуализация, которая может снизить художественную и историческую ценность окружающей среды, а скорее улучшение впечатлений за счёт увеличения реальной среды. Следовательно, цель этого дополнения – погружение участника, что является конечной целью эффективного дополненного опыта. Иммерсивные инсталляции удовлетворяют желание человека вырваться за пределы реальности и ощутить опыт как

искусство (Mitchell, B. Immersive Art Experience and the Use of Space).

В последние годы наблюдается значительный рост применений иммерсивных технологий в разных областях и сред, таких как онлайн-образование, основанное на современных тенденциях в мировом образовании и эволюционных технологических процессах в цифровом мире (Нуржанат Шакирова, Аль Сайд Нидаль, Светлана Конюшенко. Использование виртуальной реальности в геообразовании, 2020). В литературе термин «иммерсивный» обычно используется для обозначения ощущения зрителя виртуального включения в среду, которая является либо симуляцией реального мира, либо полностью искусственной. Авангардные технологии и новаторские практики теперь обычно сочетаются с более традиционными театральными элементами, включая не только изображение, но и звук. Принято считать, что слух составляет неотъемлемую часть постановочного театрального представления и предлагает дополнительные детали и интуитивный смысл иммерсивному театру. В театре слух можно рассматривать как естественные звуки пространства, звуковые эффекты, записанную музыку, живую музыку, голоса исполнителей, голоса аудитории и так далее.

В частности, иммерсивный театр нацелен на улучшение восприятия «традиционных» сцен, в которых пользователи испытывают интеграцию виртуальных элементов в реальный мир, чтобы сделать системы более динамичными и интерактивными. Один из самых эффективных инструментов погружения в искусство – звук (Patrick, F. Sound for Stage; Entertainment Technology). Звуковой дизайн и впечатления обычно называют слухом. Ауральность включает в себя синтез, направленность, пространственность и восприятие звука в виртуальном мире (Kendrick, L. Theatrical Aurality).

Развитие технологий VR и AR предоставило новые мощные инструменты и изменило взаимодействие между актёрами и аудиторией в театре. Таким образом, на традиционное искусство могут повлиять технологии VR и/или AR, и они могут воспользоваться преимуществами новаторского иммерсивного опыта, чтобы разрушить границы между наблюдателями и наблюдаемыми объектами.

С появлением Oculus Rift, HTC Vive и других технологий виртуальной реальности (VR) на головных дисплеях дискурс о присутствии в цифровой среде развивается довольно быстро. Как попытки определить и понять это явление соотносятся с существующими исследованиями присутствия на сцене? Интерес к присутствию на сцене и в виртуальной реальности проистекает из стремления к непосредственности – быть здесь и сейчас. И то, и другое также включает приостановку недоверия – умышленное отрицание искусственных условностей представления или создания виртуальной реальности – со стороны зрителя или пользователя. Сравнивая два понятия присутствия, в этой статье мы надеемся лучше понять их сходства и различия по мере того, как технология VR постепенно выходит на сцену. Изучение присутствия в цифровой сфере также предоставит понимание сценического (аналогового) присутствия с новой точки зрения.

В качестве ориентира присутствие на сцене будет следовать определениям, изложенным в книге Пауэра Кормак “Присутствие в игре» (Power, Cormac. Presence in play, 2008). В своей книге Пауэр выделяет «три способа присутствия на сцене – вымышленный, ауратический и буквальный. Вымышленное присутствие относится к степени, в которой зритель чувствует себя присутствующим по отношению к вымышленной обстановке или персонажам пьесы (например, Гамлету). Ауратическое присутствие относится к степени, в которой зритель ощущает повышенное присутствие в актёре. Это относится к типу работы, которую выполняют театральные деятели, такие как Ежи Гротовский и Эудженио Барба, которая стремится усилить присутствие актёра или ауру в глазах зрителя. А буквальное присутствие – это признание зрителем театральных рамок». Этот последний режим часто является центральным в исследованиях представления, где зрителя можно описать как свидетеля живого выступления. Осведомлённость аудитории как об исполнителя, так и о самих себе повышается не за счёт рассказа о пьесе или техник, над которыми работает исполнитель, а вместо этого за счёт определённого контекста, который создаётся исполнителем. Это хорошо видно при рассмотрении длительных выступлений таких артистов, как Марина Абрамович или Крис Бёрден, когда зрители осознают постепенное преобразование как их собственного тела, так и тела исполнителя. Во многих случаях все три режима могут быть задействованы одновременно. Однако особый интерес в этой статье представляют методы и стратегии, которые используют художники или техники для воздействия на зрителя или пользователя и усиления их чувства присутствия.

Обоснование выбора темы. Цели и задачи

Можно ли интегрировать виртуальную реальность в живую театральную постановку? Почему нет? Уже созданы успешные театральные репродукции с использованием компьютерной графики в качестве сценических элементов. Мы видели недавние постановки, в которых виртуальная реальность занимала центральное место в сюжете, даже если ее нужно было смоделировать на сцене с помощью более традиционных сценических устройств. Виртуальная реальность по своей природе театральна, потому что она может быть захватывающей и потому, что она может быть живой. Виртуальная реальность предлагает множество инструментов, которые действительно интересны для театральных артистов и могут продолжать улучшать наше видение. Привлекательность для драматургов очевидна. Виртуальная реальность содержит множество элементов, присутствующих и в живом исполнении. Фактически, эти общие составляющие – это те самые вещи, которые определяют их и отделяют от связанных областей.

Во-первых, театр и виртуальная реальность интерактивны; оба создаются момент за моментом в ответ на стимулы от человека-оператора. В отличие от фильмов, театр происходит «вживую» в реальном времени. Живые актеры и живая аудитория разделяют промежуток времени и блок пространства, чтобы участвовать в общем, немедленно генерируемом опыте. Точно так же VR, в отличие от предварительно записанной компьютерной анимации, создается в тот момент, когда ее испытывают. Подобно театральному представлению, он существует только в то время, когда участники-люди сталкиваются с его чудесным содержанием.

В значительной степени именно из-за его интерактивного характера каждый опыт в театре или виртуальной реальности уникален. Даже в тщательно отрепетированном шоу или в жестко сконструированном виртуальном мире каждое приключение отличается от других. Они разные, потому что ими управляют в значительной степени непредсказуемые и разнообразные люди. Конечные участники, члены аудитории, становятся последними в цепочке соавторов. В момент опыта они делятся актом создания с дизайнерами производства или виртуального мира. Возможно, именно это больше, чем какая-либо другая особенность, придает особую силу живому театру и виртуальной реальности.

И театр, и виртуальная реальность – эфемерные конструкции, создающие иллюзии, предназначенные для восприятия, а не физические объекты, к которым можно прикоснуться или удерживать. Они существуют только на время опыта. До того, как поднимется занавес или не загрузится программа, их не существует. Пока идет шоу или симуляция, они могут развлекать, информировать, просвещать и преобразовывать. После того, как опускается занавес или выключается компьютер, они однажды перестают существовать, за исключением воспоминаний или потенциальных средств, позволяющих каждому сделать это снова. Конечно, есть физические артефакты, традиционно отождествляемые с театром и VR-опытом. Но они всего лишь средства для достижения цели. Костюм или декорации – это не спектакль, а компьютер или HMD – не виртуальная реальность.

Другой элемент, общий для театра и виртуальной реальности, – это виртуальные миры, альтернативные реальности, созданные формирующей силой воображения и реагирующие на них. Эти миры неестественны в том смысле, что они не развиваются случайно и сами по себе, а создаются человеческими агентами, реагирующими на основную цель – душевный зуд. Здесь снова виртуальная реальность демонстрирует удивительно многообещающую среду. В театре создаются миры, не соответствующие эмпирическим стандартам реализма. В этих мирах зрители увидят, как вокруг них происходят разные события, например, событие в глубоководном пространстве, в небе, в космосе, на другой планете, рядом с черной дырой, в космическом корабле, а вокруг летят объекты или существа. VR – ещё одна театральная среда, в которой можно встретить эти чудеса. Именно в этой сфере мы можем увидеть наиболее полную реализацию потенциала виртуальной реальности. При использовании в прозаической архитектуре или обучении пилотов виртуальный мир должен быть ограничен физическими законами Вселенной, иначе результаты могут быть катастрофическими. Однако в поэтическом театре он ничем не ограничен и может расширяться воображением своего создателя.

Методология исследования

В данной статье проводится литературный повествовательный обзор эмпирических исследований в области проектов виртуальной и дополненной реальности в применении в театраль-

ной области, кинематографии и в компьютерных интерактивных видеоиграх. Данный обзор представляет собой анализ использованной литературы, формулировку основных идей, тенденций, использование материала для обоснования теоретической базы исследования.

В исследовании использовались как психологические методы измерения, включая анкету и интервью, так и психофизические методы измерения, включая результаты закономерности суммарной электрической активности мозга, и методы захвата движения. Результаты показывают, что такое приложение виртуальной реальности лучше дублирует живое выступление, обеспечивая более сильное ощущение присутствия, более высокий уровень вовлеченности и более сильное желание живого выступления. Для визуально интенсивного контента, основанного на виртуальной реальности, новые носители на основе виртуальной реальности могут обеспечить лучший пользовательский опыт. Будущее развитие новых медиаформ, основанных на технике панорамного видео, может выиграть от этой работы.

Результаты и обсуждение

Развитие цифрового присутствия

Как и в случае с определением присутствия в театре и исследованиях перформанса, определения присутствия в виртуальном мире претерпели значительные изменения. Раннее определение, данное Томасом Шериданом (Sheridan Thomas. Musings on telepresence and virtual presence, 1992), различало телеприсутствие (ощущение присутствия в удалённом месте с помощью технологий) и виртуальное присутствие (ощущение присутствия в виртуальной среде). Однако Шеридан (1992) утверждает, что «степень присутствия в обоих случаях зависит от трёх факторов: полученной сенсорной информации, способности управлять сенсорной средой (например, смещения точки зрения) и способности манипулировать физической средой». Чувства – особенно визуальные и аудиоданные, которые помогают определить местоположение пользователя – занимают центральное место в этом раннем определении в дополнение к личному влиянию. Он также содержит элементы, аналогичные определению, которое позднее сформулировал Дэвид Шлоерб (David Schloerb. A quantitative measure of telepresence, 1995). Шлоерб, который использует термин «телеприсутствие» для обозначения элементов телеоперации и виртуального присутствия, различает объективное и субъективное телеприсутствие. Первое возможно, если пользователь может выполнить определённую задачу, а второе определяется восприятием пользователем его или её виртуальной среды. Опять же, можно увидеть различие между сенсорной информацией пользователя и его способностью успешно изменять виртуальную среду. Способность изменять своё окружение обычно соответствует представлению Пауэра о буквальном присутствии, в то время как звуковые и визуальные стимулы, безусловно, будут играть роль во всех трёх режимах, будь то вымышленный, ауратический или буквальный. Однако сценическое присутствие обычно включает в себя социальный аспект, который отсутствует в определениях виртуального присутствия Шериданом и Шлоербом. Помимо визуальных и звуковых сигналов, зрители спектакля могут интуитивно понять через взаимное предчувствие (то, что Эдмунд Гуссерль (Edmund Husserl. Cartesian Meditations: An Introduction to Phenomenology, 1960, с. 112) в своей феноменологии назвал «интерсубъективным спариванием»), живёт ли исполнитель настоящим моментом или они больше не участвуют в представлении.

Некоторые исследователи технологий включили в свои определения виртуального присутствия социальный аспект. Кэрри Хитер (Carrie Heeter. Being There: The Subjective Experience of Presence, 1992) делит присутствие на три аспекта: личный, социальный и экологический. Личное присутствие относится к осознанию своего собственного тела (себя) в виртуальном пространстве; социальное присутствие для осознания одним другим (человеком или созданным компьютером) в виртуальном пространстве; и присутствие в окружающей среде для осознания элементов в самом виртуальном пространстве (Хитер, 1992). Социальное измерение также включено в широко цитируемое определение Мэтью Ломбарда и Терезы Диттон (Matthew Lombard; Theresa Ditton. At the Heart of it All: The Concept of Presence, 1997), которое включает шесть элементов: 1) социальное богатство: степень, в которой виртуальное социальное взаимодействие напоминает взаимодействие в реальности, которое может характеризоваться ощущениями тепла или близости; 2) реализм: насколько виртуальная среда похожа на реальность; 3) транспортировка: ощущение перемещения в другое место, когда пользователю приносят предметы или по пространстве другое место или ощущение перемещения двух пользо-

вателей в другое место; 4) погружение: степень психологического и перцептивного погружения в окружающую среду; 5) социальный субъект в среде: определяется способностью пользователя контролировать своё окружение или взаимодействовать с ним; 6) среда как социальный субъект: ощущение, что среда (будь то компьютер или цифровая среда) взаимодействует с пользователем. Как и в предыдущих определениях, для Ломбарда и Диттона важны звуковые и визуальные сенсорные подсказки, поскольку они влияют на ощущение погружения и реализма. Однако другие элементы относительно отличаются от предложенных Шериданом и Шлоербом. Социальное богатство и элементы транспорта, безусловно, зависят не только от органов чувств, но и от психологических факторов. Быть социальным актёром или чувствовать, что медиум является социальным актёром, означает интерактивные отношения с технологией. Это относится к агентству пользователя, но в большей степени основывается на обмене, который происходит между пользователем и технологией, а не строго ориентирован на пользователя или ориентирован на задачи. Такие социальные элементы, безусловно, будут центральными во всех трёх режимах присутствия Пауэр подчёркивают тот факт, что присутствие в представлении (и в компьютерных симуляциях, где пользователь не одинокий) предполагает взаимозависимые отношения между двумя сторонами, где каждая из которых осознает (или кажутся осведомленными) о другом. Хотя сложно конкретно охарактеризовать социальные отношения, необходимые для присутствия в этих случаях – Ломбард и Диттон связывают их с чувством близости, а также с взаимодействием – очевидно, что простое создание аудио- и визуального контента не приведёт к достоверному чувству присутствия. Аудитория должна психологически погрузиться в работу с исполнителем или созданным компьютером контентом.

Наконец, недавнее определение присутствия было дано во время разговора о технологиях VR в 2014 году в рамках Steam Dev Days. Главный научный сотрудник Oculus Rift Майкл Абраш (Michael Abrash. What VR Could, Should, and Most Certainly Will Be Within Two Years) изложил свои взгляды на присутствие. Он определил присутствие виртуальной реальности как «ощущение того, что вы действительно где-то» и отличил его от погружения, когда человек ощущает себя «окружённым образом виртуального мира», а не в нем (Абраш, 2014, с. 16). Это различие напоминает предыдущий пример симуляции арахнофобии и разницу между простым наблюдением за компьютерным пауком и верой в него – психологическим воздействием на него. По мнению Абраша, как только в виртуальной реальности достигается определённая степень реализма, пользователь переходит от погружения к присутствию. Абраш также отметил, что присутствие различается от человека к человеку, и изложил технические требования, которые, по его мнению, необходимы для установления присутствия. К ним относятся следующие элементы: 1) Широкое поле зрения (не менее 80 градусов; способствует погружению); 2) Адекватное разрешение (не менее 1080p); 3) Низкое постоянство пикселей (время, в течение которого пиксель остаётся горящим; оно должно быть менее 3 мс); 4) Достаточно высокая частота обновления (не менее 95 гц); 5) Глобальный дисплей (одновременное освещение всех пикселей); 6) Оптика (только одна или максимум две линзы на глаз); 7) Оптическая калибровка (калибровка для человеческого глаза – одна из самых больших проблем, поскольку неправильная калибровка часто вызывает укачивание); 8) Отслеживание головы (должно поддерживать положение x, y, z не менее 1 мм и ориентацию не менее четверти градуса); 9) Низкая задержка (не более 20 мс). Это определение полезно при изложении технических требований для установления присутствия с использованием современной технологии HMD; однако, как и Шеридан (Sheridan Thomas. Musings on telepresence and virtual presence, 1992) и Шлоерб (David Schloerb. A quantitative measure of telepresence, 1995), он фокусируется, прежде всего, на информировании органов чувств пользователя (и исключительно визуальных ощущений), которые помогают восстановить буквальную настройку настоящего пользователя. Он не принимает во внимание социальные, психологические или интерактивные аспекты, которые будут иметь ключевое значение для программ виртуальной реальности, выходящих за рамки одного пользователя в компьютерной среде. Это отсутствие поразительно, поскольку представляет собой относительно простую формулу достижения присутствия. Возможно, этого достаточно для многих текущих демонстраций Vive, таких как TheBlu: Encounter от WEVR (2015), в которой пользователь ходит по затонувшему кораблю. Под водой он или она окружены косяками рыб, скатов манта и проплывающего мимо большого синего кита. Пользователь находится в одиночестве, его пространство ограничено раз-

мером 4x4 метра, и он занят преимущественно визуальным (но также и звуковым) контентом. Точно так же в последней демонстрации Vive, Everest (2015), разработанной Sólfar Studios и RVX, пользователь-одиночка перелезает через расщелину на пути к Эвересту. Пользователь должен преодолеть пару лестниц, пройдя пешком и используя портативные контроллеры. Те, кто пробовал демо, сообщили не только о своей вере в визуальную среду, но и о том, что они физически карабкаются, мёрзнут и боятся, глядя вниз. Обе демонстрационные программы пытаются перенести пользователя из его буквального настоящего – ношения HMD в небольшом кубическом пространстве – в буквальное настоящее – обширную природную среду. Реализм компьютерного контента в демоверсии выводит пользователя за пределы погружения в простое окружение серией изображений (как, например, можно было бы настроить с помощью Google Maps), достигая точки, в которой пользователь оказывается под психологическим воздействием. Примечательно, что в первую очередь визуальный контент может так сильно повлиять на ощущение буквального присутствия. Однако по мере того, как программы становятся все более сложными, вероятно, потребуется учитывать дополнительные аспекты. Множество факторов, которые необходимо учитывать, и амбициозные цели технологии VR – имитировать реальность (или вымышленную реальность) – вероятно, потребуют междисциплинарного подхода.

Эффект присутствия в VR и на сцене

Хотя средства и методы для усиления присутствия в виртуальной реальности и на сцене значительно различаются, они оба в конечном итоге стремятся обеспечить немедленный опыт для пользователя или зрителя – ощущение того, что переживаемое является реальным (или, по крайней мере, правдоподобным) и происходит в нем. момент, может быть, даже впервые. Исследование присутствия Ломбардом и Диттоном является хорошей отправной точкой для сравнения, поскольку аналогичные элементы можно найти в работе над театральным присутствием. Например, элемент реализма приравнивается к правдоподобию на сцене или иллюзии. Подобно тому, как пользователь VR должен верить в реальность людей и объектов в виртуальной среде, так и аудитория должна верить персонажам, изображаемым актёром. VR стремится заставить пользователя забыть о внешней реальности, поскольку он погружается в виртуальную среду. В некоторых случаях такой опыт может даже привести к несчастным случаям в реальном мире, поскольку пользователи физически реагируют на объекты или людей, проецируемых на экран. Подобная захватывающая иллюзия временами использовалась и на сцене. Движение натуралистов, например, было направлено на создание полной иллюзии для аудитории путём включения реальных элементов, таких как подробные наборы или использование настоящих ароматов. Текущие перформансы для конкретных сайтов играют с аналогичной идеей, включая реальные сайты и объекты для обеспечения дополнительных уровней детализации.

Многие характеристики сайта могут быть связаны с транспортным элементом определения Ломбарда и Диттона. В многочисленных перформансах, ориентированных на конкретную площадку, аудитория физически перемещается в определённое место, что помогает перенести аудиторию в вымышленный мир постановки. Если представление происходит в историческом месте, представление может также перенести публику в воображаемое буквальное прошлое этого места. Однако в большинстве спектаклей зрители неподвижны, как и пользователи VR, и именно технические элементы, будь то сценографические на сцене или созданные на компьютере в VR, переносят их в другой мир. Рассматривая концепцию транспортировки в обстановке (время и место) представления, легко определить литературный и буквальный способы присутствия Пауэра, но ауратический способ также можно охарактеризовать транспортировкой. На сцене актёрская техника может унести зрителя. В «Присутствии актёра» (1972) Иосиф Чайкин, описывая присутствие актёра, заявляет: «Это качество, которое заставляет вас чувствовать, будто вы стоите рядом с актёром, независимо от того, где вы сидите в театре». (Joseph Chaikin. The Presence of the Actor, стр. 20). Таким образом, транспорт – общая цель при создании присутствия как на сцене, так и в виртуальной реальности.

Продолжая рассмотрение социальных и интерактивных элементов присутствия в определении Ломбарда и Диттона, эти элементы важно отметить, потому что они напоминают нам, что присутствие не обязательно связано с индивидуальным опытом, но часто об обмене между пользователями или между пользователями и элементами, созданными компьютером. На сцене эти отношения имеют место между исполнителями и аудиторией, а в некоторых интерактивных по-

становках – между членами аудитории. Хотя работа по развитию сценического присутствия часто выполняется актёром индивидуально (или в создании соучастия между двумя или более актёрами), исполнители в конечном итоге работают над улучшением своего непосредственного отношения к публике. Патрис Павис подчёркивает это отношение в своём Театральном словаре (1998): «Я может быть создано только по отношению к вам, которому через идентификацию наделяют своё собственное эго» (Patrice Pavis. Dictionary of the Theatre: terms, concepts, and analysis.) (стр. 286). Как было замечено ранее, в недавнем выступлении Абраша не уделяется первостепенного внимания социальному аспекту присутствия в виртуальной реальности. Таким образом, интерактивные отношения пользователя в VR нуждаются в дальнейшем развитии. Будет любопытно увидеть, появятся ли определённые техники или модели поведения для усиления присутствия пользователя виртуальной реальности в глазах другого, как актёры могут тренироваться для развития своего ауратического присутствия. Или, возможно, как было показано в предварительном исследовании Кобер и Нойпер (Silvia Kober; Christa Neuper. Personality and Presence in Virtual Reality: Does Their Relationship Depend on the Used Presence Measure? 2012), ощущение присутствия в большей степени зависит от личностных факторов. Авторы обнаружили, что те, у кого была более высокая склонность к поглощению (способность уделять все своё внимание), с большей вероятностью испытывали чувство присутствия с технологией VR. Это, безусловно, подтвердит заявление Абраша о том, что присутствие виртуальной реальности варьируется от человека к человеку.

На сцене для практикующих, которые исследуют ауратический режим присутствия, тело актёра является основным местом работы, включающей как физические, так и умственные упражнения. Работа Станиславского о концентрации и памяти, более поздние упражнения по методической игре или межкультурные исследования и идеи Барбы о преэкспрессивности иллюстрируют виды техник, с помощью которых актёры выступают на сцене. Гротовский также работал над телом актёра и много экспериментировал с различными отношениями между аудиторией и исполнителем, как это делают сегодня многие театральные организаций, представляющие интерактивный театр. «Больше не спать (Sleep No More)» группы Punchdrunk (2011) демонстрируют именно такой перформанс, который во многом зависит от выбора и активного участия публики. Аудитория следует за несколькими персонажами из «Макбета» по всему пятиэтажному зданию и должна выбрать, за кем следовать (или исследовать ли здание самостоятельно). Интерес к таким выступлениям часто мотивируется обещанием получить уникальный или аутентичный опыт, якобы основанный на настоящем, а не повторением предыдущего выступления. Конечно, обычная арка авансцены и длинные спектакли побуждают зрителей думать, что они видят повторение или другое театральное представление. Это предубеждение можно смягчить, просто дав аудитории возможность буквально определить своё местонахождение. Аналогичным образом технология VR может назначить зрителю более активную роль. Вместо того, чтобы просто наблюдать за происходящими событиями, как это делают многие пользователи до них, им, возможно, придётся делать выбор и взаимодействовать со своей средой для продвижения в программе. Окружающая среда открытого мира, присутствующая в Cyberpunk 2077 и в сериях видеоигр, таких как Last of us 2, Half-life: Alyx, Detroit: Become Human, Death Stranding и Boneworks, обещает уникальный для них опыт, усиливая ощущение присутствия, поскольку рассказы, создаваемые пользователями, адаптированы к их потребностям. Интерактивность может усилить ощущение вымышленного присутствия аудитории, поскольку они понимают, что, то, что они сейчас переживают, является результатом сделанного ими в прошлом выборе.

Возвращаясь к словарному определению присутствия, данному Пависом (1998, с. 286), то он предполагает, что «[…] мы могли бы говорить не о присутствии актёра, а о постоянном настоящем на сцене» (Patrice Pavis. Dictionary of the Theatre: terms, concepts, and analysis). Как видно из обсуждения реализма, ощущение присутствия аудитории может возникать из пространства, реального или виртуального. Таким образом, можно многого добиться, контролируя восприятие аудиторией своего окружения – формируя элементы присутствия в буквальном смысле. Исследование Штейнике, Брюдер, Хинричс и Стиид (Frank Steinicke; Gerd Bruder; Klaus Hinrichs; Anthony Steed. Gradual Transitions and Their Effects on Presence and Distance Estimation, 2010) показывает, что создание среды перехода от реальности к виртуальной реальности может улучшить ощущение присутствия пользователя. Более того, в VR, где используются HMD, восприятие пользователя существенно ограничено

экраном и наушниками, что позволяет программистам в значительной степени контролировать впечатления аудитории. В театре Фестивальный зал (Festspielhaus) Вагнера демонстрирует подобное стремление к контролю над восприятием публики, поскольку физический дизайн пространства сужал фокус аудитории к сцене, театр был затемнён (как и большинство театров сегодня), чтобы ещё больше контролировать перспективу, и оркестр был спрятан, чтобы не разрушить иллюзию на сцене. Ограничение точки зрения аудитории, часто через сенсорную депривацию или ограничение, является полезным средством для усиления ощущения присутствия, что может частично объяснить более широкое использование шлемов виртуальной реальности вместо технологии CAVE (автоматическая виртуальная среда пещеры), которая окружает пользователя экранами с трёх до шести сторон. Многие текущие демонстрационные программы, доступные для Oculus Rift и HTC Vive, учитывают ограничения аудитории и предназначены для их использования. Например, «Синий Мрамор» (Blue Marble, 2013) от «Интерактивные прохожие» (Jaywalkers Interactive) и «Исследователь солнечной системы» (Solar System Explorer) Саймона Филлипса (2014) позволяют пользователям парить в пространстве, используя неподвижное положение пользователя и затемнённое поле зрения. В «Синем Мраморе» пользователь может просто смотреть на планету Земля, пока играет музыка, а видео медленно путешествует по планете в течение нескольких минут. В «Исследователе солнечной системы» все происходит аналогично, но пользователь может управлять кораблём и посещать различные планеты Солнечной системы. Космическое пространство идеально подходит для исследования, потому что его обширность и относительная медленность космических путешествий хорошо подходят для более медленных движений, которые лучше всего работают с современной технологией HMD, ограничивая возможную тошноту и последующее отключение пользователя от игры.

Воспользовавшись аналогичным преимуществом ограниченной перспективы пользователя, в таких хоррор-играх, как Дредхоллы (Dreadhalls) (2013) Белые Двери. Игры (White Door Games) или Затерянные в разломе (Lost in the Rift) (2013) Энно Готтшалка (2013), используется затемнённое освещение и разнонаправленный звук, чтобы дезориентировать или удивить пользователя. В «Дредхоллы» пользователь должен перемещаться по случайно сгенерированному лабиринту подземелий. Освещённый фонариком, пользователь пробирается по узким коридорам, заглядывая за углы и медленно открывая сундуки и двери. Страх в игре возникает из-за клаустрофобии и постоянной (хотя и редко случающейся) возможности от того что, что-то может выскочить на пользователя. Звук ветра, закрытие дверей и эхо, а также интимный шёпот контрастируют с более громкой, иногда резкой музыкой, создавая у пользователя напряжение и тревогу. Подобные элементы клаустрофобии можно найти в «Затерянном в разломе». Выйдя на улицу в тёмном лесу, полном ветвей, которые закрывают обзор, пользователь, вооружённый только фонариком, постепенно пробирается в узкую пещеру с коридорами. Снова лёгкие звуки дождя, а затем шёпот молодой девушки контрастируют с более громкой, жуткой музыкой, создавая напряжение. И в «Дредхоллы», и в «Затерянные в разломе» ограниченное освещение используется для управления действиями пользователя. Звук, воспроизводимый с разной громкостью и между левым и правым наушниками, дезориентирует пользователя, вызывая у него беспокойство и повышая осведомлённость об окружающем. На самом деле требуется небольшое действие, чтобы вызвать у пользователя страх – только возможность опасности откуда-то из окружающей среды. В играх устанавливаются как буквальные, так и вымышленные способы присутствия, и примечательно, что звук занимает центральное место в опыте. Аудио, однако, полностью отсутствовало в разбивке Абраша на элементы, необходимые для присутствия в VR. Он сосредоточен исключительно на визуальных элементах, но, как и в кино, звук может играть центральную роль в сглаживании переходов между различными визуальными средами. Исследования Поешль, Уолл и Доеринг (Sandra Poeschl; Konstantin Wall; Nicola Doering. Integration of Spatial Sound in Immersive Virtual Environments: An Experimental Study on Effects of Spatial Sound on Presence, 2013) и Нордаль (Rolf Nordahl. Self-Induced Footsteps Sounds in Virtual Reality: Latency, Recognition, Quality, and Presence, 2005) подтвердили повышенное чувство присутствия, когда звук используется стратегически, будь то в пространстве или в связи с движением пользователя. Последовательный аудиопоток может помочь сохранить ощущение присутствия. В исполнении звук играет аналогичную роль в сохранении иллюзии на сцене, поскольку музыка помогает в живописных переходах. Громкий, атмосферный или разнонаправленный звук можно

использовать, чтобы заинтересовать или удивить аудиторию. Точно так же контраст в световых эффектах можно использовать для дезориентации. Например, в «Театре №99» №51 «Моя жена рассердилась» (2014), мультимедийном спектакле о человеке, вспоминающем события прошлого, свет на короткое время выключается и снова включается, открывая на сцене полдюжины персонажей из памяти главных героев. Дэниел МакЭйвор использовал аналогичный эффект в своём сольном спектакле о жизни в пригороде «Кул-де-Сак» (2005), когда ярко вспыхивали огни, временно ослепляя публику, в то время как актёр занимает своё первое положение, сидя в кресле. Ни один спектакль нельзя отнести к категории ужасов, но техника соответствует потребности театра, заставляя зрителей гадать. Несмотря на свою простоту, такие эффекты эффективны для создания ощущения присутствия, поскольку дезориентируют аудиторию и заставляют её немедленно оценивать своё окружение.

Изучение взаимосвязи между страхом или тревогой и присутствием в виртуальной реальности лишь частично исследовалось в театре и перформансе. Как упоминалось ранее, различные исследования в области виртуальной реальности показали положительную корреляцию между страхом или тревогой и ощущением присутствия. Возможно, это неудивительно, поскольку, когда люди напуганы, начинают действовать их первобытные инстинкты. Осведомлённость о настоящем окружении увеличивается, и они могут даже стать иррациональными, увеличивая вероятность того, что они поверят в реальность своего окружения. Самые близкие корреляты в театре и перформансе – это те, которые помещают зрителя в незнакомую ситуацию. Например, «Больше не спать» ставит аудиторию в ситуацию, когда их свобода исследования также делает их уязвимыми для неизвестных сюрпризов. Более мелкие, более интимные произведения также вызывают чувство присутствия у аудитории через свою уязвимость. Например, мобильный триллер Hush Productions (2004) собирает трёх зрителей для вечернего представления на заднем сиденье автомобиля. Беспокойство усиливается из-за того, что зрители не могут легко выбраться из движущегося автомобиля, как это можно сделать в традиционном театральном представлении. В другом примере Дженнифер Дойл открывает свою книгу «Держи это против меня» (Jennifer Doyle. Hold it Against Me, 2013), рассказывая о своём опыте работы с Адрианом Хауэллсом (2007). В индивидуальном представлении Хауэллс сидит и болтает с одним из зрителей, позже они держатся за руки и в конце концов вместе ложатся на кровать. Дойл пишет о том, что она боялась опоздать на встречу (которую она в конечном итоге пропускает), и предполагает, что она подсознательно саботировала встречу из-за страха за то, что может произойти во время встречи. Таким образом, помимо усиления виртуального присутствия, страх и беспокойство также могут улучшить восприятие аудитории присутствием на сцене и во время выступления. Практикующие, желающие задействовать присутствие таким образом, должны затем спроектировать свои постановки так, чтобы помещать аудиторию в незнакомые, дезориентирующие или интимные ситуации, которые усиливают их уровень тревожности и, возможно, в свою очередь, их чувство присутствия.

Воссоздания истоков театра за счёт VR

Стив Диксон (Steve Dixon. A History of Virtual Reality in Performance.) исследует использование технологии VR на этапах воспроизведения. В частности, он указывает на подразделение трёхмерной визуализации Уорикского университета, которое воссоздаёт сцены из античности, такие как Театр Помпеи или Театр Диониса, для просмотра на экране. Ранние работы полезны для исследователей истории театра, поскольку они переносят пользователей обратно в буквальное настоящее исторического окружения. Информированность пользователя об их буквальном присутствии удваивается в этом случае, так как они знают о своём фактическом состоянии, глядя на экран компьютера, и одновременно погружаются в буквальном (вымышленном) является спорным настоящее время моделирования. К сожалению, симуляция не включает выступления на сцене. Однако, недавно в Японии попытались сделать это, воссоздав исторические пьесы Но и Кабуки на сценах виртуальной реальности. Кохей Фурукава и др. (Kohei Furukawa; Choi Woong; Kozaburo Hachimura; Kaori Araki. CG Restoration of a Historical Noh Stage and Its Use for Edutainment, 2006) воссоздали сцену Но с технологией VR вместе со спектаклем, в то время как Томоки Накая и др. (Tomoki Nakaya. Virtual Kyoto Project: Digital Diorama of the Past, Present, and Future of the Historical City of Kyoto, 2010) создали виртуальную сцену Кабуки и его спектакль в рамках проекта «Виртуальный Киото». В обоих случаях использовался захват движения, и выступления можно было просматривать на экранах компьютеров. Ощущение присутствия пользователя в

этих случаях было ограничено использованием компьютерных экранов, а не технологиями HMD или CAVE. Тем не менее, представление реального спектакля позволяет ощутить вымышленное как настоящую пьесу, что, в свою очередь, усиливает ощущение присутствия в буквальном настоящем виртуального исторического окружения. Демонстрационная версия VR Cinema (2013) Oculus VR аналогичным образом задействует вымышленный и буквальный способы присутствия. Программа воссоздаёт простой опыт посещения кинотеатра. Зрители могут смотреть и перемещаться по пространству, чтобы выбрать место. Затем он или она могут смотреть выбранный фильм, который отображается для пользователя так, как если бы он проецировался на большой экран. Идея довольно странная – использовать шлем виртуальной реальности для просмотра фильмов – но это одна из самых популярных демонстраций, выпущенных для Oculus Rift на сегодняшний день из-за уровня присутствия, которое она вызывает у пользователя. Зрители буквально ощущают себя в кинотеатре, а это, в свою очередь, способствует их вовлечению в вымышленное настоящее кино на экране. Если учесть все более широкое использование представлений театра в прямом эфире (в том числе Кабуки) в кинотеатрах, становится ясно, что все произведения, необходимые для создания живых современных или воссозданных исторических представлений, уже разработаны. Таким образом, это только вопрос времени, прежде чем они будут объединены, чтобы позволить использовать зрителям VR-театра.

Заключение и выводы

В заключение своей статьи Диксон отмечает, что VR по-прежнему не оправдывает своих огромных амбиций, и десять лет спустя ситуация, вероятно, остаётся такой же. Однако недавние агрессивные инвестиции в шлемы виртуальной реальности, в том числе Oculus Rift, HTC Vive, Samsung Gear и Project Morpheus от Playstation, значительно улучшили характеристики производительности технологии, а также вызвали широкий интерес, выходящий далеко за рамки распространения VR в 1990-х годах. Ходят слухи, что компания Apple работает над умными очками и над гарнитурой AR/VR, причём гарнитура выйдет первой, а затем очки. Говорят, что он будет оснащён двумя дисплеями с высоким разрешением 8K и камерами с функцией обнаружения глаз, которые позволят пользователям «читать мелкий шрифт» и «видеть других людей, стоящих перед виртуальными объектами и позади них». Гарнитура сможет отображать поверхности, края и размеры комнат с «большей точностью, чем существующие устройства на рынке». У него будет более продвинутый дисплей и чип, который даже быстрее, чем процессор M1 в Mac 2020 года. В 2020-22 годах потребители смогут выбирать из ряда технологий виртуальной реальности, которые, вероятно, будут способствовать дальнейшему развитию программного и аппаратного обеспечения. Они узнают, как различными способами технология может переносить их в буквальное настоящее в разных местах, вовлекать их в повествование историй вымышленных миров и потенциально усиливать их ауратическое присутствие в глазах других пользователей. В самое ближайшее время пользователи решат, действительно ли обновлённые шлемы виртуальной реальности обеспечивают значительный скачок в продвижении ощущения цифрового присутствия, и какие возможности может предложить этот опыт. Однако даже если новая технология не сработает, возникающий дискурс даёт полезную информацию о многих других областях, включая присутствие в театре и представлении. Как видно, из трёх способов присутствия Пауэра и определений присутствия, предложенных учёными-технологами, есть общие элементы как в виртуальной реальности, так и в производительности, которые обогащают понимание присутствия в обеих сферах, а также выделяют новые потенциальные области для исследования, такие как связь между тревогой и дезориентацией и чувство присутствия. Также примечательно, что усиление одного режима или аспекта присутствия может, в свою очередь, стимулировать другие – участие в вымышленном настоящем представления на виртуальной исторической сцене, например, усиливая ощущение присутствия в другом буквальном месте. По мере продолжения обсуждения и творчества будут обнаружены дальнейшие теоретические и практические применения, которые улучшат наше понимание того, что значит присутствовать.

Литература

Ани. «Анимасао: виртуальные марионетки Mario.net/IRIT» http://www.numericircus.net/

Ашет & Гитон (2003). Использование виртуальной реальности для «новых клоунов» // Труды второй Международной конференции по виртуальному повествованию (ICVS), LNCS (Конспект лекций по информатике). – Берлин: Springer 2897, стр. 211-219.

Митчелл Б. Иммерсивный художественный опыт и использование пространства // В материалах 1-й Международной конференции «Идеи до своего времени: соединение прошлого и настоящего в компьютерном искусстве»; BCS Learning & Development Ltd.: Суиндон, Великобритания, 2010 г.; стр. 98–107.

Дженнифер Дойл. Держи это против меня. – Дарем: Университет Дьюка, 2013.

Дэвид Шлоерб. Количественный показатель телеприсутствия // Присутствие: телеоператоры и виртуальные среды. Кембридж, Массачусетский технологический институт, т. 4, н. 1, стр. 64-80, февраль 1995 г.

Иосиф Чайкин. Присутствие актера. – Нью-Йорк: Атенеум, 1972.

Кормак Пауэр. Присутствие в игре. – Амстердам: Родопи, 2008.

Кохеи Фурукава; Чой Воонг; Козабуро Хачимура; Каори Араки. CG Реставрация исторической сцены Но и ее использование в образовательных целях: Хунбинь Жа; Чжигэн Пан; Хэл Твэйтес; Алонсо Аддисон; Форте Маурицио (Ред.). Интерактивные технологии и социотехнические системы. – Берлин: Springer, 2006. стр. 358–367.

Кэрри Хитер. Быть там: субъективный опыт присутствия. Присутствие: Телеоператоры и виртуальные среды, Кембридж, MIT, т. 1, н. 2, стр. 262-271, весна 1992 г.

Каллесен (2004). «Виртуальные куклы в спектакле». Материалы Международного симпозиума марионеток: метафизика, механика, современность, Копенгагенский университет.

Кендрик Л. Театральная ауралити; Пэлгрейв Макмиллан: Лондон, Великобритания, 2017.

Майкл Абраш. Что VR может, должно и наверняка будет в течение двух лет. Презентация. Примечания. 2014. Доступно по адресу: <https://www.media.steampowered.com/ apps / abrashblog / Abrash% 20Dev% 20Days% 202014.pdf2014>. Доступ: 15 сентября 2015 г.

Мэтью Ломбард; Тереза Диттон. В основе всего этого: концепция присутствия. Журнал компьютерных коммуникаций, Интернет, Международная ассоциация связи, т. 3, н. 2, п. п. Сентябрь 1997 г.

Кавазза М., Лугрин Дж.Л., Крукс С., Нанди А., Палмер М., Ренард М.Л. «Искусство причинности и виртуальной реальности», Пятая Международная конференция по творчеству и познанию (C&C '05), Нью-Йорк, Нью-Йорк, США, 2005, ACM Press, стр. 4-12.

Рини М. «Искусство в реальном времени: театр и виртуальная реальность», Семинар Цирен, Парижский университет 8, Сен-Дени, Франция, 2000, http: //www.ku.edu/ mreaney / reaney / ciren /.

Санчес М. и Слейтер М. «От присутствия к сознанию через виртуальную реальность». Природа, 6 стр. 332–339, 2005.

Нуржанат Шакирова, Аль Сайд Нидаль, Светлана Конюшенко. 2020. Использование виртуальной реальности в геообразовании. стр. 60-62. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i20.15433.

Патрис Пави. Театральный словарь: термины, понятия, анализ. Торонто: Университет Торонто, 1998.

Рольф Нордаль. Самоиндуцированные звуки шагов в виртуальной реальности: задержка, распознавание, качество и присутствие. В: 8-й Ежегодный международный семинар по присутствию: присутствие 2005. Документ конференции, Международное общество исследований присутствия, 2005. стр. 353-355.

Азума Р.Т., Бишоп Г. Улучшение статической и динамической регистрации в оптическом прозрачном HMD. В материалах Сигграф '94 – 21-й ежегодной конференции по компьютерной графике и интерактивным методам, Орландо, Флорида, США, 24–29 июля 1994 г.; ACM: Нью-Йорк, Нью-Йорк, США, 1994; стр. 197–204.

Сандра Поешль; Константин Уолл; Никола Доеринг. Интеграция пространственного звука в иммерсивных виртуальных средах: экспериментальное исследование влияния пространственного звука на присутствие: Виртуальная реальность (VR), 2013 IEEE. Доклад конференции, март 2013 г. стр. 129–130.

Сильвия Кобер; Криста Неупер. Личность и присутствие в виртуальной реальности: зависит ли их взаимосвязь от используемой меры присутствия? Международный журнал взаимодействия человека и компьютера, Интернет, Тейлор и Фрэнсис, т. 29, н. 1, стр. 13-25 марта 2012 г.

Стив Диксон. История виртуальной реальности в исполнении. Международный журнал исполнительских искусств и цифровых медиа, Интернет, Тэйлор и Френсис (Taylor and Francis) – Журналы Рутледж, т. 2, н. 1, стр. 23-54, 2006 г. (распечатка), январь 2014 г. (онлайн).

С. Манн; Т. Фернесс; И. Июан; Дж. Иорио; З. Ван. Вся реальность: виртуальная, дополненная, смешанная (X), опосредованная (X, Y) и мультимедийная реальность. arXiv 2018, arXiv: 1804.08386.

Томас Шеридан. Размышления о телеприсутствии и виртуальном присутствии. Присутствие: телеоператоры и виртуальные среды. Кембридж, Массачусетский технологический институт, т. 1, н. 1, Зима 1992 года. стр. 120-126

Томоки Накая и др. Виртуальный проект Киото: цифровая диорама прошлого, настоящего и будущего исторического города Киото: Тору Ишида (ред.). Культура и вычисления: вычисления и коммуникации для межкультурного взаимодействия. Берлин: Springer, 2010. стр. 173–187.

Франк Штейнике; Герд Брюдер; Клаус Хинричс; Энтони Стиид. Постепенные переходы и их влияние на оценку присутствия и расстояния. Компьютеры и графика, Амстердам, Elsevier, т. 34, н. 1, стр. 26-33, февраль 2010 г.

Ф. Патрик. Звук для сцены; Развлекательные Технологии Пресс ЛТД.: Кембридж, Великобритания, 2002.

Шиба 2003. Театральные исследования в виртуальной реальности: Счетная машина Марка Рини и Бренды Лорел.

Эдмунд Гуссерль. Декартовы медитации: введение в феноменологию. Перевод: Дорион Кэрнс. Гаага: издательство Мартинус Нийхофф (Martinus Nijhoff), 1960.

References

Ani. “Animaçao: Marionnettes Virtuelles Mario.net/IRIT» http://www.numericircus.net/

B. Mitchell. The immersive artistic experience and the exploitation of space. In Proceedings of the 1st International Conference on Ideas before Their Time: Connecting the Past and Present in Computer Art; BCS Learning & Development Ltd.: Swindon, UK, 2010; pp. 98–107.

Callesen (2004). “Virtual puppets in performance”. Proceedings of the International Symposium Marionette: Metaphysics, Mechanics, Modernity, Copenhagen University.

Carrie Heeter. Being There: The Subjective Experience of Presence. Presence: Teleoperators and Virtual Environments, Cambridge, MIT, v. 1, n. 2, p. 262-271, Spring 1992.

Cormac Power. Presence in Play. Amsterdam: Rodopi, 2008.

David Schloerb. A Quantitative Measure of Telepresence. Presence: Teleoperators and Virtual Environments. Cambridge, MIT, v. 4, n. 1, p. 64-80, Feb 1995.

Edmund Husserl. Cartesian Meditations: An Introduction to Phenomenology. Translation: Dorion Cairns. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1960.

Frank Steinicke; Gerd Bruder; Klaus Hinrichs; Anthony Steed. Gradual Transitions and Their Effects on Presence and Distance Estimation. Computers and Graphics, Amsterdam, Elsevier, v. 34, n. 1, p. 26-33, Feb 2010.

F. Patrick. Sound for the Stage; Entertainment Technology Press Ltd.: Cambridge, UK, 2002.

Hachet & Guitton (2003). Using Virtual Reality for “New Clowns”, Proceedings of second International Conference on Virtual Storytelling (ICVS), LNCS Springer-Verlag 2897, pp. 211-219.

Jennifer Doyle. Hold it Against Me. Durham: Duke University, 2013.

Joseph Chaikin. The Presence of the Actor. New York: Atheneum, 1972.

Kohei Furukawa; Choi Woong; Kozaburo Hachimura; Kaori Araki. CG Restoration of a Historical Noh Stage and Its Use for Edutainment. In: Hongbin Zha; Zhigeng Pan; Hal Thwaites; Alonzo Addison; Maurizio Forte (Ed.). Interactive Technologies and Sociotechnical Systems. Berlin: Springer, 2006. P. 358-367.

L. Kendrick. Theatre Aurality; Palgrave Macmillan: London, UK, 2017.

Matthew Lombard; Theresa Ditton. At the Heart of it All: The Concept of Presence. Journal of Computer-Mediated Communication, Online, International Communication Association, v. 3, n. 2, n. p. Sep 1997.

Michael Abrash. What VR Could, Should, and Most Certainly Will Be Within Two Years. Presentation. Notes. 2014. Available at:<https://www.media.steampowered.com/ apps/abrashblog/Abrash%20Dev%20Days%202014.pdf2014>. Accessed: 15, Sept., 2015.

M. Cavazza, J.L Lugrin, S. Crooks, A. Nandi, M. Palmer, M.L. Renard, « Causality and Virtual Reality Art », Fifth International Conference on Creativity and Cognition (C&C ’05), New York, NY, USA, 2005, ACM Press, p. 4–12.

M. Reaney. « Art in Real-Time : Theatre and Virtual Reality », Séminaire CIREN, Université Paris 8, Saint-Denis, France, 2000, http ://www.ku.edu/ mreaney/reaney/ciren/.

M. Sanchez and M. Slater. “From presence to consciousness through virtual reality”. Nature, 6:332– 339, 2005.

Nurzhanat Shakirova, Al Said Nidal, Svetlana Konyushenko. 2020. Ispol’zovaniye virtual’noy real’nosti v geoobrazovanii. [Using virtual reality in geo education] p. 60-62. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i20.15433. (in russian)

Patrice Pavis. Dictionary of the Theatre: terms, concepts, and analysis. Toronto: University of Toronto, 1998.

Rolf Nordahl. Self-Induced Footsteps Sounds in Virtual Reality: Latency, Recognition, Quality, and Presence. In: THE 8TH Annual International Workshop On Presence: Presence 2005. Conference Paper, International Society for Presence Research, 2005. p. 353-355.

R.T. Azuma; G. Bishop. Improving Static and Dynamic Registration in an Optical See-Through HMD. In Proceedings of the Siggraph ‘94—the 21st Annual Conference on Computer Graphics and Interactive Techniques, Orlando, FL, USA, 24–29 July 1994; ACM: New York, NY, USA, 1994; pp. 197–204.

Sandra Poeschl; Konstantin Wall; Nicola Doering. Integration of Spatial Sound in Immersive Virtual Environments: An Experimental Study on Effects of Spatial Sound on Presence. In: Virtual Realty (VR), 2013 IEEE. Conference Paper, Mar 2013. p. 129-130.

Shyba 2003. Theatrical Exploration in Virtual Reality: Mark Reaney’s The Adding Machine and Brenda Laurel’s Placeholder.

Silvia Kober; Christa Neuper. Personality and Presence in Virtual Reality: Does Their Relationship Depend on the Used Presence Measure? International Journal of Human- Computer Interaction, Online, Taylor and Francis, v. 29, n. 1, p. 13-25, Mar. 2012.

Steve Dixon. A History of Virtual Reality in Performance. International Journal of Performance Arts and Digital Media, Online, Taylor and Francis – Routledge Journals, v. 2, n. 1, p. 23-54, 2006 (Print), Jan 2014 (Online).

S. Mann; T. Furness; Y.Yuan; J. Iorio; Z. Wang. All Reality: Virtual, Augmented, Mixed (X), Mediated (X,Y), and Multimediated Reality. arXiv 2018, arXiv:1804.08386.

Thomas Sheridan. Musings on Telepresence and Virtual Presence. Presence: Teleoperators and Virtual Environments. Cambridge, MIT, v. 1, n. 1, p. 120-126, Winter 1992.

Tomoki Nakaya et al. Virtual Kyoto Project: Digital Diorama of the Past, Present, and Future of the Historical City of Kyoto. In: Toru Ishida (Ed.). Culture and Computing: Computing and Communication for Crosscultural Interaction. Berlin: Springer, 2010. p. 173-187.

ҒТАМР 13.07.25 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.08

Е. Осербаев[1*], Анджан Гош[2]

[1]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
[2]Стратегиялық басқару, Indian Institute of Management, Индия, Калькутта қ.
*e-mail: eldos.cs@mail.ru

АЙНАЛМАЛЫ БИЛЕР МӘДЕНИ ДЕВИАЦИЯНЫҢ АЛДЫН АЛУШЫ РЕТІНДЕ

Би – діни рәсімдердің табиғи бөлігі және адамның Құдаймен қарым-қатынасының негізгі формасы, сонымен қатар ішкі сезімді білдірудің, Құдайдың бірлігін іздеудің жоғары формасы. Биде алғашқы адам планетарлық және ғарыштық ырғақтар мен процестерді қабылдады, қимыл арқылы көрсетті және білдірді. Ол табиғат күштерімен тікелей байланысқа түседі. Мәдениеттің символдық формасы ретінде би сиқырлы рәсімдермен байланысады. Айналмалы билер ұжымдық үйлесімділікке қол жеткізу және табиғат рухтарымен қарым-қатынас құралы ретінде белгілі. Көшпенділердің айналмалы билеріндегі қимылдар мен қимылдарды түсіндіру өнер ретінде және салттық би ретінде қабылданады.

Қимыл, қозғалыс, би – бұл жазу және музыка пайда болғанға дейін болған алғашқы тілдің формасы екені белгілі. Индивидуальды және тобырлық деңгейде адамзат қозғалыстың әртүрлі ішкі күйлері мен белгілерін бастан өткерді. Вербальды емес, яғни жазбаша тілді ойлап тапқан кезеңге дейін би – тарихи, мәдени кодты ұрпақтан-ұрпаққа жеткізудің маңызды әдісі болды. Айналмалы билер Таяу Шығыста, Шығыс және Оңтүстік Еуропада кең таралған. Қазіргі заманғы айналмалы би дәстүрлі халық билерін, негізінен еуропалық немесе шығыс елдерінен, ежелгі және қазіргі заманғы әр түрлі музыкамен синтезделіп, сахналанған билермен біріктіріледі.

Түйін сөздер: айналмалы билер, символдық форма, дәстүрлі би, мәдени девиация, көшпенділер мәдениеті.

Y. Osserbayev[1*], Dr. Anjan Ghosh[2]

[1]Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
[2]Strategic Management, Indian Institute of Management, India, Calcutta
*e-mail: eldos.cs@mail.ru

Circular dances as a way to overcome cultural deviation

Dance is a natural part of religious rituals and the main form of human communication with God, as well as the highest form of expression of inner feelings, the search for Divine Unity. In the dance, the first person accepted the planetary and cosmic rhythms and processes, showed and expressed them through movement. He comes into direct contact with the forces of nature. Dance as a symbolic form of culture is associated with magical rituals. Circular dances are known as a means of achieving collective harmony and communicating with the spirits of nature. The interpretation of movements and movements in the circular movements of nomads is perceived as an art and as a ritual dance.

It is known that movement and dance were a form of the first language that existed before the advent of writing and music. At the individual and group level, humanity has experienced various internal states and signs of movement. Until the period when non-verbal language was invented, dance was an important way of transmitting the historical, cultural code from generation to generation. Circular dances are widespread in the Middle East, Eastern and Southern Europe. Modern circular dance combines traditional folk dances, mainly from European or Eastern countries, with dances that are synthesized and staged to various ancient and modern music.

Key words: circular dances, symbolic form, traditional dance, cultural deviation, nomad culture.

Е. Осербаев[1*], Др. Анджан Гош[2]

[1]Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
[2]Стратегическое управление, Indian Institute of Management, Индия, г. Калькутта
*e-mail: eldos.cs@mail.ru

Круговые танцы как способ преодоления культурной девиации

Танец является естественной частью религиозных обрядов и основной формой общения человека с Богом, а также высшей формой выражения внутреннего чувства, поиска Божественного Единства. В танце первый человек принял планетарные и космические ритмы и процессы,

© 2021 Al-Farabi Kazakh National University

показал и выразил их посредством движения. Он вступает в непосредственный контакт с силами природы. Танец как символическая форма культуры связан с магическими ритуалами. Круговые танцы известны как средство достижения коллективной гармонии и общения с духами природы. Интерпретация движений и движений в круговых движениях кочевников воспринимается как искусство и как ритуальный танец.

Известно, что движение и танец были формой первого языка, существовавшего до появления письма и музыки. На индивидуальном и групповом уровне человечество испытало различные внутренние состояния и признаки движения. До того периода, когда был изобретен невербальный язык, танец был важным способом передачи исторического, культурного кода из поколения в поколение. Круговые танцы широко распространены на Ближнем Востоке, в Восточной и Южной Европе. Современные круговые танцы объединяют традиционные народные танцы, в основном из европейских или восточных стран, с танцами, которые синтезируются и ставятся под различную музыку древности и современности.

Ключевые слова: круговые танцы, символическая форма, традиционный танец, культурная девиация, культура кочевников.

Кіріспе

Қимыл, қозғалыс, би – бұл жазу және музыка пайда болғанға дейін болған алғашқы тілдің формасы екені белгілі. Индивидуальды және тобырлық деңгейде адамзат қозғалыстың әртүрлі ішкі күйлері мен белгілерін бастан өткерді. Вербальды емес, яғни жазбаша тілді ойлап тапқан кезеңге дейін би – тарихи, мәдени кодты ұрпақтан-ұрпаққа жеткізудің маңызды әдісі болды.

Айналмалы би, сонымен қатар дөңгелену арқылы іске асырылатын би – бұл ритмдік аспаптар мен ән айту арқылы музыкалық сүйемелдеумен шеңберде (ашық немесе жабық формада) орындалатын би стилі. Айналмалы билер – бұл ең көне танымал би білімі және адамдар алғаш билей бастағаннан бері қоғамдық өмірдің бір бөлігі болып табылды.

Айналмалы би – көптеген мәдениеттерге ортақ белгілер: ерекше оқиғаларды, рәсімдерді атап өту, қауымдастықты нығайту және бірлікті ынталандыру үшін ежелгі дәстүрге жатады. Биді топтық тәжірибе ретінде немесе медитацияның бір бөлігі ретінде де тамашалауға болады. Айналмалы билер көптеген музыкалық стильдер мен ырғақтарға сәйкес орындалады.

Айналмалы бишілер бір-бірімен ерекше физикалық байланыста болады; байланыс қолдан қолға, саусаққа немесе иыққа жасалады. Бұл кез келген адам серіктес немесе біліктілік қажеттілігінсіз қосыла алатын би түрі саналады. Әдетте, бишілер көшбасшысының соңынан еріп, бишілердің қолын қасында ұстайды. Би жұмсақ немесе жігерлі күйде болуы мүмкін.

Тақырыпты таңдауды дәйектеу және мақсаты мен міндеттері

Айналмалы билер Таяу Шығыста, Шығыс Еуропада және Оңтүстік Еуропада кең таралған. Қазіргі заманғы айналмалы би дәстүрлі халық билерін, негізінен еуропалық немесе шығыс елдерінен, ежелгі және қазіргі заманғы әр түрлі музыкамен синтезделіп, сахналанған билермен біріктіріледі. Сондай-ақ, классикалық музыка мен заманауи әндерге арналған жаңа айналмалы билердің өсіп келе жатқан репертуары бар.

Бидің рәміздері архетиптік сипатқа ие болады, өйткені олардың мазмұнында адамның табиғатпен бірлігін білдіретін мифологиялық ұғымдар бар, онда әйел жер арқылы бейнеленсе, ал ер адам аспанмен бейнеленген. Бидің көмегімен адамдар табиғаттың анимациялық күштерімен, олар үшін қасиетті ата-бабалар әлемімен, рулық тотем рухымен сөйлесті. Салттық билердің символдық тілін қолдана отырып, адамдар табиғи хаосты бақылауға алуға, әлемдік тәртіпті жаңартуға және тазартуға тырысты. Бұл жағдайда адам өзін қауымдастықтан бөліспеді және әлеммен ауызша және ауызша емес қарым-қатынастың бүкіл жүйесін өзі ретінде қабылдады (Нұрланова, 1994: 48). Салттық бидің рәміздерінде оның құрылысы, анимизм идеясы, бүкіл табиғатты анимациялау сияқты заң бар екенін және сәйкесінше табиғат рухтарына бағытталған хабарды білдіретінін атап өтті.

Ежелгі адамдар әлемдегі барлық құбылыс, зат, дүние шеңберде дамиды деп сенген. Әр нәрсенің бастауы мен соңы болды, бірақ бұл полярлық ұғымдар өмірдің үздіксіз циклі-

мен байланысты. Бұл процесс күннің Жерден көрінетін қозғалысы іспеттес, күннің мұндай аллегориялық бейнелері әлі күнге дейін көптеген мәдениеттерде сақталған.

Мәдениеттің символдық формасы ретінде би табиғатқа толығымен тәуелді болған алғашқы адамның болмысында өзінің онтологиялық негізіне ие. Демек, бидің шығу тегі табиғаттың мистикалық күштерімен байланысты. Леви-Брюлль миф – мистикалық байланыс арқылы құрылған деп атады. Мистикалық байланыс – бұл заттар мен құбылыстардың нақты өзара тәуелділігінің тәсілі ретінде қабылданатын және бастан кешіретін ассоциативті-психологиялық және семантикалық байланыс.

Миф – бұл әмбебап ликантропия патшалығы: бұл нәрсе ғана емес, сонымен бірге тірі тіршілік иесі; күн – біз күнде аспанда көретін от шары, бірақ сонымен бірге құнарлылық пен құрғақшылық беретін қатал Құдай. Алғашқы адам үшін бұл көріністер екі бейнені біріктірудің нәтижесі ғана емес, үлкен ерекшелікке ие болды. Осылайша, миф адам өмірінің бейнесі және дүниетаным ретінде толығымен оның әлеммен семантикалық қосарлануына негізделген. Адам психологиялық мағынаны мұндағы заттардың бастапқы қасиеттері ретінде қабылдайды, табиғат құбылыстарын тірі тұлға ретінде қарастырады және сезінеді. Анимизм, антропоморфизм, социоморфизм, мифологиялық дүниетаным дененің экспрессивті тілін қолданатын адамдардың белгілі бір хабарламамен табиғатының құдіретті күштеріне табиғи үндеуін анықтады.

Көшпелі мәдениеттің экологиялық мәнін негіздеу ретінде шеңбердің архетипі Ұлы Жібек жолы аудандарында да кең таралған (Жұмабаева, Божбанбаев, Тургенбаева, Аубакир, Жаңабаев, 2018: 523-550).

Адам қозғалыстарының символдық тілі жануарлар қозғалысының тілінен ерекшеленеді, өйткені ол шындықты бейнелеудің жоғары формасы – санамен байланысты. Тірі табиғаттағы рефлексия формаларының эволюциясы тілдік қозғалыстардың эволюциясына әкелді. Осы қозғалыс тілін қолдана отырып, жануарлар бір-біріне өмір сүру үшін қажетті ақпаратты береді, яғни, «белгі» алып жүреді. Бұл олардың биологиялық тамақтану, өзін-өзі сақтау, көбею қажеттіліктерін жүзеге асырумен байланысты. Сол сияқты, балшырынды тапқан ара ұяға оралып, «билейді» және осылайша басқа араларды азық көзіне бағыттайды. Жануарлар мен құстардың «жұптасу билерін» де мысалға келтіре аламыз. Адам – белгілі бір құбылыстарға басқа бір нәрсенің белгісі ретінде жауап береді, бірақ бұл белгілер адамның сөйлеуінде, жазуында, өнерінде кездесетін күрделілік пен жетілуге жетпейді. Адамзат өркениеті белгілер мен белгілер жүйелерінсіз мүмкін емес, адамның ақыл-ойы белгілердің жұмыс істеуінен бөлінбейді, тіпті, ақыл-ой – белгілердің жұмыс істеуімен дәл анықталуы керек.

Белгілі бір дінге, ұлтқа, мамандыққа немесе әлеуметтік деңгейге жататынына қарамастан, біз бәріміз айналмалы бидің тілін білеміз және білеміз. Қарапайымдылық пен даналыққа қайта орала отырып, біз терең күш пен қуанышқа бөленеміз. Әуендердің өздері дұрыс қадамдарды ұсынады, ал серіктестердің қолдары кездейсоқ қателіктерге тоқтауына мүмкіндік бермейді.

Айналмалы билер Күннің аспан бойымен қозғалысын қайталайды және қасиетті жерді жауып, кіре алады және көрсете алады. Би орындалған сәтте айналасындағы затты бір мезгілде қамти отырып, оның магиялық шеңберге алып қорғайды және мән береді. Мәселен, Исламда би билеген дервиштер планеталардың өз осі мен Күн айналасындағы қозғалысына еліктейді.

Бастапқыда рәсім және би әрқашан қасиетті, қорғалатын аумақтың кеңістігін қамтыған өрнекте көрінетін айналмалы билер болды. Біз айналып өту ұғымын енгіземіз: шеңбердің орталығы болып табылатын бір нүктеде шоғырлану.

Айналып өту (латын тілінен circum айналасында + ambulātus жүру) – бұл қасиетті зат немесе пұттың айналасында қозғалу әрекеті. Ғибадатханаларды немесе құдайлардың суреттерін айналу үнділер мен буддистердің діни тәжірибесінің ажырамас бөлігі болып табылады (санскритте прадакшина деген атауға ие). Бұл әрекет христиан, иудаизм және исламда да кездеседі.

Католик шіркеуінің дін қызметшісі кейде алтарьды кадилмен фумигация жасайды. Сонымен қатар, кейбір католиктік храмдарда бұл жердің ғибадат нысанын, әдетте әулиенің жәдігерлерін немесе Исаның, Мәриямның бейнесін айналып өту дәстүрі бар. Көбінесе бұл Үшбірлікке сілтеме ретінде үш рет жасалады.

Румынияда Пасха мерекесі аяқталғанға дейін халыққа діни қызметкерлер ән айтып, шіркеуді үш рет айналып өту әдеті бар. Бұл Иса Мәсіхтің жерленуінің рәсімін білдіреді.

Таваф – исламдық қажылық рәсімдерінің бірі. Қажылық пен умра кезінде мұсылмандар Қағбаны (исламдағы ең қасиетті орын) сағат тіліне қарсы жеті рет айналып өтуі керек (На-

сыров, 2007:37-43). Аллаһқа дұға ету арқылы Қағбаның айналасында үйлесімді қозғалғанда, бір Құдайға сыйынуда сенушілердің бірлігін көрсетеді деп саналады.

Сонымен қатар, Қағба – бұл әлемдегі ең үлкен айналмалы құрылым (Хисматулин, 2008: 192). Қажылар Иудаизм мен христиандықта Ешуа кітабында исраилдіктердің Иерихонды айналып өтуі бар. Еврей сенімі Суккот мерекесінің соңында хошан Рабба кезінде айналма жолды қолданады, ал еврей қалыңдығы үйлену рәсімі кезінде күйеу жігітті айналып өтеді.

Көптеген үнді ғибадатханаларында ғибадатхананың құрылымы үнділер қауымдастығының күнделікті өмірден рухани жетілуге рухани ауысуының символизмін кезең-кезеңмен саяхаттау ретінде көрсетеді. Айналмалы амбулаториялық жолдар бар, олар арқылы ғибадат етушілер сағат тілімен қозғалады, қасиетті орынның есігінен басталып, Құдай орналасқан ішкі қасиетті орынға қарай жылжиды. Бұл өмір сүру деңгейлері арқылы Құдайдың рухани энергиясының ең қасиетті орталығына амбулаториялық залдар арқылы кірген кезде сенушілердің дене қимылдарына көшудің рухани тұжырымдамасының аудармасы болып табылады. Уақытты сақтай отырып, храмның айналасында серуендеу – үнділердің дұғасының кең таралған түрі (Аязбекова, 1999: 174). Қасиетті орынның айналасындағы тастан жасалған айналма жол Прадакшин трассасы деп аталады.

Дзен буддизмде кинхин – бұл задзен деп аталатын ұзақ отыратын медитация арасында қолданылатын серуендеу медитациясы. Тәжірибешілер бөлмені сағат тілі бағытымен жүреді, қолдарын шашуға салып, бір қолын жұдырыққа, ал екінші қолын жұдырыққа қысады немесе жабады. Жаяу медитация кезінде әр қадам әр толық дем алғаннан кейін жасалады.

Дзен буддизмінде «джундо» кез келген салттық шеңберді немесе айналымды білдіруі мүмкін. Күн сайын таңертең Тасаджарда Доши тағзым ету және хош иісті зат әкелу үшін дзендоға барар жолда төрт түрлі құрбандық үстеліне барады. Бұл дзюдо ханның бірінші соққысынан басталады және Доши үшінші соққымен дзендоға кіргенде аяқталады. Хош иісті заттар мен садақтарды қойғаннан кейін, Доши құрбандық ошағында «кентана» немесе «отыратын платформаны қарау» деп аталатын медиаторлардың артында дзендоны айналып өтеді. Доши өтіп бара жатқанда, әр тұрғын қолын гассоға тағзым етпестен көтереді; бұл дошалар мен өзара мойындауда отырғандарды біріктіреді.

Сема (айналмалы сопылар) биі Түркі тектес халықтарға тән, ол Анадолыға Орталық Азия көшпенділерімен бірге келіп, сопылық рәсімнен аз өзгерді (Назым, 2012: 402). Айналмалы бидің шығу тегі тарихи кезеңге дейінгі тереңдікте жоғалады. Олар табиғи түрде адам баласының жүрегінде өздігінен пайда болды. Әдетте, мерекелік және қарапайым жылдың оқиғаларына орайластырылды: егін егу және егін жинау үшін – бақыт пен тыныштық әкелу үшін күн мен жаңбыр элементтерінің хош иісімен орындалатын медиативті және жалынды би болып табылады. Айналмалы би табиғатпен, құдайлармен, адамдармен және жеке табиғатпен қарым-қатынас жасау үшін ерекше тіл болды. Өзіндік мәдениет пен ұлттық дәстүрлер әр түрлі жерлердегі музыка мен билерге өзінің қайталанбас жергілікті сүйкімділігін қосты. Бірақ әр түрлі кейіпкерлермен, әртүрлі елдердің адамдарымен би үйірмесінің құрылымы біріктіріледі. Адамдар қолдарын ұстап, би интуитивті білім арнасына бағыттау арқылы энергияны күшейтеді (Иса, 2004: 288).

Сағат тілімен қозғалыс іс-қимылды білдірсе, сағат тіліне қарсы қозғалыс – спираль арқылы бейсаналық аймаққа артқа қарай қозғалысты білдіреді. Орталық – бұл шығармашылық метаморфоз. Орталықты сипаттайтын орталық айналасындағы қозғалыс энергияны бір орталыққа бағыттайды. Бұл бақылау мен қауіпсіздік сезімін нығайтуға көмектесетін қасиетті процесс. Халықтық би мәдениетінің емдік сипаты бүкіл әлемде бейбітшілік орнатуға, адам денсаулығына және жалпы қоғамға айтарлықтай үлес қоса алады.

Барлық билердің қозғалысы өте қарапайым болып келеді, әр түрлі елдердің халық билерінің өзіндік қозғалысына, музыкаға, әдетте, ұлттық сипатта болды. Дегенмен, жүйенің дамуымен ол қазіргі заманғы және классикалық әуендерді де қамтиды.

Шеңбердің символикасы – шексіздік пен жетілудің бейнесі. Айналмалы би – бұл барлық қатысушылар бір уақытта өздерінің өміршеңдігін білдіретін өмірдің шексіз күшімен анықталатын құпия. Протоқазақтардың түсінігінде өмір – бұл қайталанатын үлкен цикл немесе шеңбер.

Ғылыми зерттеу әдіснамасы

Айналмалы бидің әртүрлі нұсқалары барлық халықтарға белгілі. Бидің мақсаты – өзін экстаз күйіне жеткізу, осылайша шаманның көзқарасын жақындату. Денені босатқан уақытта дене

күші, ол экстатикалық тәжірибені тудыратын рухтың күшімен ауыстырылады. Адам өмірдің басқа көрінісін қабылдай бастайды, рухтармен кездеседі, қайтыс болған ата-бабаларымен кездеседі және т. б.

Шеңберде бөліну жоқ, барлық қатысушылар тең. Шеңбер оның әр мүшесінің үлесіне байланысты: әрқайсысы маңызды және барлығы жұмыс істеу үшін қажет. Сонымен, байланыс болған кезде жеке қозғалыс және қадамдардың жеке көрінісі де болады. Би атмосферасын әркім әр түрлі қабылдайды. Осылайша біз бірауыздылық бар екенін білеміз, бірақ біркелкілік емес; біз бәріміз бірдей биді білдіреміз, бірақ өзіндік ерекше жолмен сипатталады.

Сол сияқты, бірауыздылық болғанымен, өмірдегі мақсат – біркелкілік емес. Кез келген топта бір-бірімен ортақ рухқа жету және бірлік сезімі – бұл күшті тәжірибе. Біз бәріміз ішіміздегі бір жерге, ортақ жерге қол тигіздік және әрқайсымыздан өзіміздің жеке басымыздың түрлі-түсті әйнегінен өтеді. Бұл өмір биі. Қасиетті биде біз бұл бірауыздылықты сезінеміз және бұл жаһандық мағынада мүмкін екенін білеміз. Біз барлығымыз рухани мақсатты білдіретін шеңбердің ортасына қарай жүреміз – әрқайсымыз әр түрлі, бірақ ниет бірдей.

Шеңбердің өзі қарқын алады, ол біртұтас болады және бүтін бөліктердің қосындысынан үлкен болады. Қасиетті бидің мәні біз жеке тұлға ретінде билеуге мүмкіндігіміз болған кезде сезіледі. Басы енді қадамдарды немесе сызбаны есте сақтауға тырыспайды; жад денеде, ал би медитацияға айналады. Ол қозғалыс пен энергияның калейдоскопында ағып, тоқылады. Біз бәріміз үйлесімді түрде бірге жүреміз, ал қарапайым би осы үлкен бірліктің күшті көрінісіне айналады.

Біз биде біргеміз, бірақ сонымен бірге бірегейлігімізді сақтаймыз, әрқайсымыз жеке тұтастығымызды сақтай отырып, біртұтас тұтастықтың бөлігі болып табыламыз. Бұл біздің планетадағы бір-бірімізбен және Құдаймен байланысымыздың табиғаты түріндегі тікелей өрнек. Біз шеңбердегі бишілер сияқтымыз – ортақ игілік үшін бірге қозғаламыз, бірақ әркім өз рөлін атқарады. Біздің барлығымыздың өз рөліміз бар және егер біз оны мүмкіндігімізше жасамасақ, толық болмайды. Жыртылған шеңбер сынған және ағып кетпейді. Біз қозғалыстың тереңдігі мен мағынасын сезінетін дұрыс орта құру үшін бір-бірімізбен ынтымақтасуымыз керек.

Біз бәріміз бірдей билеуге тырысамыз, бірақ қозғалыс ағымы өте маңызды. Практикалық себептерге байланысты бәрі бір бағытта қозғалғаны жөн; рухани деңгейде бұл бір мақсатта жұмыс істеу ниетінде көрінеді – бейбітшілік пен үйлесімділік, қуаныш пен тіршілік атмосферасын құру. Бұл би біздің өмір жолымыздың микрокосмосына айналғандай: егер біз бір-бірімізбен араласатын болсақ, онда әл-ауқат пен байланыс сезімі пайда болады; егер біз көршімізге қарсы тұрсақ немесе күрессек, онда үйлесімсіздік пен шиеленіс бар.

Бізді әрдайым баурап алатын қасиетті бидің бір аспектісі – айнадағы шағылыстың әсері. Біз сабақ бергенде, шеңбердің қарама-қарсы жағындағы адамдарға олар менің жасаған әрекеттерімді өзгертуі керек екенін ескертемін. Оларға Біз сұрағанымның керісінше істеп жатқан сияқтымыз! Бұл өмір сияқты. Сізге біреу мүлдем қарама-қарсы бағытта келе жатқан сияқты болып көрінген кезде, тағы бір рет қарап, «шеңбердің екінші жағында» дәл сол қадамдар жасап, іс жүзінде сол бағытта қозғалатындығын шешіңіз. Мүмкін олар сізге қарсы емес шығар, бірақ өмір шеңберінің басқа нүктесінде.

Қасиетті айналмалы бидің ерекшеліктері мен негізгі принциптері бидің әр қатысушысына, олардың қабілеттеріне немесе тәжірибесінің болмауына қарамастан, қарым-қатынас қуанышын беру болды:

- Қозғалыстардың қарапайымдылығы мен табиғилығы;
- Ең маңызды бөлігі көрермендерге емес, қойылым мен демонстрацияға арналған; бірге билеу – бірге сезіну және сезіну;
- «Қожайын» және «құл», жақсы және жаман билер жоқ, барлығы ортақ қуанышқа ұмтылады;
- Әр түрлі халықтар тұрғысынан ортақ тіл, табиғатпен анықталған жалпы адам көріністері.

Айналмалы билер Қазақстан аумағында кең таралған. Дәстүрлі аң аулау билері, әскери билер американдық үндістер сияқты дәстүрлі қоғамдарда өмір салтының маңызды аспектісін құрады және көптеген африкалық тайпалар мен халықтарға белгілі. Қазақстан аумағында сақ-период кезінде шайқастардың сәтті аяқталуын қамтамасыз ететін, әскери рухтың көтерілуін ынталандыратын әскери билер өткізілді. Әскери билер ұжымдық ерік-жігер мен күшті дамыту, ұлы істерге шабыт беру үшін қолданылды. Олар ерлік мұраттарын көзбен қалыптастырды. Бақсылардың салттық билері көшпелі түркі мәдениетінде маңызды орын алды. Олар «бақсы» деп аталды, әрине, әртүрлі емшілердің үлкен рөлін атқарды. Бақсы рухтарды басқарып, олар-

ды көмектесуге шақырды. Қасиетті мақсат үшін бақсылар билердің техникалық шеберлігіне қол жеткізуге тырысып, салттық билерді барынша мәнерлі де бейнелі орындауға тырысады.

Осылайша, бақсы өзінің жолдауының мағынасын рухтарға, би тілі арқылы жеткізуді ойлады. Эмиль Дюркгейм мен қазіргі қазақстандық мәдениеттанушы Б.Г. Нұржановтың пікірінше, салт-дәстүр дінді ығыстырды. Осы мәлімдемелерге сүйене отырып, әлемдік діндердің қай биден бұрын екендігі туралы шешім қабылдауға болады (Нұржанов, 1992:130).

Шығыс классикалық биінің сюжеттері мен мағынасының қайнар көзі – Мысыр, Үнді, Қытай және Жапон қоғамы – пұтқа табынушы құдайлар мен батырлар туралы баяндайтын мифология болды. Үнді мифологиясына сәйкес, Шива – бидің меценаты. Шива табынуының көптеген таңғажайып белгілері мен сыртқы келбеті Үнді триадасында (Брахма, Вишну және Шива – Брахманның үш беті) ол әр кезеңнің соңында әлемді құртатын Құдай (Кальпа) екендігіне байланысты. Шиваның бұл ғарыштық биі «Ананда-тандава» деп аталады, ол бақыт биін білдіреді және жаратылыс пен жойылудың ғарыштық циклдерін, сондай-ақ туылу мен өлімнің күнделікті ырғағын білдіреді. Би – мәңгілік энергияның бес негізгі көрінісінің – жаратылыс, жойылу, сақтау, құтқару және иллюзияның көркем аллегориясы. Кумерсвамидің айтуынша, Шива биі де оның бес әрекетін ұсынады: «Сришти» (жаратылыс, эволюция); «Стхити» (сақтау, қолдау); «Самхара» (жойылу, эволюция); «Тиробхава» (иллюзия); және «Ануграха» (босату, босату, рақым). Би Шива энергиясының көрінісі ретінде түсініледі.

Би мифтен бөліну арқылы оны жеңетін өнерге айналды. Бидің әлеуметтік-мәдени шеңбері, жоғарыда айтылғандай, мифологиялық рәсімдерді құрайды, онда адам құдайлық күштердің көрінісі ретінде өмірден шабыт алады және өзі оның бейнесі болады. Бидің символдық тілінің көмегімен адам Құдай күштерімен сөйлесті. Алайда, бұл рәсімдер сөздің шынайы мағынасында би өнері болған жоқ, өйткені олар ең алдымен сиқырлы сипатта болды және эстетика мен мистикаға бағытталмады, сонымен бірге өте практикалық мақсатқа ие болды: пұтқа табынушы құдайлармен байланыс, ауа-райының өзгеруін сұрау, аң аулауға сәттілік. Маңызды бастапқы билердің бірі ойын ретінде би болды.

С.Ш. Тілеубаев ойынның басталуын кландық және генетикалық би ретінде анықтайды (Аманов, Мұхамбетова, 2002:116). Ойын әрдайым жұмыспен, сұлулықтың пайда болуымен және сұлулық сезімімен байланысты, ол қатысушыларға ләззат әкеледі, бұл би өнерінің ерекшелігі.

Нәтижелері және талқылама

Үйсін, Қаңлы, Алан бірлестіктерінің мүшесі болған Сақ тайпалары өздерінің салттық және халықтық көркемдік дәстүрлерін, оның ішінде бақсылық дәстүрлерін сақтап қалды. Ырғақтың эмоционалды мәні ежелгі қазақ бақсысының (шаман) Таяу Шығыс сопылық халық билері Дервиш-Бекташимен тәжірибесін бастауға себеп болды. Үйсіндердің мәдениеті сиқырлы элементтермен толықтырылған сақ мәдениетінен көп үлес алды. Белгілі этнограф У. Жәнібеков былай деп жазды: «Ежелгі билердің көптеген канондық формалары бізге жетпесе де, олардың сюжеттерінің бөліктері халық жадында қалды, көптеген ұрпақтардың дәстүрлі әуестігі би пластикасы мұраттарымен болды. Қазақ өнерінің бұл түрі ешқашан ым-ишарат, қимыл-қозғалыс және бидің «механикасының» белгілі бір жүйесімен шектелмеген. Фольклорды, артефактілерді, жазбаша дереккөздерді, қазақ тілінің лексикасын зерттеу би, мейлі ол бақсылық болсын, немесе ойын биі болсын, оны рухани мәдениетпен байыта отырып, ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейінгі қазақ қоғамының бүкіл даму үдерісін сүйемелдеді деп пайымдауға негіз береді» (Жәнібеков, 1992:190).

Би қимылдарының мағынасы утилитарлық сипатта болды: ол табиғат анаға, ата-бабалардың рухына бағытталған адамдардың үміттері туралы хабарлама білдірді. Сиқырлы рәсімдер тікелей мақсаттарға ұмтылады. Өмірдің қиын кезеңдерінде, мысалы, ұзақ құрғақшылық егіннің бұзылуына әкеліп, тайпаның жойылып кетуіне қауіп төндірген кезде, сиқырлы дағдарыс рәсімі – жаңбыр биі орындалды (Акимушкин, 1989: 3-7). Лосевтің кейіпкерлердегі белгі туралы ойлау логикасына объектіге бастапқы және қарабайыр бағыт ретінде оралсақ, салттық билерде ым-ишара, ырғақ, қозғалыс, бет-әлпет, бет-әлпет бояуы, костюм элементтері, ауызекі дыбыстар, ән әндері белгілер ретінде қолданылған деп айта аламыз.

Дж.Фрейзер көптеген тайпаларда ұзаққа созылған құрғақшылық кезінде жаңбырдың қандай рәсімдері билермен бірге жүретіні туралы көптеген мысалдар келтіреді. Сонымен,

Оңтүстік-Шығыс Африкадағы Баронг Банту тайпасының әйелдері алты айлық құрғақшылықтан кейін жаңбырдың биін орындайды,

әдеттегі киімнің орнына шөп белдіктерін, бас киімдер мен қысқа лиана белдемшелерін киеді. Бұл пішінде олар өткір сын шығарады және ұяттан тыс әндер айтып, құдықтарды айналып өтіп, оларды кірден тазартады. Содан кейін үйге тайпаның ауа-райын басқаруға мүмкіндігі бар жаңа туған егіздермен бірге барады. Мұнда әйелдер құмыраларда туылған егіздердің анасынан су шашады. Содан кейін олар әр түрлі әдепсіз билермен айқайлап, ән айтады. Біздің ойымызша, ұжымдық бейсананың архетиптеріне негізделген символдық – арандатушылық эротикалық мінез-құлықтың бұл формасы аспанның назарын жерге де, әйелге де аударуға тырысты, бұл жаңбырдың басталуына себеп болды. Еуропаның оңтүстік-шығысында, әсіресе Фессалия мен македониялық гректерде жаңбырдың пайда болуы жоғарыда сипатталған банту баронг тайпасының рәсімін еске түсіреді. Құрғақшылық кезінде сербтер қарапайым киімнің орнына шөптермен, өсімдіктермен және гүлдермен кішкентай қызды киіндіреді. Оның беті де жасыл өмірден көрпе астында жасырылды. Оған Додола есімі берілді. Қыздармен бірге ол ауылда жүреді. Шеру әр үйдің алдында тоқтады. Додола ешқашан биге айналмайды. Үй иесі оған бір шелек су құяды (Башарин, 2011: 34-35).

Сонымен, айналмалы билер мен айналмалы әлемнің өрнектері көшпелі қазақ халқы үшін архетиптік бастама ма, әлде мәдени аберрация ма?

Әлемнің қосарлануы қазақтар үшін қозғалыс пен тыныштық заңы ретінде белгілі, барлық табиғи құбылыстарда байқалды. Айналасында жұлдызды аспанның қозғалысын қамтамасыз ететін қозғалмайтын нүкте – Темір қазық (ursae Minoris) – киіз үйдің қозғалмайтын нүктесі және қашықтықта тұрақты кестеленген жылжымалы көкжиек, барлығы бірге біртұтас ғарыш – өмір кеңістігін құрды. Отырықшы қоғамдардың көршілестік нүктесі қимылсыз болып, көшпенділердің бір демалыс нүктесінен шығысқа, екінші нүктеге батысқа қарай жылжуы олардың тұрмыс-тіршілігін қамтамасыз етіп, сол арқылы адамның үшбірлігін, бейбітшілікті, аспанның, жердің және адамның бөлінбейтіндігін түсінуі үшін жағдай жасады.

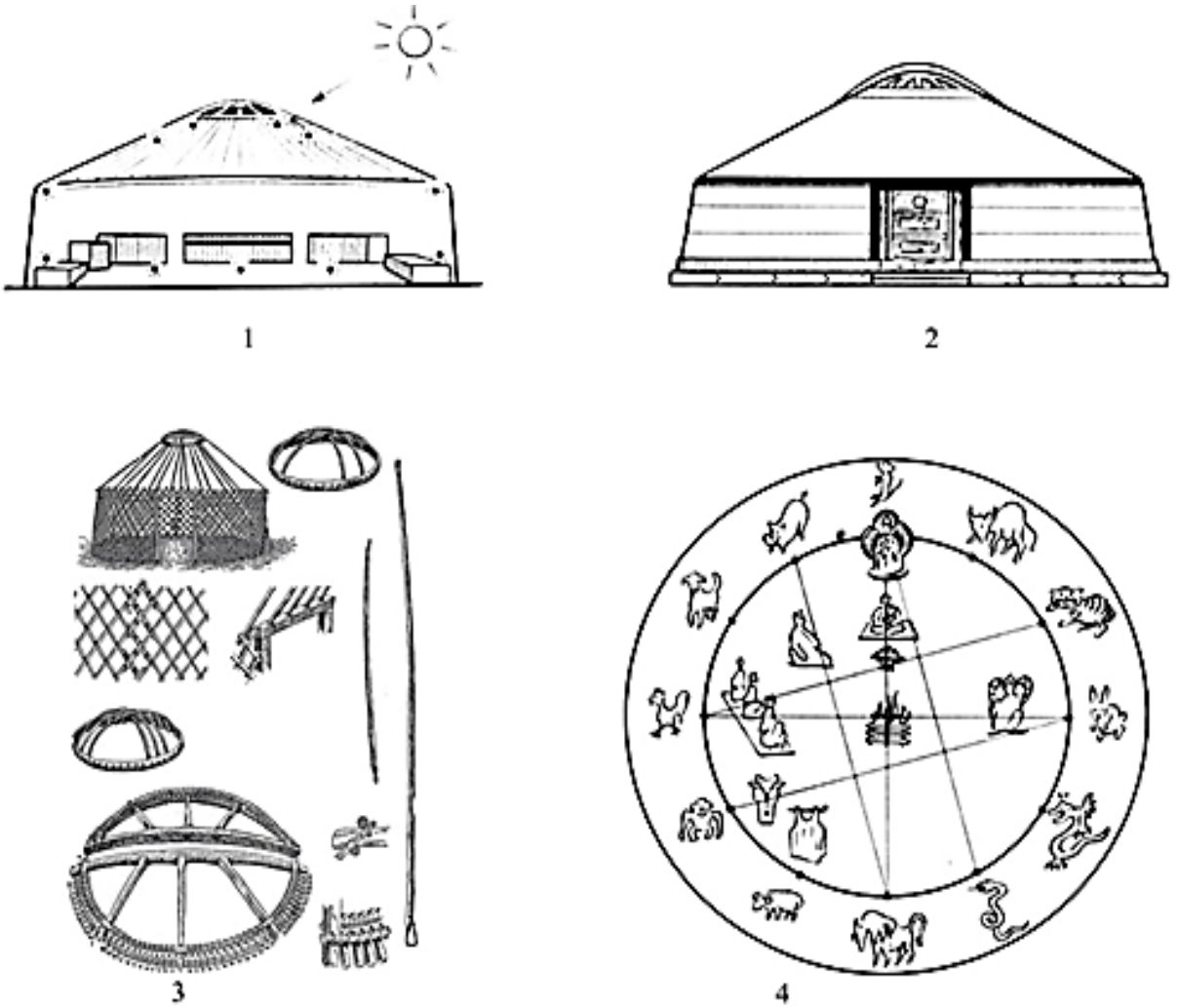
Тақырып қандай да бір заттың белгісі болды. Нысан мәдениеттің көрсеткіші болуы үшін ол практикалық және символдық талаптарға сай болуы керек. Осыған байланысты біз мәдениетті зерттеуші А. Лерой-Гуранның: «баспанаға символдық мән беру арқылы ғана адамдардың кеңістікті қалай игеретіні» туралы айтуға болады (Байбурин, 1981: 215-226).

Туындының бұлжымас заңының негізі, егер бар нәрсенің негізі сфера нысанындағы ұсақ бөлшектерден тұратын болса, онда қазіргі бар болмыстың негізі сфера нысанындағы форма болып табылса, онда киіз үй – сфераның жартысы, осы форманың бірінші бөлігі. Киіз үйге кіретін және шығатын әрбір адам ғажайып, шексіз әлеммен байланысты. Осы дүниенің жартысы сияқты, киіз үй де кереге, уық, шаңырақ арқылы жасалған керемет күмбездің формасын білдірсе, киіз үй де көгілдір күмбез туралы түсінік қалыптастырса, киіз үй де әлемді жарату үлгісі туралы түсінік қалыптастырған (Марғұлан, 1964: 23).

Қазақ үйі коммуникациялық нышандарға толы. Шаңырақ – бірнеше күлдіреумен бекітілген айналмалы ағаш. Үйдің ағаш қаңқасы киізбен жабылған. Қазақ үйіндегі киіз жабынның көлемі де, атауы да әртүрлі. Көмейді жабатын төменгі жақ киізі жалпы деп аталады, көмейді жабатын киіз үзік-үзік деп аталады. Ұзын тоқылған шиге тігілген киіз үйдің есігін жабу үшін қолданылады. Қазақ тілінде «Шаңырағың биік болсын!», «Шаңырақ көтерді», «Шаңырағы ортасына құлады» және т.б. бұл қазақтардың отбасы ұғымы шаңырақ ұғымымен тығыз байланысты екенін дәлелдейді. Біз тіпті синоним сөз ретінде қолданыла беретінін көреміз. Шаңырақтың қасиетті мағынасын киіз үйдің негізгі элементі ретінде түсінетін адам отбасының қазақтар үшін қаншалықты құнды және қасиетті екенін біледі (1-сурет).

Қазақтың киіз кілемдерінде қазба жұмыстары кезінде табылған төрт құлақ, шеңбер, қола пластиналардағы жануарлардың түрлі бейнелері кездеседі. Шеңбер – от пен аспан денелерінің, жоғарғы Иеміздің, адам өмірін қорғаушының символы. Төрт құлақ – күннің символы. Күн мен Ай – қазақтардың ежелгі құдайлары. Көшпенділер өмірінде жылқылар ерекше орын алады. Олар ең жақсы атты құрбан ету арқылы оның тұяғы бар бас сүйегі шеру кезінде белге байланған. Бұл рәсім жауынгерді өлімнен құтқарады деп сенді. Сондықтан әдемі силуэттердің суреттерін кілемдер мен өрімдерден жиі көруге болады (Борбасова, Альджанова, 2015: 108-116). Шаңырақтың шеңберге айналуы да қазақтардың көне идеяларымен байланысты болуы мүмкін. Шеңбер, біріншіден, шексіз қозғалыстың символы, екіншіден, аспан денелері. Үйде, Заңда және қоғамда күннің жан-жақты бейнесі болады. Өйткені, күн – қазақтардың ең көне сенімдерінің бірі. Күн – бақыт, Күннің шығуы – қуаныш, күн сәулесі – құтқару. Бұл күн табиғаттың қатал

сиқырының қаһарынан құтқарады. Суықтың жылуы, суықтың еруі, жер анаға жан бітіруші де күн болып табылады. Мүмкін, бұл ошақ басында отырған қазақ қарттары шаңыраққа қарап, өздерін осы күнге арнайтынын білдіреді. Шаңырақтың айналмалы ағашы туғын деп аталады. Кресттер тоғанның тесіктеріне бірнеше жерде орналастырылған. Шеңбер – бұл көк аспанның бейнесі, жерді қоршап тұрған кеңістік. Түн көк теректің (өмір ағашы) бұтақтары болады. Осыған байланысты қазақтарда аңыз бар: «Терек – бұл өмір ағашы, сондықтан Жер бетіндегі барлық адамдардың жаны осы ағаштың жапырақтарын белгілейді. Жер бетіндегі адамдардың бірі қайтыс болды, ал екіншісі дүниеге келеді. Дәл солай, бір терек парағы үзіледі, ал басқасы өсіп шығады, яғни, бір адам қайтыс болған кезде, көк терек бір жапырағын да жоғалтады. Жапырақ – бұл өмір ағашымен қоректенетін қайтыс болған адамның жаны. Алынған жапырақ (әлемнен оралған адамның жаны) басқа парақпен байланыста болған кезде, осы жапырақтың жанының жер иесінің құлағы бұралып қалады (Борбасова, Альджанова, 2015: 108-116).



1-сурет – Қазақ үйі (киіз үй) – әлеммен коммуникация моделі
Қазақ киіз үйінің бейнесі: 1) ішкі құрылымы; 2) сыртқы түрі; 3) бөлшектері;
4) қазақ күнтізбесі: жануарлардың 12 жылдық циклі (Борбасова, Альджанова, 2015: 108-116).

Қорытынды және тұжырымдама

Ең ежелгі салттық билер өте қарапайым болды, олар ғаламның мәңгілік архетиптерін білдірді: шеңбер, шаршы, спираль, сызық, нүкте. Жеке өмірдің немесе тайпалық өмірдің әр оқиғасы жеке кеңістіктегі ғарыштық процестердің көрінісі ретінде түсінілді. Адам денесі – бұл

ғарыштық күштердің өзі арқылы көрінуінің тірі түрі. Ғарыштық принципті қозғалыс арқылы жүзеге асыру. Әлеуметтік және салтанатты билердің арасында ешқандай айырмашылық болған жоқ – адамдардың ойлауы «діни» болды, бірақ бүкіл мәдениет пен өмір салты жалпыға ортақ жерде қалғанын орынды көрсетті.

Мәдениеттің символдық формасы ретінде бидің генезисі сиқырлы рәсімдермен байланысты болды, онда ол ұжымдық сананы білдіру және табиғат рухтарымен қарым-қатынас жасау құралы ретінде қолданылды. Анимизм және гилозоизм сияқты мифологиялық дүниетаным – табиғатта бар нәрсені тірі деп тану, антропоморфизм – адами қасиеттердің табиғатқа берілуі, социоморфизм – табиғат сипаттамаларының қоғамға берілуі салттық билердің тілінде көрініс тапты. Жанды табиғаттың реттілігі би құрылысында көрініс тапты, көрінетін және көрінбейтін әлемдер бір-біріне біріктірілді. Қозғалыстардың, қимылдардың, позалардың, мимиканың, дененің немесе киімнің сәйкес түсінің мағынасы әлемнің мифологиялық бейнесімен тікелей байланысты болды.

Әдебиеттер

Акимушкин О. (1989). Сопылық бауырластық: проблемалардың күрделі түйіні. Тримингемде, Дж. с., Исламдағы сопылық бұйрықтар. – София. 3-7 б.

Аманов Б.Ж., Мұхамбетова А.И. (2002). Қазақтың дәстүрлі музыкасы және жиырмасыншы ғасыр. – Алматы: Дайк Пресс. 116 б.

Аязбекова С.С. (1999). Музыка әлемі: уақыт – мәдениет – этнос. Алматы: Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің Философия және саясаттану институты. – 174 б.

Байбурин А.К. (1981). Б.Н. Путиловтағы заттар мен мифологияның семиотикалық мәртебесі: материалдық мәдениет және мифология. 3-том. – Алматы: Ғылым. 215-226 б.

Башарин П.В. (2011). Діндану, 1 (4), 34-45 б.

Борбасова К.М., Альджанова Н.К. (2015). Қазақ киіз үйінің этнотаңдық жүйесі. Қазақ киіз үйінің Жаршысы. // "Философия" Сериясы. Мәдениеттану сериясы. Саяси ғылымдар сериясы, 53 (4), 108-116 б. https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/173/174.

Иса А.К. (2004). Сопылықтың ақиқаты. – Мәскеу: Ансар. – 288-б.

Жәнібеков О. (1992). Керуен уақыты. – Алматы: Жазушы. – 190 б.

Жұмабаева А., Божбанбаев Б., Тургенбаева А., Аубакир А., Жаңабаев К. (2018). Қоршаған ортаның рөлі: түркі халықтарының тарихындағы Жібек жолы // Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар журналы, 34(85), 523-550 б.

Марғұлан Ә. (1964). Қазақ киіз үйі және оның жабдықтары. – Мәскеу: Ғылым. – 23 б.

Назым, С.М. (2012). Мейірімділік мұхиттары. Жүрек айнасын жылтырату. – Мәскеу: Старклайт. – 402 б.

Насыров И.Р. (2007). Ислам мистицизмінің (сопылық) мәні туралы // Діндану, 1(4), 37-43 б.

Нұржанов Б.Ғ. (1992). Мәдениеттану: дәрістер курсы. – Алматы: Ғылым. – 130 б.

Нұрланова К. (1994). Адам және әлем: қазақтың ұлттық идеясы. – Алматы: Қаржыгер. – 48 б.

Хисматулин А.А. (2008). [[Суфизм]]. – Санкт-Петербург: Петербург Шығыстану. – 192 б.

References

Akimushkin O. (1989). Sopylyқ bauyrlastyқ: problemalardyң kүrdeli tүjini. Trimingemde, Dzh. s., Islamdaғy sopylyқ bұjryқtar (3-7 better). Sofiya.

Amanov B. ZH. Mұhambetova A. i. (2002). Қazaқtyң dəstүrli muzykasy zhəne zhiyrmasynshy ғasyr (116 bet). Almaty: Dajk Press.

Ayazbekova S.S. (1999). Muzyka əlemi: uaқyt-Mədeniet-etnos (174-bet). Almaty: Қazaқstan Respublikasy Bilim zhəne ғylym Ministrliginiң Filosofiya zhəne sayasattanu instituty.

Bajburin A. K. (1981). B. N. Putilovtaғy zattar men mifologiyanyң semiotikalyқ mərtebesi (Red.), materialdyқ mədeniet zhəne mifologiya (3-tom, 215-226 better). Ғylym.

Basharin P. V. (2011). Dintanu, 1 (4), 34-45.

Borbasova k. m. zhəne Al'dzhanova N. K. (2015). Қazaқ kiiz үjiniң etnotaңdyқ zhүjesi Қazaқ kiiz үjiniң ZHarshysy. «Filosofiya» Seriyasy. Mədeniettanu seriyasy. Sayasi ғylymdar seriyasy, 53 (4), b.108-116. https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/173/174.

Isa A.K. (2004). Sopylyқtyң aқiқaty (288-bet). Məskeu: Ansar.

ZHənibekov O. (1992). Keruen uaқyty (190 bet). Almaty: ZHazushy.

ZHұmabaeva A., Bozhbanbaev B., Turgenbaeva A., Aubakir A. zhəne ZHaңabaev k. (2018). Қorshaғan ortanyң rəli: tүrki halyқtarynyң tarihyndaғy ZHibek zholy. Gumanitarlyқ zhəne əleumettik ғylymdar zhurnaly, 34(85), 523-550.

Marғұlan Ə. (1964). Қazaқ kiiz үji zhəne onyң zhabdyқtary (23-bet). Məskeu: Ғylym.

Nazym, S.M. (2012). Mejirimdilik mұhittary. ZHүrek ajnasyn zhyltyratu (402 bet). Məskeu: Starklajt.

Nasyrov I. R. (2007). Islam misticizminiң (sopylyқ) məni turaly. Dintanu, 1(4), 37-43.

Nұrzhanov B.Ғ. (1992). Mədeniettanu: dərister kursy (130 bet). Almaty: Ғylym.

Nұrlanova K. (1994). Adam zhəne əlem: қazaқtyң ұlttyқ ideyasy (48-bet). Almaty: Қarzhyger.

Hismatulin A. A. (2008). [[Sufizm]] (192-bet). Sankt-Peterburg: Peterburg SHyғystanu.

Романизированный список литературы должен выглядеть в следующем виде: автор(-ы) (транслитерация – http://www.translit.ru) → (год в круглых скобках)→название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация, либо английское название – если есть), выходные данные с обозначениями на английском языке.

3-бөлім

САЯСАТТАНУ

Section 3

POLITICAL SCIENCE

Раздел 3

ПОЛИТОЛОГИЯ

МРНТИ 04.51.35 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.09

А.А. Великая*, С.А. Семедов

Институт Управления и Регионального Развития Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва,
*e-mail: annavelikaya85@yandex.ru

СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

При всё большем внимании, уделяемым международным сообществом объединительным возможностям спорта, добиться его деполитизации не получается, политика вносит свои коррективы, спорт становится заложником внешнеполитического соперничества и не всегда направлен на укрепление сотрудничества на международной арене. Многие страны используют стратегические коммуникации в области спорта, направленные на очернение или бойкотирование спортивных достижений других государств. В противовес этому инструменту спортивная дипломатия, хотя и призвана продвигать внешнеполитическую повестку собственной страны, при этом она способствует укреплению международного диалога. В данной статье спортивная дипломатия рассматривается как внешнеполитический инструмент создания привлекательного образа страны на международной арене с помощью проведения и участия в международных спортивных мероприятиях, направления представителей в международные спортивные федерации и профильные агентства. Выявляются различные измерения спортивной дипломатии – от организации всемирных состязаний до поддержки направления представителей страны для работы в профильных международных агентствах и комиссиях. Авторы проводят анализ уникального опыта стран региона, рассматривают основные шаги в области спортивной дипломатии, обозначают её ограничения и достижения. В статье вводится тезис о том, что поскольку организация спортивных мероприятий мирового уровня является финансово затратной, постсоветским странам можно ориентироваться на иные формы спортивной дипломатии: региональное взаимодействие, продвижение национальных видов спорта, применение возможностей культурной и народной дипломатии в области спорта. В заключении приводится вывод о возможности расширения форматов спортивной дипломатии, укрепления многостороннего и двустороннего сотрудничества постсоветских стран в данной сфере.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, постсоветские страны, внешняя политика, публичная дипломатия, Олимпийские игры, МОК, Всемирные игры кочевников.

A.A. Velikaya* , S.A. Semedov

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration Russia, Russia, Moscow,
*e-mail: annavelikaya85@yandex.ru

Sports diplomacy of the Post-Soviet states

With the increasing attention paid by the international community to the unifying potential of sport, it is impossible to achieve its depoliticization, politics makes its own adjustments, sport becomes hostage to foreign policy rivalry and is not always aimed at strengthening cooperation in the international arena. Many countries use strategic communications in the field of sports aimed at denigrating or boycotting the sports achievements of other countries. In contrast to this tool, sports diplomacy, although designed to advance the foreign policy agenda of its own country, at the same time, it contributes to the strengthening of international dialogue. In this article, sports diplomacy is viewed as a foreign policy tool for creating an attractive image of the country in the international arena through holding and participating in international sports events, sending representatives to international sports federations and specialized agencies. Various dimensions of sports diplomacy are identified – from organizing world competitions to supporting the sending of country representatives to work in specialized international agencies and commissions. The authors analyze the unique experience of the countries of the region, consider the main steps in the field of sports diplomacy, identify its limitations and achievements. The article introduces the thesis that since the organization of world-class sports events is financially costly, post-Soviet countries can focus on other forms of sports diplomacy: regional interaction, promotion of national sports, the use of cultural and people's diplomacy in the field of sports. In the conclusion, a

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

conclusion is made about the possibility of expanding the formats of sports diplomacy, strengthening multilateral and bilateral cooperation of the post-Soviet countries in this area.

Key words: sports diplomacy, Post-Soviet states, foreign policy, public diplomacy, Olympic games, IOC, World Nomad games.

А.А. Великая*, С.А. Семедов

Ресей Федерациясы Президентінің жанындағы Ресей халық шаруашылығы және мемлекеттік қызмет академиясы, Ресей, Мәскеу қ.
*e-mail: annavelikaya85@yandex.ru

Посткеңестік елдердің спорт дипломатиясы

Халықаралық қауымдастықтың спорттың біріктіру мүмкіндіктеріне көбірек назар бөлуімен оны саясатсыздандыруға қол жеткізу мүмкін емес, саясат өз түзетулерін енгізеді, спорт сыртқы саяси бәсекелестіктің кепіліне айналды және әрдайым халықаралық аренадағы ынтымақтастықты нығайтуға бағытталмайды. Көптеген елдер басқа мемлекеттердің спорттық жетістіктерін қаралауға немесе бойкот жариялауға бағытталған спорт саласындағы стратегиялық байланыстарды пайдаланады. Бұл құралға қарама-қарсы спорттық дипломатия өз елінің сыртқы саяси күн тәртібін ілгерілетуге тартылса да, бұл ретте ол халықаралық диалогты нығайтуға ықпал етеді. Берілген мақалада спорттық дипломатия халықаралық спорттық іс-шараларды өткізу және қатысу, халықаралық спорт федерациялары мен мамандандырылған агенттіктерге өкілдерді жіберу арқылы халықаралық аренада елдің тартымды бейнесін құрудың сыртқы саяси құралы ретінде қарастырылады. Спорттық дипломатияның әлемдік жарыстарды ұйымдастырудан бастап, ел өкілдерін мамандандырылған халықаралық агенттіктер мен комиссияларда жұмысқа істеуге қолдау көрсетуге дейінгі түрлі өлшемдері анықталды. Авторлар ел аймақтарының бірегей тәжірибесін талдайды, спорттық дипломатия саласындағы негізгі қадамдарды қарастырады, оның шектеулері мен жетістіктерін айқындайды. Мақалада әлемдік деңгейдегі спорттық іс-шараларды ұйымдастыру қаржылық жағынан шығын болғандықтан, посткеңестік елдер спорттық дипломатияның басқа түрлеріне назар аударатын тезисі ұсынылады: аймақтық өзара іс-қимыл, ұлттық спорт түрлерін ілгерілету, спорт саласындағы мәдени және халықтық дипломатияның мүмкіндіктерін қолдану. Қорытындыда спорттық дипломатия форматтарын кеңейту, посткеңестік елдердің осы саладағы көпжақты және екіжақты ынтымақтастығын нығайту мүмкіндігі туралы айтылады.

Түйін сөздер: спорттық дипломатия, посткеңестік елдер, сыртқы саясат, жариялық дипломатия, Олимпиада ойындары, ХОК, Дүниежүзілік көшпенділер ойындары.

Введение

Сегодня большой спорт как никогда близок к политике. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 65/1 от 22 сентября 2010 года признаётся, что спорт «может способствовать укреплению сотрудничества, солидарности, терпимости, понимания и социальной интеграции». В Олимпийской хартии прописано, что важно поставить спорт на службу человечества и поощрять мирное общество и здоровый образ жизни посредством связи спорта с культурой и просвещением и сохранить достоинство человека без какой бы то ни было дискриминации. Миротворческая функция спорта играет важную роль в укреплении солидарности на международной арене, а его символическая функция представляет спорт в качестве образца мирного соперничества в противовес вооруженной борьбе. Поскольку количество беженцев впервые в истории человечества приближается к 80 миллионам, в Олимпийских играх Токио-2020 участвовала команда без флага – Олимпийская команда беженцев. К сожалению, при всё большем внимании, уделяемым международным сообществом объединительным возможностям спорта, добиться деполитизации спорта не получается, политика вносит свои коррективы, спорт становится заложником внешнеполитического соперничества и не всегда направлен на укрепление сотрудничества на международной арене. В результате он используется не только для создания привлекательного образа собственной страны с помощью инструментов национального брендинга – спортивной дипломатии, но и для создания отрицательного имиджа соперничающих стран посредством системы стратегических коммуникаций в области спорта.

Научная методология исследований

Спортивная дипломатия рассматривается как внешнеполитический инструмент по формированию привлекательного образа страны на

международной арене с помощью проведения и участия в международных спортивных мероприятиях, направления представителей страны в международные спортивные федерации и профильные агентства.

В противовес системы стратегических коммуникаций в области спорта спортивная дипломатия является важным инструментом укрепления мира и взаимопонимания, а также развития контактов на международной арене, поскольку она вносит существенный вклад в укрепление международного диалога, содействуя росту международного престижа стран. Как отмечают профессора СПбГУ Боголюбова Н.М. и Николаева Ю.В., «Спортивная дипломатия представляет собой вид дипломатической деятельности, в контексте которой спорт рассматривается как самостоятельный или вспомогательный инструмент достижения различных внешнеполитических целей и отстаивания национальных интересов, решения проблем и конфликтов на международной арене» (Боголюбова, Николаева 2021).

В мировой научной практике наиболее распространено определение, сформулированное австралийским профессором Стюартом Мюрреем (Stuart Murray): «спортивная дипломатия – официальная и неофициальная деятельность государств, правительств, специальных внешнеполитических органов по осуществлению задач внешней политики государства посредством организации, проведения и участия в международных спортивных мероприятиях с участием команд, спортсменов, тренеров и их достижений» (Мюррей, 2011). Спортивная дипломатия тесно пересекается с внешнеполитическими задачами.

Круг субъектов спортивной дипломатии достаточно широк.

В первую очередь, ими являются государства, поскольку многие действия на мировой спортивной арене ведутся именно от лица государств. Кроме того, к ним относятся международные спортивные объединения: общей направленности (Международный Олимпийский комитет – МОК), международные спортивные федерации (ФИФА) и национальные спортивные федерации (Федерация хоккея Казахстана), государственные структуры в сфере спорта (Минспорт) и отдельные лица (именитые спортсмены, тренеры). Отдельное влияние на спортивную дипломатию оказывают различные ТНК и бизнес-структуры, движения болельщиков и средства массовой информации. Представителями государств на мировой спортивной арене являются государственные структуры в сфере спорта.

Обоснование выбора темы. Цели и задачи

Предыстория спортивной дипломатии постсоветских стран

Советский Союз традиционно уделял значительное внимание спортивной дипломатии и для реализации внешнеполитических целей особый акцент был сделан на развитии международного рабочего спортивного движения. Так, ещё в раздираемой Гражданской войной стране в 1921 г. под эгидой Коминтерна был создан Красный спортивный интернационал с целью иметь «пролетарскую» альтернативу существующим «буржуазным» и социал-демократическим международным спортивным организациям. Важно отметить, что участие в деятельности Красного спортинтерна, наряду с деятельностью обществ дружбы за рубежом, помогло СССР преодолеть политическую изоляцию. Его бюро были открыты в 70 странах мира, что позволило установить интернациональные связи с этими государствами в сфере спортивного сотрудничества. Среди них были спортивные организации Венгрии, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии, Франции и др. Красный спортинтерн проводил различные соревнования, в которых принимали участие спортсмены из многих стран. СССР уделял существенное внимание спортивной дипломатии: так, в 1928 г. в Москве была проведена первая спартакиада, участниками которой стали 612 атлетов из 14 государств, а в 1932 г. прошла первая Всемирная спартакиада Красного спортинтерна – аналог Олимпийских игр для стран с социалистической ориентацией. Однако, с конца 1940-х гг. Советский Союз стал приглядываться к перспективам членства в Международном олимпийском комитете и в 1951 г. был образован олимпийский комитет СССР, а в 1952 г. на олимпиаде в Хельсинки состоялся дебют сборной СССР. В состав Олимпийского комитета СССР входили представители всех спортивных федераций СССР, спорткомитетов СССР и союзных республик, известные спортсмены, видные деятели спорта: Юрий Власов, Софья Муратова, Павел Колчин, Владимир Куц. Эпоха блокового противостояния не могла не отразиться и на спортивной дипломатии: на долгие годы противостояние спортсменов СССР и США украсило состязания Олимпийских игр, чемпионатов мира, многих междуна-

родных турниров. В течение 41 года членства в МОК СССР принял участие в 18 Олимпийских играх и никогда не опускался ниже второго места в неофициальном командном зачёте. По воспоминаниям многолетнего главы Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР Н.Н. Романова, «Приняв решение участвовать в соревнованиях за рубежом, советские спортсмены были обязаны обеспечить победу, иначе «свободная» буржуазная пресса будет обливать грязью не только советских спортсменов, но и весь наш народ» (Романов, 1987).

В 1958 году по инициативе СССР на базе Организации Варшавского договора был создан Спорткомитет дружественных армий (СКДА) в противовес натовскому Международному совету военных видов спорта (СИЗМ, Conseil International du Sport Militaire). СКДА являлся инструментом советской спортивной дипломатии, посредством которого удавалось не только проводить соревнования военнослужащих дружественных армий, но и повышать солидаризацию с СССР стран социалистической ориентации.

Одной из форм советской спортивной дипломатии являлась поддержка системы связей со спортивными коммунистическими рабочими организациями. В дальнейшем СССР продвигал признание национальных олимпийских комитетов (НОК) дружественных стран в МОК для усиления социалистического влияния. Также осуществлялось развитие спортивных контактов с несоциалистическими странами в рамках политики мирного сосуществования двух противоборствующих блоков. Помимо этого, особый интерес СССР вызывали страны третьего мира, которые были удобной площадкой для усиления влияния Советского Союза на международной арене. СССР активно использовал спортивную дипломатию для формирования прокоммунистического пространства в странах исламского мира (Боголюбова, Николаева, 2012).

После распада СССР постсоветские страны также сосредоточились на продвижении внешнеполитических интересов в том числе и с использованием спортивной дипломатии.

В настоящее время постсоветские страны стараются применять весь спектр инструментов для создания благоприятного образа государства в глазах внешней аудитории. Спортивная дипломатия рассматривается в качестве одного из внешнеполитических инструментов.

Результаты и обсуждение

Инструменты спортивной дипломатии постсоветских стран

К инструментам спортивной дипломатии постсоветских стран можно отнести организацию всемирных и региональных спортивных мероприятий, продвижение национальных видов спорта и использование форматов народной дипломатии.

Организация всемирных спортивных мероприятий

Организация всемирных спортивных мероприятий демонстрирует широкие возможности государства, его гостеприимство, помогает продвигать национальные ценности, культуру и историю страны. Подобным образом разрушаются негативные стереотипы и искаженные представления о государстве и его населении. Мировым лидером по количеству проводимых и запланированных глобальных спортивных мероприятий в период с 2011 по 2020 год является Россия. К крупнейшим из них относятся Универсиада в Казани в 2013 г., Олимпийские и Паралимпийские игры 2014 в Сочи, Чемпионаты мира по биатлону, фигурному катанию в 2011 г., по водным видам спорта в 2015, по хоккею в 2016, Всемирные зимние военные игры и Кубок Конфедераций по футболу в 2017 г., Чемпионат мира по футболу в 2018 г., Всемирная Зимняя Универсиада в Красноярске в 2019 г.

Одним из знаковых событий спортивной дипломатии постсоветских стран стало проведение Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 года в Сочи. Победа российской заявки на проведение Игр были успехом не только российской спортивной, но и официальной дипломатии.

Ряд стран оказывал информационное сопротивление положительной истории Олимпийских игр в Сочи посредством стратегических коммуникаций и намеренного искажения информации. Накануне Олимпиады-2014 против России была развернута целая кампания. Во время подготовки к Олимпийским играм в Сочи многие зарубежные СМИ писали о том, что Россия не справится с поставленной задачей и организация Игр будет провальной. Однако после проведения Олимпийских игр ситуация существенно изменилась. Высокие оценки в ведущих мировых СМИ были получены от всех категорий лиц, формирующих общественное мнение: от глав государств и международных организаций, журналистов, спортсменов и болельщиков.

Так, представители МОК заявили о высочайшем уровне организации и проведения зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 в Сочи. В своем выступлении на церемонии закрытия Игр Президент МОК Томас Бах отметил огромный успех данных зимних Олимпийских игр, сделав акцент на том, что в Сочи за 7 лет удалось реализовать проекты, на которые в других частях света требовались десятилетия: по его мнению, все увидели новое лицо России – успешное и дружелюбное, патриотичное и открытое всему миру.

Москва придала огромное значение зрелищности игр с учётом национального колорита: Олимпийский огонь на атомном ледоколе был доставлен на Северный полюс, побывал на дне озера Байкал, на самой высокой точке Европы – на вершине Эльбруса, а Олимпийский факел, которым зажгли чашу огня на церемонии открытия, впервые побывал в открытом космосе, на церемонии открытия выступали «послы доброй воли» – Денис Мацуев, Анна Нетребко, Валерий Гергиев, Валентина Терешкова. Олимпийские игры стали впечатляющим событием мирового масштаба, которое оставило богатое Олимпийское наследие, положительно отразилось на имидже России, повлияло на восприятие страны на мировой арене.

Еще одним значимым спортивным событием мирового масштаба стал 21-й Чемпионат мира по футболу 2018, прошедший в России. Он впервые проводился в Восточной Европе, на территории сразу двух частей света – Европы и Азии.

Проведение чемпионата мира по футболу на территории России, так же как и Олимпийских игр, открыло для страны новые возможности по формированию позитивного имиджа за рубежом, пропаганды ее культурного, языкового и исторического наследия, научно-технологического, экономического и человеческого потенциала.

Несмотря на попытки дискредитации России, Чемпионат мира по футболу-2018 оказал положительное влияние на её восприятие за рубежом, значительно укрепил её имидж в глазах мирового сообщества. За время проведения данного Чемпионата страну посетило более 5 млн человек со всего мира. Россия продемонстрировала гостеприимство и высокий уровень готовности к проведению соревнований, принятию огромного потока туристов. Высочайший уровень подготовки турнира подтверждается отзывами политиков, знаменитых спортсменов и спортивных деятелей. Так, глава Международной федерации футбола (ФИФА) Джанни Инфантино заявил, что это был самый лучший и красивый чемпионат. 45-й президент США Дональд Трамп поблагодарил страну за фантастический чемпионат с фантастической атмосферой.

Среди глобальных имиджевых мероприятий постсоветских стран можно выделить «Всемирные игры кочевников», прошедшие в Киргизстане в 2014, 2016 и 2018 гг., решение о проведении которых было принято в 2012 году в ходе подписания президентами Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции Бишкекской декларации на саммите тюркоязычных стран. В третьих Играх кочевников в 2019 году приняли участие команды из семидесяти девяти государств, на церемонии открытия Игр присутствовали почётные гости: президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, наследный принц эмирата Фуджейра Объединенных Арабских Эмиратов шейх Мохаммед бин Хамад бин Мохаммед Аль-Шарки и глава Татарстана Рустам Минниханов. Под эгидой ЮНИСЕФ были проведены Детские игры кочевых народов. Игры кочевников являются крайне интересным кейсом использования спортивной дипломатии с применением ресурсов как парадипломатии (межрегиональных связей – проведение на Иссык-Куле), официальной дипломатии путём приглашения высокопоставленных зарубежных гостей и национального брендинга – развитие туристического потенциала.

К менее масштабным, но глобальным событиям в области спортивной дипломатии постсоветских стран можно отнести зимнюю Азиаду 2011-го года и Всемирные зимние студенческие игры (Универсиаду) 2017-го года, организованные Казахстаном, а также Европейские игры 2015-го года – «Олимпиаду для Европы», организованные Азербайджаном.

Масштабные спортивные мероприятия являются инструментами национального брендинга, однако, в то же время, они являются крайне затратными, необходимость их проведения не всегда легко объяснить гражданам стран со стагнирующей экономикой. Внешнеполитическая целесообразность в этом случае должна учитывать внутриполитическую повестку и насущные экономические задачи.

Региональные форматы спортивной дипломатии постсоветских стран

Региональные форматы спортивной дипломатии постсоветских стран связаны с гуманитарным измерением: в рамках МФГС, в рамках

военно-спортивного сотрудничества, в виде продвижения национальных видов спорта.

Спортивная дипломатия в рамках Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств (МФГС).

Спорт является неотъемлемой частью гуманитарного сотрудничества постсоветских стран. Миссия созданного в 2005-м году МФГС как специализированной организации в области гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ – способствовать развитию общего гуманитарного пространства и межкультурного диалога в Содружестве в том числе посредством спорта.

В области спорта МФГС с 2008 г. поддерживает Международные спортивные игры государств – участников СНГ, способствующие развитию как «спорта высоких достижений», так и массового спорта на пространстве Содружества, а также расширению спортивных связей, повышению международного престижа спортивных соревнований СНГ. Так, с 3 по 9 мая 2021 года прошёл Второй Евразийский футбольный турнир среди юношеских команд на кубок «Евразия» и «ШОС», посвященный 76-летию Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. и 30-летию образованию Содружества Независимых Государств.

В то же время следует отметить недостаток освещения со стороны СМИ данного формата сотрудничества государств-участников СНГ, зачастую информацию о данных мероприятиях можно найти лишь на сайте МФГС.

Спартакиады и военно-спортивные игры дружественных армий государств-участников СНГ

В рамках сотрудничества постсоветских стран ежегодно проходят спартакиады и военно-спортивные игры дружественных армий, направленные на развитие человеческих и гуманитарных связей постсоветских стран. В то же время состязательная сторона данного направления спортивной дипломатии заключается в отстаивании в том числе и внешнеполитических интересов, поддержания престижа страны путём создания привлекательного образа собственных вооружённых сил в глазах ближайшего регионального окружения.

Продвижение национальных видов спорта: самбо, гиревой спорт

Постсоветские страны на международных площадках продвигают национальные виды спорта, общие для стран региона: самбо и гиревой спорт.

Самбо. Самбо включает наиболее эффективные приёмы и тактики различных видов спортивных единоборств народов постсоветских стран: азербайджанской (гюлеш), армянской (кох), грузинской (чидаоба), казахской (казакша курес), киргизской борьбы курёш, молдавской (трынта), таджикской гуштингири, узбекской (ўзбекча кураш). Самбо является единственным международно признанным видом спорта, официальным языком которого является русский. 20 июля 2021 года Международный олимпийский комитет (МОК) впервые признал самбо олимпийским видом спорта, что можно отнести к успеху спортивной дипломатии постсоветских стран.

Гиревой спорт. Международная федерация гиревого спорта основана в 1992 г. семью постсоветскими странами, развитие данного вида спорта де-факто является частью спортивной дипломатии стран региона.

Представляется, что продвижение национальных видов спорта является значимой частью спортивной дипломатии постсоветских стран.

Иные формы спортивной дипломатии

Постсоветские страны используют другие формы спортивной дипломатии, близкие к *культурной и парадипломатии*. Так, в рамках празднования юбилея дипломатических отношений между Казахстаном и Австрией посольство Казахстана в Вене организовало конференцию с участием всемирно известных спортсменов, которая вызвала интерес среди австрийских СМИ и общественности. В рамках празднования Дня независимости Казахстана в декабре 2019 года посольство Казахстана в Осло организовало выставку «Казахстан – Норвегия: дипломатия спорта», представив историю достижений атлетов двух стран, их последующую дружбу, совместное участие в соревнованиях самого высокого уровня.

Также используются инструменты *народной дипломатии*, когда главы высокопоставленных государственных делегаций символически дарят зарубежным партнерам в знак доверия к ним футболки и свитера национальных сборных и известных клубов своих стран. Таким способом в круг почетных болельщиков казахстанского хоккейного «Барыса» и футбольной «Астаны» вошли президент Финляндии Саули Ниинистё, председатель 72-й Генеральной Ассамблеи ООН Мирослав Лайчак, главы внешнеполитических ведомств России Сергей Лавров, Канады Джон

Бэрд, Чехии Любомир Заоралек, Венгрии Петер Сийярто и другие.

Таким образом, постсоветские страны активно ищут нетрадиционные форматы спортивной дипломатии, которые могли бы способствовать продвижению их внешнеполитических интересов. Поскольку проведение спортивных мероприятий мирового уровня является крайне затратным, государства пытаются использовать другие формы – от продвижения национальных видов спорта до народной дипломатии.

Выводы

Спорт становится заложником внешнеполитического соперничества и не всегда направлен на укрепление сотрудничества на международной арене. Постсоветские страны в своей внешнеполитической повестке используют не стратегические коммуникации в области спорта, направленные на очернение или бойкотирование спортивных достижений других стран, а миротворческую функцию спорта – спортивную дипломатию. Она не до конца институционализирована нашими странами, имеющими огромные исторические наработки в области гуманитарной политики, которые важно изучать и систематизировать, но при этом направлена на выполнение внешнеполитических задач, связанных с созданием привлекательного образа и продвижением международного диалога.

Можно сформулировать несколько ключевых сфер, работа над которыми откроет новые перспективы развития спортивной дипломатии постсоветских стран. Представляется, что следует расширять границы сотрудничества с международными спортивными организациями и увеличивать уровень представительства наших стран в них путём совместного лоббирования региональных интересов в данной области. Важным является развитие дипломатической работы в сфере налаживания тесного партнерства со странами-единомышленниками и их совместного отстаивания. Для повышения привлекательности постсоветских стран на мировой спортивной арене необходимо расширять зарубежную аудиторию сайтов и аккаунтов спортивных ведомств, профильных структур, англоязычных аккаунтов спортсменов; направлять на стажировку и работу в комитетах по работе со СМИ при крупных международных спортивных федерациях молодых спортивных журналистов.

Спортивная дипломатия вносит серьезный вклад в формирование положительного имиджа постсоветских стран на международной арене. Успешное проведение крупных международных соревнований способно продемонстрировать готовность государства брать на себя обязательства по реализации серьезных международных проектов, выступать ответственным участником системы международных отношений, надежным и ответственным партнером. Это повышает доверие иностранных коллег, создает фундамент дальнейшего сотрудничества не только в спорте, но и в других сферах. В то же время организация спортивных мероприятий мирового уровня является финансово затратной, поэтому постсоветским странам можно ориентироваться на иные формы спортивной дипломатии: региональное взаимодействие, направление представителей в профильные международные агентства, продвижение национальных видов спорта, применение возможностей культурной и народной дипломатии. В целом спортивная дипломатия постсоветских стран имеет широкие перспективы дальнейшего развития.

Литература

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеи ООН 22.09.2009 A /RES/65/1 «Выполнение обещания: объединение во имя достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия», // URL: https://undocs.org/ru/A/RES/65/1

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 23 августа 2013 года № A/RES/67/296 «Международный день спорта на благо развития и мира» // URL: https://www.un.org/ru/ga/67/docs/67res3.shtml

Olympic Charter // URL: https://olympics.com/ioc/olympic-charter

IOC Session welcomes Refugee Olympic Team Tokyo 2020 // URL: https://olympics.com/ioc/news/ioc-session-welcomes-refugee-olympic-team-tokyo-2020

Орешкин М. М. Социокультурные функции международного спорта и олимпийского движения в системе международных отношений // Вестник спортивной науки. – 2009. – № 6. – С. 5–8.

UNHCR. Figures at a glance // URL: https://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html.

Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Геополитика спорта и основы спортивной дипломатии: учебное пособие для вузов / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – С. 14

Murray, Stuart Sports-Diplomacy: a hybrid of two halves. 2011 // URL: https://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2011-symposium/Sports-Diplomacy-a-hybrid-of-two-halves--Dr-Stuart-Murray.pdf

Dobre-Laza M. Sport and Politics. Kings and Countries // The historical tradition of the political involvement in sport.

Боголюбова Н., Николаева Ю. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. № 2. – С. 107-114.

Великая А.А., Семедов С.С. Гуманитарная политика Советского Союза // Обозреватель. – 2020, № 4 (363). – С. 56-65.

Великие традиции советских побед // URL: https://olympic.ru/100-year/chapter-2/

Романов Н.Н. Трудные дороги к олимпу. – М.: Физкультура и спорт, 1987.

Закрытие Олимпийских игр в Сочи: как проходила церемония // ТАСС – 2014 – URL: https://tass.ru/sport/997385 (дата обращения: 29.04.2021)

Сухарев А. И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореф. дис. … док. полит. наук: 23.00.04 / РАНХиГС при Президенте РФ. – М., 2011. – С. 10

Иностранные болельщики рассказали о развеянных стереотипах о России после пребывания на ЧМ-2018 [Электронный ресурс] // RT Today. – 14.06.2018 – URL: https://russian.rt.com/sport/news/536190-inostrannye-bolelschiki-stereotipy-rossiya (дата обращения 22.11.2020)

Инфантино назвал ЧМ-2018 в России самым красивым в истории // RT Today – 07.02.2019 – URL: https://russian.rt.com/sport/news/600384-infantino-chm-2018 (дата обращения: 30.04.2021)

Дональд Трамп: “Россия проделала фантастическую работу в рамках ЧМ-2018” // Спорт-экспресс – 2018 – URL: https://www.sport-express.ru/football/world/chempionat-mira-2018/news/donald-tramp-rossiya-prodelala-fantasticheskuyu-rabotu-v-ramkah-chm-2018-1427655/ (дата обращения: 30.04.2021)

Информация о деятельности Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ // Секретариат СНГ – URL: https://cis.minsk.by/page/18592

МФГС // Спорт – URL: http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/

Илья Омаров. Спорт и дипломатия в истории независимого Казахстана // URL: https://exk.kz/news/1748/sport-i-diplomatiia-v-istorii-niezavisimogho-kazakhstana

References

Rezolyuciya, prinyataya General’noj Assamblei OON 22.09.2009 A /RES/65/1 «Vypolnenie obeshchaniya: ob”edinenie vo imya dostizheniya celej v oblasti razvitiya, sformulirovannyh v Deklaracii tysyacheletiya» [Resolution adopted by the UN General Assembly on 22.09.2009 A / RES / 65/1 “Keeping the Promise: Uniting to Achieve the Millennium Development Goals], // URL: https://undocs.org/ru/A/RES/65/1 (in Russian)

Rezolyuciya, prinyataya General’noj Assambleej 23 avgusta 2013 goda № A/RES/67/296 «Mezhdunarodnyj den’ sporta na blago razvitiya i mira» [Resolution adopted by the General Assembly on 23 August 2013 No. A / RES / 67/296 “International Day of Sport for Development and Peace] // URL: https://www.un.org/ru/ga/67/docs/67res3.shtml (in Russian)

Olympic Charter // URL: https://olympics.com/ioc/olympic-charter

IOC Session welcomes Refugee Olympic Team Tokyo 2020 // URL: https://olympics.com/ioc/news/ioc-session-welcomes-refugee-olympic-team-tokyo-2020

Oreshkin M. M. Sociokul’turnye funkcii mezhdunarodnogo sporta i olimpijskogo dvizheniya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij [Sociocultural functions of international sports and the Olympic movement in the system of international relations] // Vestnik sportivnoj nauki. – 2009. – № 6. – S. 5–8. (in Russian)

UNHCR. Figures at a glance // URL: https://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html.

Bogolyubova N. M., Nikolaeva YU. V. Geopolitika sporta i osnovy sportivnoj diplomatii: uchebnoe posobie dlya vuzov [Geopolitics of Sports and the Foundations of Sports Diplomacy: A Textbook for Universities] / N. M. Bogolyubova, YU. V. Nikolaeva. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva: Izdatel’stvo YUrajt, 2021. — S.14 (in Russian)

Murray, Stuart Sports-Diplomacy: a hybrid of two halves. 2011 // URL: https://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2011-symposium/Sports-Diplomacy-a-hybrid-of-two-halves--Dr-Stuart-Murray.pdf

Dobre-Laza M. Sport and Politics. Kings and Countries // The historical tradition of the political involvement in sport.

Velikie tradicii sovetskih pobed [Great traditions of Soviet victories] // URL: https://olympic.ru/100-year/chapter-2 (in Russian)

Bogolyubova N., Nikolaeva YU. Krasnyj sportivnyj Internacional i zarozhdenie sovetskoj sportivnoj diplomatii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta[Red Sports International and the birth of Soviet sports diplomacy]. Seriya 6. Filosofiya. Kul’turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 2. S. 107-114. (in Russian)

Velikaya A.A., Semedov S.S. Gumanitarnaya politika Sovetskogo [Humanitarian policy of the Soviet Union] // Obozrevatel’, 2020, № 4 (363). – s. 56-65. (in Russian)

Romanov N.N. Trudnye dorogi k olimpu [Difficult roads to Olympus]. – M.: Fizkul’tura i sport, 1987 (in Russian)

Zakrytie Olimpijskih igr v Sochi: kak prohodila ceremoniya [Closing of the Olympic Games in Sochi: how the ceremony was held] // TASS – 2014 – URL: https://tass.ru/sport/997385 (in Russian)

Suharev A. I. Politicheskoe stanovlenie sub”ektov setevyh gumanitarnyh vzaimodejstvij v mezhdunarodnyh otnosheniyah global’nogo mira[Political formation of subjects of network humanitarian interactions in international relations of the global world]: avtoref. dis. … dok. polit. nauk: 23.00.04 / RANHiGS pri Prezidente RF. – Moskva, 2011. S.10 (in Russian)

Inostrannye bolel’shchiki rasskazali o razveyannyh stereotipah o Rossii posle prebyvaniya na CHM-2018 [Foreign fans talk about dispelled stereotypes about Russia after staying at the 2018 World Cup] [Elektronnyj resurs] // RT Today. – 14.06.2018 – URL: https://russian.rt.com/sport/news/536190-inostrannye-bolelschiki-stereotipy-rossiya (data obrashcheniya 22.11.2020) (in Russian)

Infantino nazval CHM-2018 v Rossii samym krasivym v istorii [Infantino called the 2018 World Cup in Russia the most beautiful in history] // RT Today – 07.02.2019 – URL: https://russian.rt.com/sport/news/600384-infantino-chm-2018 (data obrashcheniya: 30.04.2021) (in Russian)

Donal’d Tramp: “Rossiya prodelala fantasticheskuyu rabotu v ramkah CHM-2018” [Donald Trump: “Russia has done a fantastic job at the 2018 World Cup”] // Sport-ekspress – 2018 – URL: https://www.sport-express.ru/football/world/chempionat-mira-2018/news/donald-tramp-rossiya-prodelala-fantasticheskuyu-rabotu-v-ramkah-chm-2018-1427655/ (data obrashcheniya: 30.04.2021) (in Russian)

Informaciya o deyatel’nosti Mezhgosudarstvennogo fonda gumanitarnogo sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG [Information on the activities of the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States] // Sekretariat SNG – URL: https://cis.minsk.by/page/18592 (in Russian)

MFGS // Sport – URL: http://www.mfgs-sng.org/activity/sport/

Il’ya Omarov. Sport i diplomatiya v istorii nezavisimogo Kazahstana [Sport and diplomacy in the history of independent Kazakhstan] // URL: https://exk.kz/news/1748/sport-i-diplomatiia-v-istorii-niezavisimogho-kazakhstana (in Russian)

МРНТИ 11.15.84 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.10

А.Т. Серикжанова[1*], Р.А. Нуртазина[1], Д.А. Ланко[2]

[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан
[2]Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург
*e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com

АРХИТЕКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Политическое участие как институт политической системы современного общества коррелирует с понятием фактора демократизации государственной жизни. Архитектура политического участия – активность людей, их политические действия, направленные на осуществление контроля над властью или оказание давления на власть, представляет собой главный критерий оценки политического процесса.

Целью данной статьи является политологический анализ концептуальных аспектов института политического участия граждан в условиях глобализации. Целевая установка предопределила основные направления и идеи настоящего исследования: политическое участие как объект политологического анализа проанализировано в парадигме исторических концепций зарубежных ученых стран развитой демократии с учетом их трансформации в политические процессы стран молодой демократии. Глобальная трансформация политических систем оказала существенное воздействие на развитие института политического участия как фактора демократизации общества. Вызовы глобализации обусловливают насущную необходимость модернизации процесса трансформации политических систем современных государств.

На основе современных научных методов и широкого круга зарубежных источников осуществлен анализ общемировой дискуссии о сущности и значении политического участия для развития демократии. Применение общенаучных и специальных методов позволило осуществить комплексный анализ процесса политического участия в контексте демократизации общества в разных государствах на всех этапах эволюции исследуемого объекта.

Результаты исследования расширяют границы научного знания о феномене политического развития, ценностных и поведенческих аспектов политической трансформации. Материалы исследования могут послужить основанием как для концептуализации теоретического фундамента конкретных практических политических решений, так и для моделирования общего сценария развития в современных государствах политического процесса в целом, и политического участия в частности.

Ключевые слова: политическое участие, политический процесс, трансформация, политологический анализ, демократия, глобализация.

A.T. Serikzhanova[1]*, R.A. Nurtazina[2], D.A. Lanko[3]

[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan
[3]St. Petersburg State University, Russian, St. Petersburg
*e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com

The architecture of political participation in the context of globalization: a political analysis

Political participation as an institution of the political system of modern society correlates with the concept of the democratization factor of state life. The architecture of political participation – the activity of people, their political actions aimed at exercising control over power or exerting pressure on power, is the main criterion for evaluating the political process.

The purpose of this article is a political science analysis of the conceptual aspects of the institution of political participation of citizens in the context of globalization. The aim predetermined the main directions and ideas of the present research: political participation as an object of political science analysis is analyzed in the paradigm of historical concepts of foreign scientists from developed democracies, taking into account their transformation in the political processes of young democracies. The global transformation of political systems has had a significant impact on the development of the institution of political participation as a factor in the democratization of society. The challenges of globalization cause the urgent need to modernize the process of transformation of the political systems of modern states.

© 2021 Al-Farabi Kazakh National University

On the basis of modern scientific methods and a wide range of foreign sources and carried out an analysis of the worldwide discussion about the essence and importance of political participation for the development of democracy. Application of general scientific and special methods allowed to carry out a comprehensive analysis of the process of political participation in the context of democratization of society in different states at all stages of the evolution of the object under study.

The results of the study expand the boundaries of scientific knowledge about the phenomenon of political development, value and behavioral aspects of political transformation. The materials of the study can serve as the basis both for conceptualizing the theoretical basis for specific practical political decisions, and for modeling the general scenario of development in modern states of the political process in general, and political participation in particular.

Key words: political participation, political process, transformation, political science analysis, democracy, globalization.

А.Т. Серикжанова[1*], Р.А Нуртазина[2], Д.А. Ланко[3]

[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.
[2]Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Ресей, Санкт-Петербург қ.
e-mail: aiemaserikzhanova@gmail.com

Жаһандану жағдайындағы саяси қатысу архитектурасы: саяси талдау

Саяси қатысу қазіргі қоғамның саяси жүйесінің институты ретінде мемлекеттік өмірді демократияландыру факторы ұғымымен байланысты. Саяси қатысудың архитектурасы – адамдардың билікті бақылауға немесе билікке қысым жасауға бағытталған белсенділігі және саяси әрекеттері, саяси процесті бағалаудың басты критерийі болып табылады.

Мақаланың мақсаты жаһандану жағдайында азаматтардың саяси қатысу институтының тұжырымдамалық аспектілерін саяси талдау болып табылады. Мақсатты көзқарас осы зерттеудің келесі негізгі бағыттары мен идеяларын анықтады: саяси қатысу саяси талдаудың объектісі ретінде демократиясы дамыған шетел ғалымдарының тарихи тұжырымдамаларының парадигмасында олардың демократиясы жас елдердердің саяси процестеріне өзгеруін ескере отырып талданды. Саяси жүйелердің жаһандық трансформациясы қоғамды демократияландыру факторы ретінде саяси қатысу институтының дамуына айтарлықтай әсер етті. Жаһанданудың сын-қатерлері қазіргі заманғы мемлекеттердің саяси жүйелерін трансформациялау процесін жаңғыртудың шұғыл қажеттілігін негіздейді.

Заманауи ғылыми әдістер мен шетелдік дереккөздердің кең ауқымы негізінде демократияны дамыту үшін саяси қатысудың мәні мен маңызы туралы жаһандық пікірталасқа талдау жасалды. Жалпы ғылыми және арнайы әдістерді қолдану зерттелетін объект эволюциясының барлық кезеңдерінде әртүрлі мемлекеттердегі қоғамды демократияландыру тұрғысынан саяси қатысу процесіне жан-жақты талдау жасауға мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері саяси даму құбылысы, саяси трансформацияның құндылықтары мен мінез-құлық аспектілері туралы ғылыми білімнің шекарасын кеңейтеді. Зерттеу материалдары нақты практикалық саяси шешімдердің теориялық негізін тұжырымдамалау үшін де, қазіргі мемлекеттердегі жалпы саяси процестің жалпы даму сценарийін және атап айтқанда саяси қатысуды модельдеу үшін негіз бола алады.

Түйін сөздер: саяси қатысу, саяси процесс, трансформация, саяси талдау, демократия, жаһандану.

Введение

Политическое участие как институт политической системы современного общества представляет собой особенную область жизнедеятельности гражданского общества в сфере созидания политической культуры. Ценность и значение политического участия граждан в процессе развития политической культуры общества коррелируют с понятием фактора демократизации государственной жизни. Политическая культура общества, обусловленная высоким уровнем политических знаний граждан, способна оказывать политическое влияние на процесс осуществления государственной власти. Подобный уровень политических знаний граждан делает их настолько влиятельными, чтобы «навязать элитам ответственное поведение» за достойный уровень государственного управления (Алмонд, Верба, 1992: 124). Для обеспечения стабильности и эффективности политической системы, нацеленной на демократизацию, «требуется конструктивная (supportive) политическая культура, которая

признает права оппозиции, свободу слова и собраний, правление закона, регулярные выборы, смену лиц на правящих постах и т.п.» (Липсет, 2006: 15). Как правило, развитие института политического участия граждан проявляется в ключевых формах политического процесса – на выборах, в ходе реальных мероприятий по формированию политической элиты, органов государственной власти. Активность людей, их политические действия, направленные на осуществление контроля над властью или оказание давления на власть, представляют собой главные критерии оценки политического процесса.

В условиях глобальной трансформации политических систем институт политического участия претерпевает изменения, основанные на эволюционном формировании политического сознания и поведения граждан. Данное обстоятельство актуализирует необходимость исследования и анализа закономерностей взаимосвязи институциональных и неинституциональных факторов, оказывающих влияние на трансформацию политической системы общества.

В зарубежной политологической науке проблематика политического участия широко исследована в широкой парадигме направлений, начиная с поведенческого (поведение как отражение внешних условий), развивая тенденции социально-психологического (мотивы и формы электорального поведения) и социально-структурного (политическое участие – самостоятельный институт политической системы) течений и заканчивая неоинституциональным направлением (политическое участие – реальный инструментарий достижения политических целей определенными группами). Фундаментально исследованы проблемы политического участия в трудах наиболее ярких представителей данных направлений – Б. Берельсона, Х. Маелоски, Л. Уайта, Ф. Конверса и Э. Кэмпбелла, Б. Миллера, Г. Алмонда, С. Вербы, М. Каазе, Р. Даля, Б. Гобфмана, Д. Марча, С. Олсена, а также других исследователей дальнего зарубежья.

На постсоветском пространстве наиболее активно ведутся научные разработки проблематики политического участия в России. Исследования российских ученых представлены диссертационными исследованиями С.С. Андреева, А.А. Белова, Г.И. Ванштейна, В.Г. Гельмана, Д.В. Гончарова, Н.В. Досиной, В.В. Зайцева, Г.Л. Кертмана, А.А. Киселева, А.А. Коноплевой, А.В. Кравцовой, М.С. Круглова, Д.М. Коннычева, А.Л. Лабунского, А.С. Мадатова, Ю.В. Парфеновой, П.П. Петухова, Е.Я. Сергеевой, С.В. Смирнова, Е.С. Соиной, Н.Д. Уваровой, Э.В. Чекмарева, Е.Б. Шестопал, О.Е. Шумиловой, солидными доктринальными разработками И.Н. Трофимовой, И.В. Радикова и других политологов. Наиболее обоснованными представляются также диссертационные исследования казахстанских политологов К.Д. Жанпеисовой (кандидатская диссертация на тему «Қазақстандағы өкілді билікті қалыптастырудағы сайлау институтының орны» / «Роль института выборов в формировании представительной власти», 2012), С.К. Ильясова (кандидатская диссертация на тему «Политическое участие граждан Республики Казахстан: состояние и перспективы развития (на примере Павлодарской области), 2009), Ш.Е. Килыбаевой (диссертация доктора философии (PhD) на тему «Политическая активность молодежи Казахстана и Кыргызстана: сравнительный анализ», 2018), исследования Д.А. Сатпаева, Т.Т. Исмагамбетова и других ученых.

В условиях глобализации актуализируется вопрос модернизации процесса трансформации политических систем современных государств. Выявление степени политической активности граждан позволяет моделировать теоретические схемы для развития эффективных связей между властью и обществом. В связи с изложенным актуализируется проблема исследования вопросов политического участия граждан в новейшей истории.

Объектом исследования являются процессы политического участия граждан современных государств в контексте демократизации. Предметом исследования выступают содержание, факторы и тенденции политического участия граждан.

Целью статьи является проведение политологического анализа процесса политического участия граждан в контексте демократизации общества.

В ходе исследования применены классические методологические процедуры. Научные труды современных зарубежных и отечественных политологов, философов, социологов, культурологов представляют собой многоаспектную парадигму исследований феномена политического участия. Однако ввиду дискуссионности проблематики в современной зарубежной и отечественной литературе по проблеме исследования остается множество так называемых белых пятен, требующих комплексного рассмотрения. Исследование направлено на решение данной проблемы.

Материалы и методы

Инструментальный функционал исследования усиливается в связи трансформационным изменением объекта исследований – процессов политического участия граждан в контексте демократизации. В соответствии с тенденциями развития политических систем современных государств в условиях глобализации актуализируется вопрос о переосмыслении и коренной трансформации методологических подходов к изучению объекта с учетом новых реалий. Данным обстоятельством обоснована необходимость применения всего арсенала методологических подходов в политологии на основе пересмотра стратегий понимания реальной действительности, поиска и выбора новой стратегии. Для исследования проблематики политического участия граждан избрана смешанная стратегия, интегрирующая в своем составе принципы, методы сбора и анализа данных качественной и количественной стратегий с целью получения обоснованных результатов.

Методологической основой работы служат диалектический метод, а также идеи, изложенные в трудах философов, концепции современных отечественных и зарубежных ученых – политологов, социологов, историков, юристов, посвященные исследуемой проблематике в контексте политической истории, политической философии, политической социологии, политической психологии.

Исследование научной проблемы осуществлено на основе комплекса методов для достижения поставленной цели и решения взаимообусловленных задач: в равной степени использованы как методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение), так и методы теоретического исследования (идеализация, формализация, логические и исторические методы). В работе использованы неоинституциональный, системно-структурный, бихевиористский, социологический методы, метод компаративистики и моделирования.

Результаты и обсуждение

Глобализация как универсальный политический процесс на всех стадиях своего развития подвергает политические структуры и политические системы мира все новым и новым вызовам и рискам. Как показывает практика, характер адаптации государств к критическим воздействиям глобализации зависит от гибкости существующих политических систем. Если развитые западные страны сумели еще на первой стадии глобализации – в 60–70-е годы XX века – пройти процесс адаптации в силу гибкости политических систем, то запоздалое реагирование государств советского блока на актуальные вызовы глобализации на второй ее стадии – в 80–90-е годы XX века – привели к краху социалистического лагеря. Следует отметить в контексте глобализационных процессов роль явления, именуемого информационным шоком, воздействие которого является причиной как эволюции, так и краха политической системы.

Глобализация в настоящее время характеризуется актуальными вызовами и рисками. Современную ситуацию можно определить, как «эру конфликтов» с присущей тенденцией трансграничной синхронизации протестных сил, основанной на объективном процессе событий с акцентом на арсенал коммуникации, используемый политическими силами для достижения своих интересов.

Фрагментация, распад многосоставных федеративных государств является в современный период весьма актуальным событием планетарного масштаба, свидетельствующим о падении авторитета государства. В литературе обоснованы причины падения авторитета государства: «а) общий подъем политического сознания и политической культуры населения развитых стран, вследствие чего «просвещенные» граждане опасаются усиления государства, видя в этом угрозу возрождения тоталитаризма в новых версиях; б) связанное с этим снижение уровня доверия к государственным институтам и к государству вообще; в) нарастающая неадекватность традиционных государственных институтов и методов управления вызовам современного мира; г) продолжающаяся вопреки предыдущему фактору экспансия бюрократических амбиций, безосновательно пытающихся представить государство главным «мотором» и действующим лицом всего общественного развития» (Облонский, 2011: 16). Этот перечень факторов не является исчерпывающим, однако является достаточным для обоснования вывода о трансформации политического участия граждан под воздействием глобализационных процессов.

Рассмотрение политического участия в эпоху глобализации как объекта политологического анализа логично начать с изучения трудов западных политологов, в которых феномен политического участия рассмотрен многоаспектно и подвергнут всестороннему анализу. Мировая

литература представляет широкую парадигму взглядов и суждений, обосновывающих структуру, формы, методы, уровни, формальные и сущностные характеристики политического участия граждан. Доктринальные источники представляют образцы не только обобщения методов и способов исследования данной проблематики, но и моделирования уровня и характера политического участия в условиях глобализации.

Институт политического участия в контексте функционирования групп лиц, объединенных политическими интересами, является объектом политологического анализа в трудах классиков системного анализа в политологической науке. Готовность к политическому участию как главный критерий и форма содействия граждан поддержанию политического правопорядка подвергнута анализу в трудах Д. Итсона. Феномен политического участия в контексте политической социализации, политической коммуникации, артикуляции и агрегирования интересов проанализирован в трудах Г. Алмонда. Следует особо отметить более ранний соавторский труд Г. Алмонда и С. Вербы «The Civic Culture», в котором политическое участие обосновано в ипостаси доминирующего критерия для определения характера и сущности политических систем. Проблемы совершенствования института политического участия и демократических институтов являются основой исследований Р. Далтона («Democratic Challenges, Democratic Choices») (Dalton, 2007), Д. Хелда («Models of Democracy. Third Edition») (Held, 2006), Ю. Хабермаса («Политические работы») (Хабермас, 2005). В частности, весьма обстоятельно рассмотрены вопросы политического участия в контексте демократизации общества, демократического транзита в работах Р. Иглхарта «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества, С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах», «Третья волна. Демократизация в конце XX века», Т.Л. Карла и Ф. Шмитгера «Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций», Т. Карозерса «Ошибка теории «поэтапной демократизации», Х. Линца и А. Степана «Государственность», национализм и демократизация», С.М. Липсета и Г.С. Ленда «Коррупция, культура и рынки», В. Меркеля и А. Круассана «Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях», Д. Растоу «Переходы к демократии: попытка динамической модели» и других.

Глобальная трансформация политических систем уже во второй половине XX века, на начальной стадии глобализации, выдвигает на первый план научного интереса ученых зарубежных государств институт политического участия индивидов. Закономерно: научный интерес активизируется в связи с распадом многосоставных государств и образованием новых государств в соответствии с процессом развития демократических практик и политической социализации. Еще на первоначальной стадии научной интерпретации проблемы политического участия широких слоев населения обоснован вывод о том, что политическое участие граждан оказывает решающее влияние на процесс принятия политических решений органами публичной власти, что отражает сущность и значение демократического режима (Verba et al, 1978: 218). И если развитые демократические государства на глобализационные вызовы реагируют адекватно, институты демократии последовательно укладываются в соответствующие рамки, то в развивающихся странах наблюдается отход от классических традиционных форм политического участия, заключающийся главным образом в участии граждан в электоральном процессе. В контексте избирательных компаний тенденции традиционного и нетрадиционного политического участия в Европе в период 1981-2008 г.г. достаточно исчерпывающе проанализированы Р. Линссеном, Х. Шмитсом, П. Шиперсом и другими авторами (Linssen et al., 2014: 31-58). Именно на этот период приходится и определение С. Вербы, в соответствии с которым политическое участие есть законные действия граждан, которые так или иначе направлены на оказание влияния в вопросах избрания государственных служащих и/или их деятельности (Verba et al. a, 1978: 1).

Однако в дальнейшем нетрадиционное участие в политической жизни, альтернативные формы политического поведения граждан в развивающейся стране со средним уровнем дохода рассматриваются в контексте реальных социально-культурных условий (Bourne, 2010: 196), осуществляется моделирование разных типов политического участия граждан, отличающихся от типов профессионального политического участия (Muller, 1982: 2). Смена активной позиции граждан в избирательном процессе спадом электорального участия становится основанием для пересмотра сложившихся подходов к научному анализу тенденций развития политического участия в условиях глобализации. К концу XX века границы политического участия граждан значи-

тельно расширились, и эта деятельность распространялась далеко за пределы института выборов органов представительной власти (Dalton a, 1999: 76). Американские исследователи фиксируют причину снижения активности электората: славная американская демократия ослабевает под воздействием новых вызовов, падает доверие населения к институтам государственной власти (Dalton b, 1999; Norris, Walgrave, Van Aelst, 2005; Ekman, Amna, 2012). Отныне масштабы, формы и границы политического участия граждан значительно расширяются, соответственно актуализируется вопрос о пересмотре дефиниций самого понятия «политическое участие». Следует отметить, что в литературе высказываются мнения как о необходимости, так и опасности расширения понятия политического участия. Обогащение содержательной части политического участия за счет включения новых форм и методов, выходящих за пределы электорально ориентированного подхода, может повлечь за собой негативное «размывание» понятия (Berger, 2009: 341).

Анализируя подходы западных ученых к определению понятия «политическое участие», следует, таким образом, прежде всего отметить отсутствие общепринятой дефиниции. Между тем, отсутствие общепринятого понятия соответственно значительно затрудняет процесс определения границ политического участия. Вместе с тем политическое участие как демократический институт в силу влияния глобализационных процессов является динамично развивающимся, а политологическая наука, изучающая политическое поведение акторов, развивается в прямой зависимости от миграционного поведения исследуемой тематики. Совершенно верно мнение Марка Хуга, изложенное в его исследовании «Определение политического участия: как определить неуловимую цель?»: если определения не будут следовать структурным тенденциям, происходящим в реальности, то в конце концов мы просто останемся в стороне, используя устаревшие категории и понятия (Hooghe, 2014: 341). Сохранение традиционных определений в неизменном виде не представляет большого смысла, поскольку такая стратегия не является целесообразной и помогающей понять политические системы и общества, которые имеют тенденцию к глобальным изменениям.

В дискуссионном процессе среди политологов зарубежных стран имеет место спор о том, что является первичным при определении дефиниции политического участия. Бенгю Хош-Дайкан утверждает, что намерения представляют «крайнюю границу деятельности, которую можно назвать политической», и настаивает «на мотивационных критериях» (Jan W. van Deth, 2014: 353). М. Хуг утверждает, что логично сначала разработать значимые теоретические концепции политического участия, а затем попытаться реализовать это. М. Хуг оспаривает утверждение оппонента Хош-Дайкан, заявляя: «намерение просто не актуально» (Hooghe a, 2014: 331). Ян ванн Дет, вступая в полемику, отмечает, что «изображение основных форм участия не обременено намерениями, в то время как некоторые формы систематически изображаются такими, какие они есть: неполитическая деятельность, используемая в политических целях» (Jan W. van Deth a, 2014: 359).

Круг явлений, именуемых политическим участием, расширяется почти ежедневно, и ни один набор не может убедительно претендовать на операционализацию концепции. Процесс принятия политических решений в современный период стал гораздо более размытым, с тенденциями к горизонтальным структурам и сетям управления, глобализации и многоуровневому управлению. Все эти тенденции происходят одновременно, и они также взаимодействуют (Huyse, 1994: 33). В связи с этим, уместно суждение о том, что изучение политического участия, не говоря уже об изучении его последствий или мотивов, становится все более сложным, чем когда-либо прежде (Della Porta, 2013).

Демократическая стабильность политических систем и социальное согласие, таким образом, оказались перед глобализационными вызовами (Mor, 2019; Thomassen, 2015), и события современного периода значительно отличаются от традиционного описания демократии как «по существу оспариваемой концепции» (Gallie, 1956), предполагая фундаментальный сдвиг во взглядах граждан на демократию. Политологи зарубежных стран исследования политического участия, как и многих других демократических институтов, осуществляют с новых позиций, создавая актуальную типологию политического участия – поддержку и популярность набирают предпочтения новых отношений между политикой и гражданским обществом. Рассуждения обретают новые очертания: почему свобода есть основа демократии и как ее спасти, как решить недемократическую дилемму (Mounk, 2018; Mounk a, 2018). Такое новое понимание приводит к дальнейшей фрагментации демократической политической культуры. Участие

– поведенческая перспектива – это жизненный эликсир демократии, поскольку оно позволяет гражданам выражать свои требования и желания и вносить свой вклад в достижение общих целей. Таковы фундаментальные основы функционирования любой демократии. Уровень политического участия зависит от того, насколько развито правосознание и степень понимания сущности демократии среди граждан. Понимание демократии проявляется, таким образом, в новой модификации (Zorell, Jan W. van Deth a, 2020). Участие граждан в процессах принятия политических решений и способность отражать свою роль как акторов политического участия является неотъемлемой частью плодотворного и функционирующего демократического общества. Политическое участие выполняет выразительные и инструментальные цели и укрепляет легитимность процессов принятия решений, несмотря на то, что граждане по-разному понимают демократию и участие в политической жизни.

Большое количество исследований посвящены выявлению различий во взглядах разных групп акторов политического участия из разных стран с разными политическими системами (Hooghe b, 2018; Kim Chung Hee et al, 2013; Webb, 2013). В рамках сравнительного анализа граждан двенадцати европейских стран группой исследователей была разработана категоризация четырех типов взглядов на демократию: традиционалистского, либерального, общинного и коллективного понимания (Denters et al, 2007). Разные «типы» демократов определяют различную значимость доступных форм политического участия. «Представительные демократы» решительно поддерживают мнение о том, что граждане обязаны быть информированы и на этой основе иметь возможность и принимать активное участие в избирательной политике. «Политические энтузиасты» ориентированы на политическое участие посредством более широкого набора мероприятий, которые выходят далеко за рамки голосования. Третий тип граждан с точки зрения «преследуемых интересов» увлечены политикой или участвует в ней (включая представление о том, что нет никаких обязательств по голосованию, но при этом они должны быть проинформированы). Решение воздержаться от политики должно быть осознанным решением, а не решением, основанным на чистом неведении. Наконец, четвертая, «безразличная» точка зрения предполагает, что граждане должны голосовать и быть информированными о политике, в то время как любая другая форма политического участия отвергается (Theiss-Morse, 1993). Именно озабоченностью по поводу снижения уровня гражданской активности, низкой явки избирателей, подрыва доверия общественности к институтам представительной демократии и других признаков общественной усталости, скептицизма, цинизма и отсутствия доверия к политикам и политическим партиям обусловлен научный интерес к участию в политической жизни в установившихся (именуемых «старыми») демократиях. В постиндустриальных обществах наблюдается устойчивая тенденция все большего отрыва граждан от традиционных каналов политического участия (Skocpol, 1999; Dalton a, 2006; Norris, 1999; Putnam, 2000). Верно отмечено: недоверие к политическим институтам создает существенные препятствия и экономическому развитию – низкий уровень доверия, с одной стороны, тормозит политические процессы, с другой – увеличивает затраты на них (Жунусова, 2020: 110).

По другую сторону дискуссионного стола звучат контраргументы: такие опасения преувеличены, поскольку развитие «критических граждан» – это не то же самое, что эрозия демократии, и предположение об упадке и падении гражданской активности в лучшем случае преждевременно (Berger a, 2009; Norris, 2002; Jan W. van Deth b, 2018).

Эта дискуссия также выявила ряд недостатков в политологической литературе по вопросам участия в политической жизни и участия гражданского общества. Основное внимание здесь уделяется не дебатам о снижении уровня участия как такового, а концепциям, используемым учеными для отражения изменений в участии граждан и их участии в политике и обществе. В данном контексте необходимо акцентировать, что цель и значение политологического анализа состоят в том, чтобы углубить понимание различных форм политического участия, предложив новую концептуальную основу для анализа различных форм социального участия и политической деятельности. Для того чтобы проиллюстрировать необходимость такой структуры или, более конкретно, новой типологии, целесообразно рассмотреть исследования по участию граждан. Следует отметить также тенденцию в литературе сосредотачиваться на явной деятельности и пренебрегать «латентными» формами политического участия (Berger b, 2009; Kim Chung Hee et al, 2013). Анализируя уровень политической активности граждан, Патнэм охватил практически все – от чтения газет, участия в политической жизни, социальных сетей и меж-

личностного доверия до участия в ассоциациях. Все это называлось гражданской активностью, и суть была очень упрощена, поскольку такая гражданская активность, как правило, коррелировала с функционирующей демократией и рыночной экономикой (Putnam, 1997).

В странах ближнего зарубежья на постсоветском пространстве рассмотрение института политического участия граждан как объекта политологического анализа также наполняется новым содержанием в ответ на вызовы глобализации. По сути, все страны постсоветского пространства трансформируют в свои политические системы институт политического участия граждан, наиболее активно исследования феномена политического участия проводят российские ученые. Политологическая наука 90-х годов XX века характеризуется повышением научного интереса к проблеме политического участия. Понятийный аппарат теории участия, факторы, влияющие на политическую активность, проблема абсентеизма, политическое участие отдельных групп населения, формы участия – электоральное, участие в деятельности политических партий, профсоюзов, общественных организаций, протестное участие, участие в деятельности органов самоуправления, различных гражданских инициативах – таков общий перечень теоретических и практических аспектов проблемы политического участия, составивших основу политологического анализа на рубеже XX – XXI веков. Проведенный анализ показал неразвитость института политического участия населения, отсутствие взаимодействия и взаимопонимания населения и власти, неспособность и нежелание власти идти на открытый диалог и взаимодействие с гражданами в процессе подготовки и принятия публичных решений, отсутствие политического доверия в обществе как по горизонтали, так и по вертикали, конфликтный характер политического участия, отчуждение широких масс населения от политической деятельности, тесную связь между снижением уровня жизни и снижением активности населения, развитие абсентеизма.

В XXI веке в постсоветской политологической науке интерес к проблематике политического участия значительно возрос в соответствии с эволюционным развитием данного института. Импульс научным исследованиям придают реформы, связанные с демократизацией общества, одной из главных тенденций которой становится формирование нового типа взаимодействия основных акторов политического процесса – государства и гражданского общества. Государство в условиях глобализации общественных отношений утрачивает монополистические позиции в связи с активизацией процесса вовлечения индивидов из народа в сферу политики. Следует отметить одну из важнейших тенденций развития политических процессов на постсоветском пространстве: государства пошли по различным траекториям трансформации, обусловленной, однако, общим явлением президенциализма (Борисов, 2019: 138).

В эпоху глобализации стремительно развивается политическое участие граждан в интернете, и эта тенденция становится преобладающей. Распространение интернет-технологий как технологической основы постиндустриального общества трансформирует процесс политических коммуникаций в обществе и изменяет характер и формы политического участия, усиливая воздействие общества на власть.

Онлайновые репертуары политических действий, осуществляемых в интернете и на сайтах социальных сетей, демонстрируют современную картину политического участия: в современный период широкое распространение получили такие виды деятельности, как размещение сообщений политического содержания в личных блогах и профилях, участие в дискуссиях на интернет-форумах или «симпатии» к политикам, партиям или движениям.

Учитывая растущее внимание, уделяемое такой деятельности в новой литературе, эта новая область особенно актуальна для оценки динамической концептуальной модели, предложенной Яном ван Детом. В настоящее время среди всех научных дискуссий в данном контексте политического участия можно выделить две основные, связанные с цифровыми способами участия. Первый связан с определением новых форм политического участия. Общий аргумент, предложенный критиками, заключается в том, что большинство онлайн-действий не выходят за рамки коммуникативных актов; или они просто отклоняются. Второй вопрос касается того, где поместить эти действия в «иерархию» онлайновых и офлайн-политических актов, то есть рассматривать их как отдельные конструкции или нет. Полагаем целесообразным изначально рассмотреть данный вопрос в контексте применения оперативного определения к вопросу о том, является ли деятельность в интернете политическим участием.

Как показал анализ, классические определения подразумевают, что политическое участие

призвано прямо или косвенно влиять на процесс принятия решений и, таким образом, подчеркивает инструментальность акта. С этой точки зрения любая форма политического участия, направленная на достижение иной цели, чем влияние на решения правительства или достижение определенных политических последствий, не будет квалифицироваться как участие.

Политическое участие является динамичным понятием, и его классические инструментальные определения слишком ограничительны в эпоху цифровых коммуникационных технологий. Расширение этих определений путем добавления мотивационного критерия позволяет идентифицировать онлайновую деятельность, которая в первую очередь направлена на выражение индивидуальных мнений, а не на воздействие на институционализированные процессы разработки политики, в частности, на политическое участие. Изучение политического содержания онлайновых сообщений, комментариев или других видов деятельности позволит получить плодотворные результаты при определении критериев политической мотивации.

Заключение

Таким образом, вышеизложенный анализ института политического участия граждан в качестве объекта политологического анализа в условиях глобализации позволяет прийти к следующим выводам. Современные государства отвечают вызовам и рискам глобализации в соответствии с гибкостью существующих политических систем. Проблема актуализируется в свете современных тенденций глобализационных процессов: усугубления конфликтогенных факторов, воздействия информационного шока как детонатора процесса крушения целых политических систем, активизации трансграничной синхронизации протестных сил с акцентом на арсенал коммуникаций, используемый политическими силами для достижения своих интересов. Готовность к политическому участию как главный критерий и форма содействия граждан поддержанию политического правопорядка на протяжении нескольких десятилетий является животрепещущим объектом исследований ученых практически всех стран мира.

Закономерным является расширение границ политического участия граждан, обогащения классификации форм политического участия альтернативными формами политического поведения. Соответственно происходящим изменениям принимаются во внимание основания пересмотра сложившихся подходов к научному анализу тенденций развития политического участия в условиях глобализации, предлагается новая концептуальная основа для анализа различных форм социального участия и политической деятельности. Исследование понятийного аппарата теории участия, факторов, влияющих на политическую активность, проблемы абсентеизма, политического участия отдельных групп населения, традиционных и нетрадиционных форм участия, в частности, сетевые формы участия в политике как катализаторы политических настроений свидетельствует о неразвитости института политического участия населения постсоветских государств, отсутствии взаимодействия и взаимопонимания населения и власти, неспособности и нежелании власти идти на открытый диалог и взаимодействие с гражданами в процессе подготовки и принятия публичных решений, отсутствии политического доверия в обществе как по горизонтали, так и по вертикали, конфликтном характере политического участия, отчуждении широких масс населения от политической деятельности.

Литература

Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. – 1992. №4. – С. 124.

Липсет С.М. Неизбывность политических партий. // Политическая наука. – 2006, №1. – С. 15.

Облонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 266 с.

Dalton R. (2007). Democratic Challenges, Democratic Choices. Oxford: Oxford University Press.

Held D. (2006). Models of Democracy. – Third Edition. – Cambridge, Potity Press.

Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 361 с.

Verba S., Nie N.H., Kim J.-O. (1978). Participation and political equality: a seven-nation comparison. Chicago. P. 394.

R. Linssen, H. Schmeets, P. Scheepers, etc. (2014). Trends in conventional and unconventional political participation in Europe between 1981-2008 // Political Trust and Disenchantment with Politics. – Vol. 125. – P. 31-58.

Bourne P.A. (2010). Unconventional political participation in a middle-income developing country // Current Research Journal of Social Sciences. – Vol. 2 (2). – P. 196-203.

Muller E.N. (1982). An explanatory model for differing types of participation // European Journal of Political Research. – Vol. 10. – P. 1-16.

Dalton R.J. (1999). Political support in advanced industrial democracies. Critical citizens: global support for democratic government ed. by P. Norris. – Oxford. – P. 57-77.

Norris P., Walgrave S., Van Aelst P. (2005). Who demonstrates? Antistate rebels, conventional participants, or everyone? // Comparative Politics. – Vol. 37, no. 2. – P. 189-205.

Ekman J., Amna E. (2012). Political participation and civic engagement: towards a new typology. – Human Affairs. – Vol. 22. – P. 283-300.

Berger B. (2009). Political theory, political science, and the end of civic engagement // Perspectives on politics. – Vol. 7, iss. 2. – P. 335-350.

Hooghe M. (2014). Defining political participation: how to pinpoint an elusive target? ActaPolitica 49, P. 337. doi: 10.1057 / ap.2014.7/ https://core.ac.uk/download/pdf/34584678.pdf

Jan W. van Deth (2014). A conceptual map of political participation. Acta Politica 49, P. 349-367. DOI: 10.1057/ap.2014.6

Huyse L. (1994) De politiekvoorbij. Eenblik op de jarennegentig. Leuven, Belgium: Kritak.

Della Porta D. (2013) Can Democracy be Saved? Participation, Deliberation and Social Movements.

Mor S. (2019). “Nobody Understands Democracy Anymore.” Tablet Magazine.

Thomassen J. (2015). “What’s Gone Wrong with Democracy, or with Theories Explaining Why It Has?” In Citizenship and Democracy in an Era of Crisis: Essays in Honour of Jan W. van Deth, edited by Thomas Poguntke, Sigrid Roßteutscher, Rüdiger Schmitt-Beck, and Sonja 27 Zmerli. Abingdon and New York: Routledge. P. 34–52.

Gallie W.B. (1956). “Essentially Contested Concepts.” Proceedings of the Aristotelian Society 56. P. 167–98.

Mounk Y. (2018). The People Vs. Democracy: Why Our Freedom Is in Danger & How to Save It. – Cambridge: Harvard University Press.

Mounk Y. (2018) b. “The Undemocratic Dilemma.” // Journal of Democracy 29 (2). – P. 98–112. doi:10.1353/jod.2018.0030.

Zorell C.V., Jan W. van Deth (2020). “Understandings of Democracy: New Norms and Participation in Changing Democracies.” SocArXiv. May 6. doi: 10.31235/osf.io/bmrxf. http://oru.diva-portal.org/smash/get/diva2:1453957/FULLTEXT01.pdf

Hooghe M., and Jennifer Oser. (2018). “Social and Political Citizenship in European Public Opinion: An Empirical Analysis of T. H. Marshall’ s Concept of Social Rights.” Government and Opposition 53 (4). – P. 595–620. doi:10.1017/gov.2017.11.Social

Kim Chung Hee, Kenneth Amaeshi, Simon Harris, and Chang-Jin Suh. (2013). “CSR and the National Institutional Context: The Case of South Korea.” Journal of Business Research 66 (12). – P. 2581–91. doi:10.1016/j.jbusres.2012.05.015

Webb P. (2013). “Who Is Willing to Participate? Dissatisfied Democrats, Stealth Democrats and Populists in the United Kingdom.” European Journal of Political Research 52 (6). P. 747–72. doi:10.1111/1475-6765.12021.

Denters B., Oscar W.G., and Mariano T. (2007). “Norms of Good Citizenship.” In Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis, edited by Jan W. van Deth, José Ramón Montero, and Anders Westholm. Abingdon: Routledge. – P. 88–108.

Theiss-Morse E. (1993). “Conceptualization of Good Citzenship and Political Participation.” // Political Behavior 15 (4). – P. 355–80.

Skocpol T., Fiorina M.P. (Eds.) (1999). Civic Engagement in American Democracy. – Washington: Brooking.

Жунусова А.К. Причины недоверия казахстанских граждан к институту выборов на основе мониторинга СМИ // Вестник КазНУ имени Аль-Фараби. Серия философии, культурологи и политологии. – №1(71). – 2020. – С. 109-119.

Dalton R. J. (2006). Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies. – Washington: CQ Press.

Norris P. (Ed.). (1999). Critical Citizens. Global Support for Democratic Governance. – Oxford: Oxford University Press.

Putnam, R. D. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster

Борисов Н.А, Зайниева Л.Ю. Партии и партийные системы: опыт постсоветских государств // Вестник КазНУ имени Аль-Фараби. Серия философии, культурологи и политологии. – №3(69). – С. 138-140.

Hooghe M., Dejaeghere Y. (2007). Doesthe “Monitorial Citizen ”Exist? An Empirical Investigation in to the Occurrence of Postmodern Forms of Citizen shipin the Nordic Countries. Scandinavian Political Studies 30 (2). – P. 249-271.

Norris P. (2002). Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. – Cambridge: Cambridge University Press.

Jan W. van Deth (2018). Norms of citizenship in: Kris Deschouwer (Ed.): Mind the Gap. Political Participation and Representation in Belgium. London: Rowman & Littlefield. Pp. 13-34. – http://www.mzes.uni-mannheim.de/d7/en/publications/book-chapter/norms-of-citizenship-0

Putnam R.D. (1997). Bowling Alone: Democracy in America at Century’s End. In A. Hadenius (Ed.). Democracy’s Victory and Crises. – Cambridge: Cambridge University Press.

References

Almond G.A., Verba S. (1992) Grazhdanskaja kul’tura i stabil’nost’ demokratii [Civic culture and the stability of democracy]. Political research. no 4, p. 124.

Lipset S.M. (2006) Neizbyvnost’ politicheskih partij. [Non-exclusivity of political parties]. Political Science. no 1, p. 15.

Oblonskij A.V. (2011) Krizis bjurokraticheskogo gosudarstva. Reformy gosudarstvennoj sluzhby: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie realii [The crisis of the bureaucratic state. Civil Service Reforms: International Experience and Russian Realities] Moscow: Liberal Mission Foundation. p. 266

Dalton R. (2007). Democratic Challenges, Democratic Choices. Oxford: Oxford University Press.

Held D. (2006). Models of Democracy. Third Edition. Cambridge, Potity Press.

Habermas Ju. (2005) Politicheskie raboty [Political works]. Moscow: Praksis, p. 361

Verba S., Nie N.H., Kim J.-O. (1978). Participation and political equality: a seven-nation comparison. Chicago. p. 394.

R. Linssen, H. Schmeets, P. Scheepers, etc. (2014). Trends in conventional and unconventional political participation in Europe between 1981-2008. Political Trust and Disenchantment with Politics. Vol. 125. P. 31-58.

Bourne P.A. (2010). Unconventional political participation in a middle-income developing country. Current Research Journal of Social Sciences. Vol. 2 (2). p. 196-203.

Muller E.N. (1982). An explanatory model for differing types of participation. European Journal of Political Research. Vol. 10. p. 1-16.

Dalton R.J. (1999). Political support in advanced industrial democracies. Critical citizens: global support for democratic government ed. by P. Norris. Oxford. p. 57-77.

Norris P., Walgrave S., Van Aelst P. (2005). Who demonstrates? Antistate rebels, conventional participants, or everyone? Comparative Politics. Vol. 37, no. 2. P. 189-205.

Ekman J., Amna E. (2012). Political participation and civic engagement: towards a new typology. Human Affairs.. Vol. 22. p. 283-300.

Berger B. (2009). Political theory, political science, and the end of civic engagement. Perspectives on politics. Vol. 7, iss. 2. p. 335-350.

Hooghe M. (2014). Defining political participation: how to pinpoint an elusive target? ActaPolitica 49, p. 337. doi: 10.1057 / ap.2014.7/ https://core.ac.uk/download/pdf/34584678.pdf

Jan W. van Deth (2014). A conceptual map of political participation. Acta Politica 49, p. 349-367. DOI: 10.1057/ap.2014.6

Huyse L. (1994) De politiekvoorbij. Eenblik op de jarennegentig. Leuven, Belgium: Kritak.

Della Porta D. (2013) Can Democracy be Saved? Participation, Deliberation and Social Movements.

Mor S. (2019). “Nobody Understands Democracy Anymore.” Tablet Magazine.

Thomassen J. (2015). “What’s Gone Wrong with Democracy, or with Theories Explaining Why It Has?” In Citizenship and Democracy in an Era of Crisis: Essays in Honour of Jan W. van Deth, edited by Thomas Poguntke, Sigrid Roßteutscher, Rüdiger Schmitt-Beck, and Sonja 27 Zmerli. Abingdon and New York: Routledge. p. 34–52.

+-Gallie W.B. (1956). “Essentially Contested Concepts.” Proceedings of the Aristotelian Society 56. p. 167–98.

Mounk Y. (2018). The People Vs. Democracy: Why Our Freedom Is in Danger & How to Save It. Cambridge: Harvard University Press.

Mounk Y. (2018) b. “The Undemocratic Dilemma.” Journal of Democracy 29 (2). p. 98–112. doi:10.1353/jod.2018.0030.

Zorell C.V., Jan W. van Deth (2020). “Understandings of Democracy: New Norms and Participation in Changing Democracies.” SocArXiv. May 6. doi: 10.31235/osf.io/bmrxf. http://oru.diva-portal.org/smash/get/diva2:1453957/FULLTEXT01.pdf

Hooghe M., and Jennifer Oser. (2018). “Social and Political Citizenship in European Public Opinion: An Empirical Analysis of T. H. Marshall’ s Concept of Social Rights.” Government and Opposition 53 (4). p. 595–620. doi:10.1017/gov.2017.11.Social

Kim Chung Hee, Kenneth Amaeshi, Simon Harris, and Chang-Jin Suh. (2013). “CSR and the National Institutional Context: The Case of South Korea.” Journal of Business Research 66 (12). P. 2581–91. doi:10.1016/j.jbusres.2012.05.015

Webb P. (2013). “Who Is Willing to Participate? Dissatisfied Democrats, Stealth Democrats and Populists in the United Kingdom.” European Journal of Political Research 52 (6). p. 747–72. doi:10.1111/1475-6765.12021.

Denters B., Oscar W.G., and Mariano T. (2007). “Norms of Good Citizenship.” In Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis, edited by Jan W. van Deth, José Ramón Montero, and Anders Westholm. Abingdon: Routledge. p. 88–108.

Theiss-Morse E. (1993). “Conceptualization of Good Citzenship and Political Participation.” Political Behavior 15 (4). p. 355–80.

Skocpol T., Fiorina M.P. (Eds.) (1999).Civic Engagement in American Democracy.Washington: Brooking.

Zhunusova A. K. (2020) Prichiny nedoverija kazahstanskih grazhdan k institutu vyborov na osnove monitoringa SMI [Reasons for the lack of confidence of Kazakhstani citizens in the institute of elections based on media monitoring]. Bulletin of the Journal of Philosophy, Culture and Political Science. no. 1 (71). p.p. 109-119.

Dalton R. J. (2006). Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies. Washington: CQ Press.

Norris P. (Ed.). (1999). Critical Citizens.Global Support for Democratic Governance. Oxford: Oxford UniversityPress.

Putnam, R. D. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NewYork: Simon & Schuster

Borisov N.A, Zajnieva L.Ju. (2019) Partii i partijnye sistemy: opyt postsovetskih gosudarstv [Parties and party systems: the experience of post-Soviet states]. Bulletin of the Journal of Philosophy, Culture and Political Science. no. 3 (69). pp. 138-140

Hooghe M., Dejaeghere Y. (2007). Doesthe “Monitorial Citizen ”Exist? An Empirical Investigation in to the Occurrence of Postmodern Forms of Citizen shipin the Nordic Countries. Scandinavian Political Studies 30 (2). p. 249-271.

Norris P. (2002). Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. Cambridge: Cambridge UniversityPress.

Jan W. van Deth (2018). Norms of citizenship in: Kris Deschouwer (Ed.): Mind the Gap. Political Participation and Representation in Belgium. London: Rowman & Littlefield. Pp. 13-34. – http://www.mzes.uni-mannheim.de/d7/en/publications/book-chapter/norms-of-citizenship-0

Putnam R.D. (1997). Bowling Alone: Democracy in America at Century’s End. In A. Hadenius (Ed.). Democracy’s Victory and Crises. Cambridge: Cambridge University Press.

МРНТИ 04.51.35 https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v77.i3.11

Ж.К. Симтиков

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: zhomart-67@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Статья посвящена актуальному вопросу современности мирового развития на примере Республики Казахстан. В настоящее же время тема коррупции – одна из наиболее обсуждаемых в обществе и на политической арене, на локальном и международном уровнях, что выводит политологию и социологию на первый план в вопросе изучения рассматриваемого феномена. Это – системная проблема, требующая серьезного изучения и оценки ее влияния на различные аспекты жизнедеятельности. Проводя в целом анализ современных социологических исследований коррупции, можно отметить следующее. В связи с тем, что объективной проблемой измерения реальной картины состояния коррупции является сложность получения правдивых и объективных статистических данных, главным инструментом социологического исследования данного явления становятся интервью и опросы восприятия коррупции. Данный принцип является основополагающим в основных, наиболее известных исследованиях коррупции. Однако, социологические исследования позволяют выйти за рамки собственно коррупции и обратить внимание на другие проблемы, смежные с данной отраслью и при этом не менее важные. Такие, к примеру, как оценка влияния коррупции на уровень и качество жизни. Коррупцию можно охарактеризовать «негласным маркером» состояния социума, чутко реагирующего на социально-экономические колебания и дисфункции, в перспективе способные привести к снижению качества жизни населения страны, тем самым приводя к возникновению новых, неформально поддерживаемых коррупционных практик.

В нем проводится исследование методологии, применяемой в различных социологических исследованиях коррупции, анализируются подходы к анкетированию, наиболее часто задаваемые вопросы респондентам. Проводится оценка объективности социологических опросов восприятия коррупции, а также их эффективности с точки зрения выработки мер по повышению уровня жизни и благосостояния населения.

Ключевые слова: бюрократизм, государство, бизнес, граждан, исследование коррупции, административные процедуры, социологическое исследование, методология, социологический опрос, повышение уровня жизни.

Zh. K. Simtikov

Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: zhomart-67@mail.ru

Political aspects of some issues of corruption prevention

The article is devoted to the actual issue of modern world development on the example of the Republic of Kazakhstan. At the present time, the topic of corruption is one of the most discussed in society and in the political arena, at the local and international levels, which brings political science and sociology to the fore in the study of this phenomenon. This is a systemic problem that requires serious study and assessment of its impact on various aspects of life. Conducting a general analysis of modern sociological studies of corruption, we can note the following. Due to the fact that the objective problem of measuring the real picture of the state of corruption is the difficulty of obtaining truthful and objective statistical data, the main tool for sociological research of this phenomenon is interviews and surveys of corruption perception. This principle is fundamental in the main, most well-known studies of corruption. However, sociological research allows us to go beyond the actual corruption and pay attention to other problems related to this industry and no less important. Such as, for example, assessing the impact of corruption on the level and quality of life. Corruption can be characterized as an "unspoken marker" of the state of society, which is sensitive to socio-economic fluctuations and dysfunctions, which in the future can lead to a decrease in the quality of life of the country's population, thereby leading to the emergence of new, informally supported corruption practices.

It examines the methodology used in various sociological studies of corruption, analyzes the approaches to the questionnaire, the most frequently asked questions to respondents. The assessment of

 © 2021 Al-Farabi Kazakh National University

the objectivity of sociological surveys of the perception of corruption, as well as their effectiveness in terms of developing measures to improve the standard of living and well-being of the population, is carried out.

Key words: bureaucracy, state, business, citizens, corruption research, administrative procedures, sociological research, methodology, sociological survey, raising the standard of living.

Ж.К. Симтиков
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: zhomart-67@mail.ru

Сыбайлас жемқорлықтың алдын алудың саяси аспектісінің кейбір мәселелері

Мақала Қазақстан Республикасындағы әлемдік дамудың қазіргі заманғы өзекті мәселесіне арналған. Қазіргі уақытта сыбайлас жемқорлық тақырыбы қоғамда және саяси аренада, жергілікті және халықаралық деңгейде ең көп талқыланатын тақырыптардың бірі болып табылады, бұл саясаттану мен әлеуметтануды қарастырылып отырған құбылысты зерттеу мәселесінде бірінші орынға қояды. Бұл жүйелі мәселе болып табылып, ол өмірдің әртүрлі аспектілеріне әсерін байыпты зерттеуді және бағалауды қажет етеді. Сыбайлас жемқорлықтың қазіргі заманғы әлеуметтік зерттеулеріне тұтастай талдау жасай отырып, мыналарды атап өтуге болады. Сыбайлас жемқорлық жай-күйінің шынайы көрінісін өлшеудің объективті проблемасы шынайы және объективті статистикалық деректерді алудың қиындығы болып табылатындығына байланысты сыбайлас жемқорлықты қабылдаудағы сұхбаттар мен сауалнамалар осы құбылысты әлеуметтік зерттеудің басты құралы болып табылады. Бұл қағида сыбайлас жемқорлықтың негізгі, ең танымал зерттеулерінде негіз қалаушы болып табылады. Алайда, әлеуметтанулық зерттеулер сыбайлас жемқорлықтың шеңберінен шығып, осы саламен байланысты және маңызды емес басқа мәселелерге назар аударуға мүмкіндік береді. Мысалы, сыбайлас жемқорлықтың өмір деңгейі мен сапасына әсерін бағалау. Сыбайлас жемқорлық болашақта халқымыздың өмір сүру сапасының төмендеуіне әкелуі мүмкін әлеуметтік-экономикалық ауытқулар мен дисфункцияларға сезімтал қоғам жағдайының «жасырын белгісі» деп сипаттауға болады, осылайша жаңа, бейресми қолдау көрсетілетін сыбайлас жемқорлық тәжірибесінің пайда болуына әкеледі.

Онда сыбайлас жемқорлықты әртүрлі әлеуметтік зерттеулерде қолданылатын әдіснаманы зерттеу жүргізіледі, сауалнама тәсілдері, респонденттерге жиі қойылатын сұрақтар талданады. Сыбайлас жемқорлықты болдырмауға арналған әлеуметтік сауалнамалардың объективтілігіне, сондай-ақ халықтың өмір сүру деңгейі мен әл-ауқатын арттыру бойынша шаралар әзірлеу тұрғысынан олардың тиімділігіне бағалау жүргізіледі.

Түйін сөздер: бюрократизм, мемлекет, бизнес, азаматтар, сыбайлас жемқорлықты зерттеу, әкімшілік рәсімдер, әлеуметтік зерттеу, әдістеме, әлеуметтік сауалнама, өмір сүру деңгейін арттыру.

Введение

Заглядывая в прошлое, можно отметить, что социологическая наука на раннем этапе обходила стороной проблему коррупции, которая преимущественно изучалась с точки зрения экономики. К примеру, тема коррупции в британской общественной жизни долгое время игнорировалась как область социологических исследований (Hodgkinson, 1997.). В какой-то мере это можно объяснить невысокой на тот момент распространенностью случаев коррупции и отсутствием всеобщего восприятия данного явления, что делает любое социологическое исследование малопродуктивным и даже порой бессмысленным. В настоящее же время тема коррупции – одна из наиболее релевантных, обсуждаемых в обществе и на политической арене, на локальном и международном уровнях, что выводит социологию на первый план в вопросе изучения рассматриваемого феномена. Это – системная проблема, требующая серьезного изучения и оценки ее влияния на различные аспекты жизнедеятельности.

Любое социологическое исследование ставит перед собой в качестве цели выявление мнения респондентов относительно того или иного вопроса, то есть противопоставление статистическим данным, существенно искажающим реальную картину явления. В случае с коррупцией социологический опрос позволяет получить достоверные данные благодаря анонимности и гораздо большей объективности, нежели при обращении к официальной статистике регистрации коррупционных правонарушений. Однако, вероятность погрешности при проведении даже столь объективного метода исследования остается до-

статочно существенной, особенно если речь идет о таком сложном и специфическом явлении, как коррупция. В отдельных случаях коррупция может расцениваться респондентами как фактор, сглаживающий ненадлежащие административные процедуры, бюрократизм. При таких условиях отдельные категории граждан склонны не считать коррупцию злом и достаточно лояльны к ней. В целом же, социологическое исследование коррупции, в отличии от правовой статистической информации, не только дает более полную картину коррупционных правонарушений, но и позволяет понять целевые группы, определить субъектов и объектов коррупции, масштабы и отношение респондентов к этому явлению.

Проводя в целом анализ современных социологических исследований коррупции, можно отметить следующее. В связи с тем, что объективной проблемой измерения реальной картины состояния коррупции является сложность получения правдивых и объективных статистических данных, главным инструментом социологического исследования данного явления становятся интервью и опросы восприятия коррупции (Klimovitskiy, Karepova, 2016). Данный принцип является основополагающим в основных, наиболее известных исследованиях коррупции. Однако, социологические исследования позволяют выйти за рамки собственно коррупции и обратить внимание на другие проблемы, смежные с данной отраслью и не менее важные. Такие, к примеру, как оценка влияния коррупции на уровень и качество жизни. Коррупцию можно охарактеризовать «негласным маркером» состояния социума, чутко реагирующего на социально-экономические колебания и дисфункции, в перспективе способные привести к снижению качества жизни населения страны, тем самым приводя к возникновению новых, неформально поддерживаемых коррупционных практик (Osipov, Karepova, Klimovitskiy, Pinchuk, Nekrasov, 2019).

Очевидно, что измерение степени коррумпированности государства и отдельных отраслей необходимо, в первую очередь, для определения серьезности проблемы и выработки превентивных мер. В целом, влияние коррупции на уровень и качество жизни населения достаточно хорошо изучено классиками и современниками экономической науки, что в целом позволяет странам, опираясь на данные о состоянии коррупции, принимать превентивные меры, опираясь на эти теоретические выкладки. Однако, необходим дифференцированный подход. Это обусловлено различиями менталитета, национальных традиций, географических и культурных факторов. Поскольку коррупция является неправовым двусторонним взаимодействием, эффективное противодействие ей невозможно без систематического и целенаправленного участия институтов гражданского общества (Shediy, 2014), в целях формирования антикоррупционной культуры и нулевой терпимости граждан. При выработке антикоррупционных мер очень важна привязка к показателям качества жизни, а данный аспект, как показывает анализ публикаций, охвачен в недостаточной мере. В этой связи проведен анализ методологии проведения современных социологических исследований с целью выявления их взаимосвязи с восприятием коррупции как фактора, влияющего на качество жизни, и выработке рекомендаций по их совершенствованию.

Обоснование выбора темы; цели и задачи

В современных условиях основной целью государственного развития становится достижение социального прогресса. Благополучие населения становится ключевым вопросом повестки правительств, поскольку очень важно знать, насколько граждане разных стран, отдельные социальные группы внутри каждой из стран удовлетворены своей жизнью. При этом, одним из основных факторов, способствующих повышению качества жизни и доверия граждан к государству, является эффективная антикоррупционная стратегия вкупе с транспарентностью государства.

Действующая Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 гг. определила основные векторы противодействия коррупции на 10-летний период. Принимаемые меры позволили Казахстану в 2019 году улучшить показатель восприятия коррупции, формируемый международной организацией Transparency International, поднявшись со 124 места на 113 в мировом ранге.

Однако, противодействие коррупции в Казахстане по-прежнему остается одним из ключевых вопросов государственного управления и негативно влияет на удовлетворенность казахстанских граждан качеством жизни. Наряду с этим, в большей или меньшей степени коррупцией охвачены практически все сферы, составляющие основу повышения качества жизни населения. Также, это ведет к снижению доверия граждан к государству и отсутствию уверенности в будущем.

Наряду с этим, имеет место отсутствие комплексных научных исследований, направленных на выявление причин коррупции, обоснование принимаемых превентивных мер и формирование эффективной антикоррупционной политики государства. В ближайшие годы, в связи с завершением срока действия Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы, потребуется разработка нового программного документа. В данном контексте представленная работа, направленная на исследование основных аспектов модернизации антикоррупционной политики в контексте повышения качества жизни и благосостояния граждан в Республике Казахстан, является актуальной и имеет значительное прикладное значение.

Цель данного исследования заключается в разработке комплекса механизмов модернизации антикоррупционной политики в контексте повышения качества жизни и благосостояния граждан Республики Казахстан и предупреждения коррупции повышение роли этики.

Для достижения исследуемой цели поставлены следующие задачи:

- провести анализ работ, направленных на выявление причин коррупции;
- выявить этапы и предпосылки, количественные и качественные особенности, актуальные проблемы предупреждения коррупции повышение роли этики;
- разработать комплекс механизмов модернизации антикоррупционной политики в контексте повышения качества жизни и благосостояния граждан Республики Казахстан;
- изучить особенности проводимой РК политики в отношении принимаемых превентивных мер и формирование эффективной антикоррупционной политики государства;

В настоящее же время тема коррупции – одна из наиболее релевантных, обсуждаемых в обществе и на политической арене, на локальном и международном уровнях, что выводит социологию на первый план в вопросе изучения рассматриваемого феномена. Это системная проблема, требующая серьезного изучения и оценки ее влияния на различные аспекты жизнедеятельности.

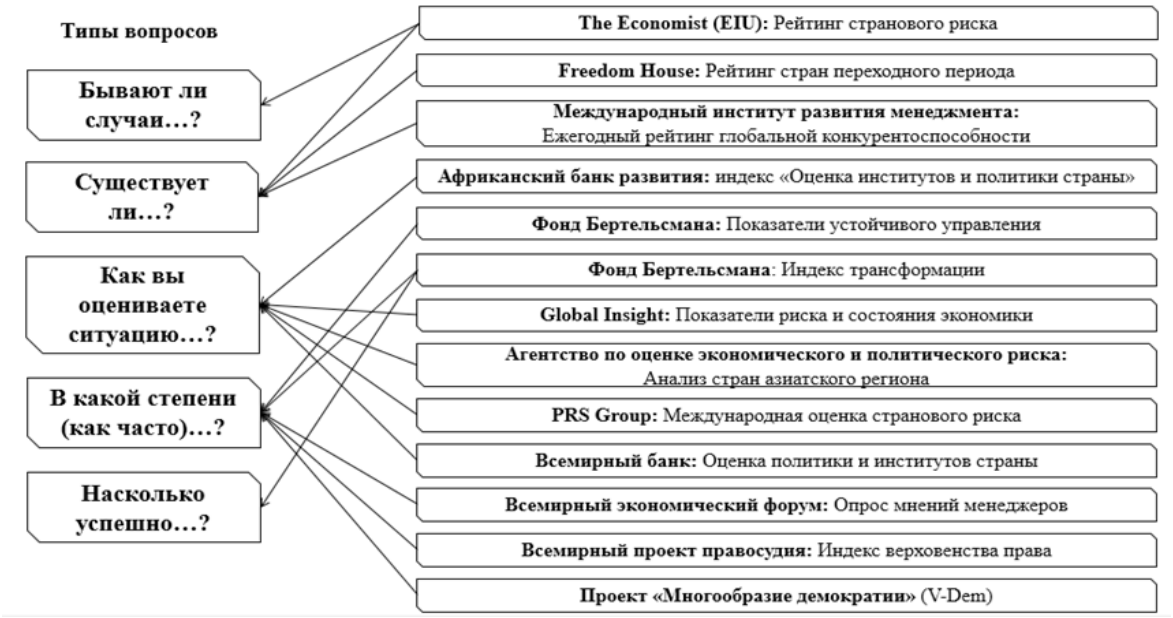
Методология исследования

Теоретико-методологической основой исследовательской работы стал структурный подход, предполагающий выделение совокупностей устойчивых взаимосвязей в целостных системах. Процесс исследования будет осуществлен с помощью общих и частных методов научного познания, включающих такие процессы, как измерения, сравнения, анализ и синтез, обобщение и конкретизация, отождествления, абстракции, формализации и логический анализ. В работе также используются следующие методы: анализ эффективности политики (policy analysis), анализ основных акторов (stakeholders analysis), SWOT-анализ, PESTLE-анализ, социологический опрос и экспертное интервью.

Результаты и обсуждение

Индекс восприятия коррупции Transparency International, наиболее авторитетный и цитируемый показатель подобного рода в мире, при проведении анализа руководствуется методологией, основанной на социологических опросах о восприятии коррупции в государственном секторе таких целевых групп, как предприниматели и эксперты по соответствующей стране. Так, при формировании показателя за 2020 год использовалось 13 международных источников, экспертам которых задавались вопросы, прямо или косвенно связанные с субъективной оценкой данными существующих коррупционных практик, а также состояния основных государственных институтов (Transparency International. Corruption Perception Index 2020.) Вопросы опросных листов преимущественно связаны с использованием государственных должностей для получения личной выгоды, нецелевым использованием бюджетных средств, кумовством на госслужбе и захватом власти отдельным узким кругом влиятельных лиц. Кроме этого, отдельные исследования рассматривают оценку состояния доступных методов борьбы с коррупцией (включая действенность судебного преследования, состояние законодательства, эффективность предпринимаемых правительством мер, защита свидетелей и т.д.). В целом характер вопросов можно разделить на следующие основные группы (Рисунок 1):

Несмотря на фундаментальность подхода Transparency International по выстраиванию максимально объективной и надежной методологии проведения сравнительного анализа восприятия коррупции в различных странах, можно заметить главный недостаток действующего подхода – не учитывается мнение населения, главной заинтересованной стороны, напрямую соприкасающейся с коррупцией и страдающей от её негативных последствий. На данный недостаток указывает также ранее проведенное исследование (Квон, 2015).



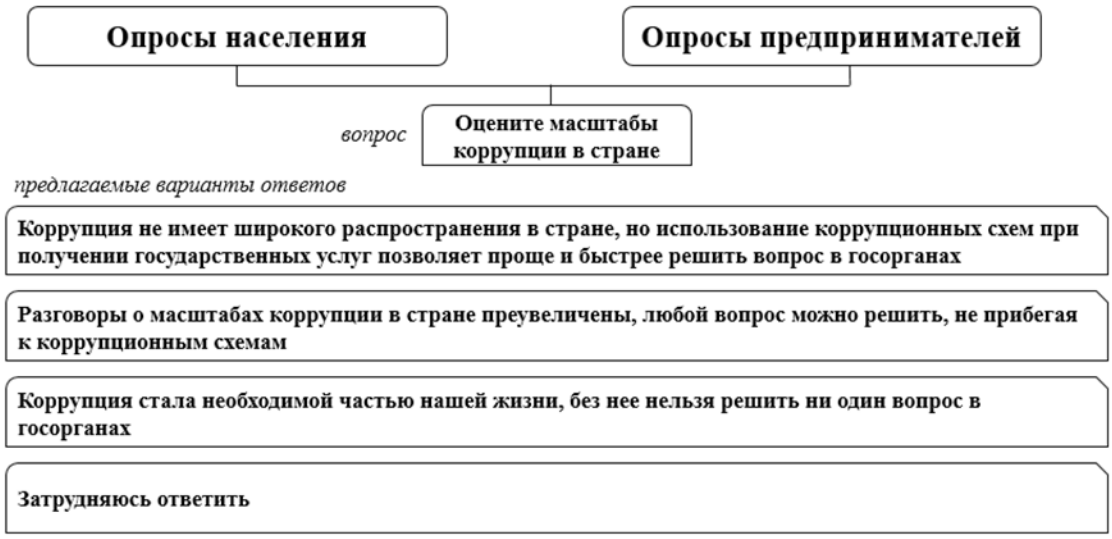
Источник: Transparency International. Corruption Perception Index 2020. Methodology. https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl

Рисунок 1 – Структура вопросов, используемых при опросе респондентов в рамках исследований, формирующих Индекс восприятия коррупции Transparency International

Одним из компонентов агрегированного показателя Всемирного Банка Worldwide Governance (WGI) является индикатор «Контроль коррупции». Показатель отражает представления о том, в какой степени государственная власть используется для личной выгоды, включая как мелкие, так и крупные формы коррупции, а также «захват» государства элитами и частными интересами (Worldwide Governance Indicators). В целом WGI аккумулирует и обобщает информацию из более чем 30 существующих источников данных (часть из которых также используется Transparency International при формировании ИВК), которые отражают взгляды и опыт граждан, предпринимателей и экспертов в государственном, частном и неправительственном секторах со всего мира относительно качества различных аспектов управления.

Применительно к международным исследованиям, довольно сложно привести к единому знаменателю большинство стран мира, обеспечив одновременно надежность, единообразие, унификацию показателей, способов их измерения и сопоставимость количественных значений уровня восприятия коррупции различных исследований. В этой связи, не опровергая и не умаляя значимости результатов международных исследований, применительно к конкретной взятой стране, необходим индивидуальный, собственный метод измерения коррупции и индикаторов качества жизни, на которые прямо или косвенно влияет коррупционный фон.

Подробное социологическое исследование уровня восприятия коррупции в государственных органах Республики Казахстан в рамках Программы развития ООН в Казахстане проводит национальное отделение Transparency International – ОФ Transparency International Kazakhstan. Проводимые в 2019-2020 годах опросы населения и предпринимателей основной целью ставили изучение коррупционного опыта у респондентов с дальнейшим определением регионов, должностей и государственных институтов, наиболее подверженных коррупции. Исследование состоит из двух частей – отдельно для граждан и бизнеса. При этом в обоих случаях используется метод ситуационного анализа, предполагающий сбор и анализ сведений на основе примеров конкретных ситуаций. Специально разработанный вопросник для проведения очного интервью включает стандартизированные вопросы, позволяющие получить представление о коррупционных практиках: кто, где и когда совершил или столкнулся с коррупционным действием (Transparency International Kazakhstan, 2020). Пример вариантов ответа для вопроса о ситуации с коррупцией в стране в целом, задаваемого населению и предпринимателям, приведены на схеме (Рисунок 2).



Источник: Transparency International Kazakhstan. Мониторинг состояния коррупции в Казахстане за 2020 год. http://tikazakhstan.org/transparency-kazakhstan-prezentoval-rezultaty-monitoringa-sostoyaniya-korruptsii-v-strane-za-2020-god/

Рисунок 2 – Предлагаемые респондентам ответы, согласно опросному листу Transparency International Kazakhstan на вопрос об их оценке восприятия коррупции в государственных органах

Другие вопросы, задаваемые респондентам, связаны с просьбой назвать государственный орган, в котором чаще всего приходится решать вопросы неформальным путем, категорию должностей, сферу деятельности. Также предлагалось детализировать имеющийся коррупционный опыт, перечислив государственные услуги, при обращении за которыми приходилось участвовать в коррупционной схеме, а также выразить свою удовлетворенность запросом на государственную услугу после коррупционной сделки и озвучить мотивацию данного действия. Подобный подход к социологическому исследованию позволяет гораздо более глубже понять отношение и степень терпимости общественности и бизнес-среды к коррупции в стране, однако по-прежнему не дает полной картины коррупционного влияния на социально-экономическую сторону, качество жизни в целом именно (с позиции восприятия такого влияния обществом).

В основе специального обзора по коррупции в Казахстане глазами предпринимателей, выполненного в 2018 году исследовательским центром «SANGE» по заказу Национальной палаты предпринимателей Казахстана «Атамекен», – социологические опросы респондентов по трем группам вопросов: оценка коррупции в государственных органах, факторы коррупции и оценка антикоррупционной политики. По блоку оценки коррупции предлагается оценить уровень коррумпированности госорганов, объем неформальных платежей. При коррупционной оценке анализируются инициаторы противоправной сделки и ее причины. Эффективность антикоррупционной политики оценивается согласно мнению предпринимателей об эффективности госорганов и итогов реализации государственных антикоррупционных программ (Специальный обзор по коррупции в Казахстане глазами предпринимателей). Главным результатом данного социологического исследования стало ранжирование местных исполнительных органов и территориальных подразделений центральных государственных учреждений по воспринимаемому уровню коррупции и эффективности принимаемых антикоррупционных мер в региональном разрезе, выявление «слабых мест».

Как можно видеть, в данных исследованиях основной акцент при проведении опросов ставится на оценку восприятия коррупции в государственном управлении, не охватывая частный сектор. Также, проводимые социологические опросы по теме коррупции стандартизированы и не включают вопросы о влиянии коррупции на благосостояние и качество жизни, ограничиваясь лишь выявлением терпимости граждан и предпринимателей к коррупционным деяниям.

При рассмотрении российского опыта в части проведения социологических исследований по вопросам коррупции в регионах интерес представляет Методика проведения социологических исследований в целях оценки уровня кор-

рупции в субъектах Российской Федерации (Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 года), принятая в 2019 году для изучения «бытовой» и «деловой» коррупции, возникающей при взаимодействии граждан и бизнеса с представителями власти. Методика закрепляет основные требования к проведению социологического опроса, в том числе в части формирования выборки респондентов, порядка проведения анкетирования, обработки данных и непосредственно к вопросам анкет. Более того, приложениями к методике утверждены перечни вопросов интервьюеров. Анализируя характер анкет, в целом можно констатировать, что вопросник состоит преимущественно из вопросов, стандартных для подобного рода социологических исследований. В части корреляции опроса с уровнем жизни стоит обратить внимание на наличие таких вопросов, как «Как вы оцениваете уровень своего материального положения?» и «Какая доля дохода в среднем приходится на неформальные платежи?», позволяющих выявить зависимость коррупции и благосостояния. Подобная методика видится полезной как инструмент, позволяющий систематизировать и усовершенствовать подходы к проведению социологических исследований коррупции в условиях Республики Казахстан, где на сегодняшний день подобный нормативно-правовой акт или ведомственный стандарт отсутствует.

Заключение и выводы

Коррупция, как социальное явление, интегрирована практически во все сферы жизнедеятельности. Не подлежит сомнению и тот факт, что коррупция препятствует экономическому росту и прогрессу общества в целом. Социологические опросы являются одним из наиболее действенных инструментов для идентификации уровня коррупции в стране, определения причин и факторов, способствующих ее возникновению. Проводя анализ разных методологий социологических исследований в контексте повышения благосостояния и качества жизни населения, можно сделать следующие выводы:

- международные социологические исследования уровня восприятия коррупции основаны преимущественно на стандартизированных показателях и не учитывают мнение населения;

- большинство социологических анкет по теме коррупции не включают вопросы, позволяющие выявить связь (влияние) коррупции с благосостоянием и уровнем жизни;

- в силу международной терминологии коррупция рассматривается как социальные отношения между государством, бизнесом и гражданами, лишь косвенно затрагивая квазигосударственный и частный сектора, являющиеся существенной частью экономики.

Для выработки наиболее эффективных инструментов антикоррупционной политики в контексте уровня жизни выработан ряд рекомендаций:

- использование более объективных локальных социологических опросов для подробного изучения мнения граждан относительно коррупции, ее влияния на уровень жизни и благосостояние;

- при проведении анкетирования обеспечение охватом респондентов вопросами по восприятию коррупции не только в государственном, но и частом секторе;

- разработка нормативной методологической базы для проведения социологических исследований применительно к местным условиям, в привязке к необходимости повышения благосостояния и уровня жизни населения, как основной задаче антикоррупционной политики.

Литература

Hodgkinson P. The Sociology of corruption: some Themes and Issues [Text] // Sociology. – 1997. Vol. 31, No. 1. – Pp. 17-35

Климовицкий, С.В., Карепова, С.Г. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции [Текст] / Институт психологии Российской академии наук // Социальная и экономическая психология. – 2016. Том 1. № 4. – С. 206-222.

Осипов, Г. В., Карепова, С. Г., Климовицкий, С. В., Пинчук, А. Н., Некрасов, С. В., Коррупция как социетальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа (Коллективная монография) [Текст]. – М., СПб.: Нестор-История, 2019. – 280 с.

Шедий, М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ [Текст] – Диссертация и автореферат по ВАК РФ 22.00.04. – 2014 – 393 с.

Transparency International. Corruption Perception Index 2020. Methodology. [Электронный ресурс] URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl

Квон, Д.А. Индекс восприятия коррупции: оценка методологии [Текст] // Власть, 06.2015. С. 72-76

Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс] URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents

Transparency International Kazakhstan. Мониторинг состояния коррупции в Казахстане за 2020 год. [Электронный ресурс] URL: http://tikazakhstan.org/transparency-kazakhstan-prezentoval-rezultaty-monitoringa-sostoyaniya-korruptsii-v-strane-za-2020-god/

Специальный обзор по коррупции в Казахстане глазами предпринимателей. Центр Сандж по заказу НПП "Атамекен". [Электронный ресурс] URL: https://atameken.kz/uploads/content/files/Специальный%20обзор%20по%20коррупции%20–%20копия.pdf

Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 года №662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации» [Текст].

Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства.

Pelizzo, Riccardo, Omer Baris, and Saltanat Janenova. Objective or perception-based: A debate on the ideal measure of corruption // Cornell Int'l – 2017-P.77.

Sharipova, Dina. Who gets what, when and how? Housing and informal institutions in the Soviet Union and Post-Soviet Kazakhstan // Central Asian Affairs – 2.2 – 2015- P.140-167.

Rumyantseva, Nataliya L. Higher education in Kazakhstan: The issue of corruption // International Higher Education. – 2004 – P. 37.

Oka, Natsuko Grades and degrees for sale: Understanding informal exchanges in Kazakhstan's education sector // Problems of Post-Communism. – 66.5 – 2019. – P. 329-341.

References

Hodgkinson P. The Sociology of corruption: some Themes and Issues [Text] //Sociology, 1997. Vol. 31, No. 1, pp. 17-35

Klimovitskiy, S.V., Karepova, S.G. Metodologiya izmereniya sotsialno-psikhologicheskikh faktorov korruptsii [Methodology for measuring socio-psychological factors of corruption] [Text] – Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya 2016. 1. № 4. – P. 206-222. (in Russian)

Osipov, G. V., Karepova, S. G., Klimovitskiy, S. V., Pinchuk, A. N., Nekrasov, S. V., Korruptsiya kak sotsiyetalnyy fenomen: sotsiologicheskiye, sotsialno-psikhologicheskiye i ekonomicheskiye aspekty analiza (Kollektivnaya monografiya) [Corruption as a societal phenomenon: sociological, socio-psychological and economic aspects of analysis (Collective monograph)] [Text] – M., SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. – P. 280 (in Russian)

Shediy, M.V. Korruptsiya kak sotsialnoye yavleniye: sotsiologicheskiy analiz [Corruption as a Social Phenomenon: Sociological Analysis] [Text] – Dissertatsiya i avtoreferat po VAK RF 22.00.04. – 2014 – P. 393. (in Russian)

Transparency International. Corruption Perception Index 2020. Methodology. [Electronic resource] URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl

Kvon, D.A. Indeks vospriyatiya korruptsii: otsenka metodologii [Corruption Perceptions Index: Methodology Assessmen] [Text] – Vlast, 06.2015. P. 72-76 (in Russian)

Worldwide Governance Indicators. [Electronic resource] URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents

Transparency International Kazakhstan. Monitoring sostoyaniya korruptsii v Kazakhstane za 2020 god [Monitoring the state of corruption in Kazakhstan for 2020]. [Electronic resource] URL: http://tikazakhstan.org/transparency-kazakhstan-prezentoval-rezultaty-monitoringa-sostoyaniya-korruptsii-v-strane-za-2020-god/

Spetsial'nyy obzor po korruptsii v Kazakhstane glazami predprinimateley [Special survey on corruption in Kazakhstan through the eyes of entrepreneurs] Tsentr Sandzh po zakazu NPP "Atameken". [Electronic resource] URL: https://atameken.kz/uploads/content/files/Специальный%20обзор%20по%20коррупции%20-%20копия.pdf (in Russian)

«Ob utverzhdenii metodiki provedeniya sotsiologicheskikh issledovaniy v tselyakh otsenki urovnya korruptsii v subyektakh Rossiyskoy Federatsii» ["On approval of the methodology for conducting sociological research in order to assess the level of corruption in the constituent entities of the Russian Federation"] [Text] Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii – 25.05.2019 – №662 (in Russian)

Qazaqstan Respýblıkasynyń Prezıdenti – Elbasy N.Á. Nazarbaevtyń Qazaqstan halqyna Joldaýy, Astana q., 2012 jylǵy 14 jeltoqsan "Qazaqstan-2050" Strategıasy: qalyptasqan memlekettiń jańa saıasy baǵyty (in Kazakh)

Pelizzo, Riccardo, Omer Baris, and Saltanat Janenova. Objective or perception-based: A debate on the ideal measure of corruption // Cornell Int'l – 2017-P.77.

Sharipova, Dina. Who gets what, when and how? Housing and informal institutions in the Soviet Union and Post-Soviet Kazakhstan // Central Asian Affairs – 2.2 – 2015- P.140-167.

Rumyantseva, Nataliya L. Higher education in Kazakhstan: The issue of corruption // International Higher Education – 2004 – P.37

Oka, Natsuko Grades and degrees for sale: Understanding informal exchanges in Kazakhstan's education sector // Problems of Post-Communism – 66.5 – 2019- P.329-341.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына арналған көрнекті мемлекет қайраткерлерінің жарияланымдары

Publications of view state activists dedicated to the 30th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan

Публикации видных государственных деятелей, приуроченные к 30-летию Независимости Республики Казахстан

Сулейменов Т.С.
Ценности независимого Казахстана ... 4

1-бөлім Философия

Section 1 Philosophy

Раздел 1 Философия

Christophe Darmangeat
The sexual division of labour in the origins of male domination: a marxist perspective ... 10

Kuranbek A.A., Askar L.A., Kindikbayeva K.K., Pernebekova D.P.
Transformation of nomadic existence ... 20

Малик Г.А., Касымбаев А.Ш.
Современные концепции феномена власти: социально-философский анализ ... 26

Хасанова А.М., Хасанов М.Ш., Петрова В.Ф.
Столетие евразийского нарратива: философско-методологические заметки ... 38

Джалмагамбетова С.М.
Философия сознания ... 54

2-бөлім Мәдениеттану

Section 2 Cultural Studies

Раздел 2 Культурология

Naizabayeva G.A., Dianova V.M., Yessim G.
Culture as an important resource for urban change ... 62

Елик Н.Н., Бауыржан Н.Б.
Театр в виртуальной реальности ... 70

Осербаев Е., Анжан Гош
Айналмалы билер мәдени девиацияның алдын алушы ретінде ... 83

3-бөлім Саясаттану

Section 3 Political Science

Раздел 3 Политология

Великая А.А., Семедов С.А.
Спортивная дипломатия постсоветских стран ... 94

Серикжанова А.Т., Нуртазина Р.А., Ланко Д.А.
Архитектура политического участия в условиях глобализации: политологический анализ ... 103

Симтиков Ж.К.
Политические аспекты некоторых вопросов предупреждения коррупции ... 114